

Московский исламский университет
Нижегородский исламский институт им. Х. Фаизханова

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

**ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Ежеквартальный альманах

Выпуск № 1–2 (29–30) 2013

Москва – Нижний Новгород
Издательский дом «Медина»
2013

Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты: ежеквартальный альманах. Вып. № 1–2 (29–30). — М.–Н. Новгород: ИД «Медина», 2013. — 104 с.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Дамир Ваисович Мухетдинов

ректор Нижегородского исламского института имени Х. Фаизханова, доцент ННГУ имени Н. И. Лобачевского,
кандидат политических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Виталий Вячеславович Наумкин

директор Института востоковедения Российской академии наук, член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор

Алексей Михайлович Васильев

директор Института Африки Российской академии наук, действительный член РАН,
главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», профессор

Акылбек Ленбаевич Салиев

директор Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете,
чрезвычайный и полномочный посланник Кыргызской Республики, кандидат исторических наук

Александр Алексеевич Князев

директор регионального Филиала российского Института стран СНГ (Институт интеграции и диаспоры)
в Бишкеке, доктор исторических наук, профессор

Григорий Григорьевич Косач

профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), доктор исторических наук

Айдар Нилович Юзеев

заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Казанского филиала Российской академии правосудия,
доктор философских наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Айдар Юрьевич Хабутдинов

профессор Казанского филиала Российской академии правосудия, член Высшей аттестационной комиссии
при Министерстве образования и науки России, доктор исторических наук

Дамир Зинюрович Хайретдинов

ректор Московского исламского университета, кандидат исторических наук

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редакции альманаха.

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ ФС77-35773 от 25 марта 2009 г.

Издано при финансовом содействии Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Бородай</i> Введение	5
<i>Э. Кауфман</i> «Скрытая сакрализация: религия возвращается в Европу»	9
<i>С. Бородай</i> «Ислам в современной Европе: демография, интеграция, перспективы»	28
<i>Т. Чодхури</i> «Мусульмане в Европе: отчет о жизни европейских мусульман в 11 городах ЕС»	69
<i>К. Горак-Сосновска</i> «Мусульмане в Европе: различные сообщества, один дискурс? Анализ перспектив Центральной и Восточной Европы»	73
<i>М. Энгелбрехт</i> «Через лабиринты идентичностей: мусульмане Германии пытаются найти свой путь между религией, традиционализмом, национализмом и единой организацией»	84
<i>А. Мухаматчина</i> «Мусульманская молодежь в Германии»	91
<i>Б. Долгов</i> «Арабо-мусульманская диаспора во Франции: исламская идентификация и светская демократия»	96

Islam in Modern Europe

(Contents)

<i>Sergei Boroday</i> Introduction	5
<i>Eric Kaufmann</i> «Sacralization by Stealth: Religion Returns to Europe»	9
<i>Sergei Boroday</i> «Islam in Modern Europe: Demography, Integration, Perspectives»	28
<i>Tufyal Choudhury</i> «Muslims in Europe – A Report on 11 EU Cities»	69
<i>Katarzyna Górak-Sosnowska</i> «Muslims in Europe: different communities, one discourse? Adding the Central and Eastern European perspective»	73
<i>Martin Engelbrecht</i> «Through the Maze of Identities: Muslims in Germany trying to find their way between religion, traditionalism, nationalism and the question of organisation»	84
<i>Alsu Muhamatshina</i> «Young Muslims in Germany»	91
<i>Boris Dolgov</i> «Arabo-Muslim diaspora in France: Islamic identity and secular democracy»	96

ВВЕДЕНИЕ

С. Бородай

*магистр филологии, младший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки
Института востоковедения РАН*

Европейский ислам — это специфичная и крайне неоднородная тема. Она включает в себя теологические, политические, демографические, социально-экономические, цивилизационные аспекты. Каковы географические границы Европы? Существует ли единое мусульманское идеологическое поле в Европе? Совместим ли ислам с европейскими ценностями? Какова численность мусульман в современной Европе? Кого считать мусульманином? Стоит ли к мусульманскому населению причислять нерелигиозных мусульман? Как трактовать демографические выкладки, в которых ведется категоризация по этническому признаку? Какие формы политического ислама совместимы с европейским либерализмом? Насколько в Европе распространены экстремистские течения? Какая политика должна вестись в отношении мусульман? Как должна пониматься интеграция и каковы ее конечные цели? Хотят ли мусульмане интегрироваться? Каково положение мусульман на рынке труда, на рынке жилья и в сфере образования? Насколько распространена дискриминация в отношении мусульман? Какой фактор является решающим при дискриминации: религиозный или этнический? Каким будет этнорелигиозный облик Европы через несколько десятилетий? Существует ли у европейских политиков глобальная стратегия, касающаяся ислама? Какова роль неевропейских стран и имеется ли у них глобальная стратегия? Не является ли приход ислама в Европу наглядным примером столкновения цивилизаций?

Эти и другие вопросы активно дискутируются в зарубежной литературе (особенно англоязычной). В последние несколько десятилетий по данной проблематике написаны сотни работ, а с недавнего времени выпускаются ежегодники, посвященные активному мониторингу ситуации. Можно сказать, что за рубежом удалось создать живое дискурсивное поле, характеризующееся неоднородностью, а подчас и полярными позициями. В этот дискурс, безусловно, вовлечены и ведущие мировые политики, формирующие перспективы европейского региона. Таким образом, от степени проработанности данной темы и от направления, в котором она прорабатывается, зависит то, как будет в дальнейшем констру-

ироваться европейская социально-политическая и культурная реальность.

Несмотря на важность проблемы европейского ислама, эта тема слабо представлена в русскоязычной литературе. Ее представленность ограничивается несколькими монографиями, несколькими профессиональными статьями и десятками научно-популярных статей. При этом широко распространено мнение (в частности регулярно высказываемое в публичных дискуссиях) о том, что ислам является огромной проблемой для Европы, что Европа уже исламизирована и через несколько десятилетий нужно будет говорить не о Европе, а о Еврабии; «катастрофическому» положению Европы часто противопоставляется «благоприятная» ситуация в России. Это свидетельствует об очень слабом понимании европейской ситуации в русскоязычной среде. Между тем существуют как чисто научные, так и стратегические причины, по которым европейский ислам должен волновать русскоязычных исследователей и читателей. Во-первых, положение мусульман в Европе должно быть интересно каждому, кто в той или иной мере интересуется Европой или занимается европейской проблематикой; это связано с тем, что уже сейчас ислам является частью европейской жизни и, вероятно, европейской идентичности, при этом роль ислама в данном регионе, судя по демографическим тенденциям, будет только усиливаться. Во-вторых, несомненный интерес представляет то, как европейские политики работают над интеграцией мусульманских иммигрантов (а работа ведется очень активно) и каковы их долгосрочные стратегии; это важно как с теоретической, так и с практической точки зрения — достаточно сказать, что проблема мусульманской иммиграции стоит на повестке дня и во многих российских городах, так что европейский опыт имеет большую ценность. В-третьих, европейский ислам особенно актуален, если учесть мировые демографические проекции: мусульманское население увеличивается численно и в процентном отношении, данный процесс в одинаковой мере касается и Европы, и России, поэтому в обозримом будущем проблема взаимоотношения российских мусульман с европейскими мусульманами встанет более остро; на данный

момент эти отношения практически отсутствуют на всех уровнях, что является явным геополитическим упущением. К этому следует добавить, что рост мусульманского населения в Европе может стать хорошим подспорьем для распространения по крайней мере косвенного идеологического влияния России в данном регионе, поскольку наша страна может предоставить, с одной стороны, модель мирного сосуществования разных религий, а с другой стороны, модель интеграции ислама в традиционную культуру и демократический режим; именно в таком специфическом мультикультурализме и нуждается сейчас Европа.

Данный спецвыпуск журнала «Ислам в современном мире» посвящен положению европейских мусульман. В спецвыпуске собраны общие работы, касающиеся демографии, интеграции, рынка труда, сферы образования, СМИ и др., а также обзоры по отдельным странам (государства ЦВЕ, Германия, Франция). Европейский ислам является крайне динамичной темой. Многие публикации 8–10 летней давности уже могут считаться устаревшими (достаточно сказать, что только в Великобритании число мусульман за последние 10 лет выросло в 2 раза!). Поэтому мы сосредоточили свое внимание на современных и актуальных трудах.

Сборник открывается работой Эрика Кауфмана «Скрытая сакрализация: религия возвращается в Европу» (2010), которая является одной из глав нашумевшей книги «Унаследуют ли религиозные люди планету?» («Shall the Religious Inherit the Earth?»). Английский политолог обращает внимание на демографические тенденции в современной Европе. Вопреки распространенному мнению о том, что образование является определяющим фактором для коэффициента рождаемости, в современной ситуации понятно, что очень часто решающую роль играет религиозность. Кауфман дает детальный анализ таких показателей, как коэффициент фертильности, степень ассимиляции, степень секуляризации, распространенность межрелигиозных браков и др.; он демонстрирует, как высокая религиозность некоторых еврейских, протестантских и исламских групп позволяет им сохранять (а иногда даже стремительно увеличивать) свое представительство в светской Европе. Другим аспектом религиозной демографии выступает иммиграция: пребывающие в Европу иммигранты являются в основном верующими христианами и мусульманами. Согласно Кауфману, эти факторы в совокупности с официальной мультикультурной моделью свидетельствуют о том, что Европу ожидает эпоха религиозного ренессанса.

При этом будет происходить эрозия атеизма и умеренной религиозности, сопровождаемая всплеском фундаментализма. Автор считает, что наиболее вероятен сценарий политической и идеологической коалиции христиан и мусульман (в пользу чего говорят многие факты современности), и это должно привести к формированию идеологии «морального традиционализма» в правом политическом крыле. Кауфман пророчит Европе идеологическую модель, во многом сходную с той, которую сейчас отстаивают американские республиканцы. По его мнению, альтернативный путь для Европы мог бы лежать через светский национализм, но подобная модель в глобальном масштабе является историческим табу.

Статья Сергея Борода «Ислам в современной Европе: демография, интеграция, перспективы» (2013) написана специально для данного сборника. В ней делается попытка представить в наиболее общем виде положение мусульман в современной Европе, прежде всего в странах «первого эшелона исламизации» ЕС. Источниковая база работы — это серия отчетов Фонда Сороса за 2008–2009 гг.; материалы отчетов дополняются актуальными демографическими и статистическими выкладками. Автор анализирует численность мусульман в современной Европе, а также демографические проекции на 2030 год. Отдельное внимание уделяется политическому контексту и европейскому пониманию «интеграционного процесса»: привлекаются документы ЕС, касающиеся интеграции, также рассматриваются механизмы интеграционной и иммиграционной политики на уровне ЕС. С опорой на материалы отчетов Фонда Сороса подробно анализируется положение мусульман в сфере образования, на рынке труда и жилья. Рассматриваются такие аспекты повседневной жизни мусульман, как доверие к полиции, ощущение принадлежности к району, городу и нации, степень сплоченности, социально-политическая активность, представленность в масс-медиа и др. Несмотря на призывность любого обобщения в столь комплексной теме, автор предполагает, что здесь все-таки могут быть выделены некоторые явные тенденции. По его мнению, современные материалы свидетельствуют о том, что передовые европейские страны сейчас преодолевают эпоху сегрегации этнорелигиозных меньшинств и вступают в период, когда меньшинства будут активно интегрироваться в социальную действительность, способствуя модификации самой этой действительности. Данный процесс будет всячески поддерживаться на уровне Евросоюза, пос-

кольку «интеграция» понимается его идеологами как взаимное приспособление между иммигрантами и обществом. Автор считает, что в рамках интеграционного процесса мусульмане сформируют специфическую форму «европейского ислама», который будет опираться на концепт гражданства и характеризоваться ослабленной связью с неевропейскими этнокультурными традициями. В свою очередь, принимающее общество также изменится, став более религиозным и консервативным. Гипертрофированный либерализм современной Европы будет поставлен в более жесткие «этические» рамки. Автор также отмечает, что для разных регионов Европы возможны различные сценарии развития событий, поэтому прогнозы в отношении стран «первого эшелона» не должны автоматически проецироваться на всю Европу.

Следующая статья из сборника называется «Мусульмане в Европе: отчет о жизни европейских мусульман в 11 городах ЕС» (2010). Она подготовлена исследователями из Фонда Сороса в качестве резюме более масштабной работы об исламе в таких городах, как Антверпен, Амстердам, Берлин, Гамбург, Копенгаген, Лестер, Лондон, Марсель, Париж, Роттердам и Стокгольм. В этой статье излагаются основные выводы, к которым пришли исследователи, а также даются рекомендации политикам муниципального, федерального и наднационального уровня. Авторы рассматривают положение мусульман на рынке труда, жилья, в сфере образования, в масс-медиа и более широком социальном контексте; анализ сопровождается комментариями участников фокус-групп из разных городов. В статье развенчиваются мифы о том, что мусульмане не хотят интегрироваться, что потребности мусульман и немусульман различны, что мусульмане не участвуют в общественной и политической жизни. Авторы рисуют в целом позитивную картину, свидетельствующую о том, что мусульмане активно взаимодействуют с остальной частью европейского общества.

Следующая статья принадлежит Катажине Горак-Сосновской «Мусульмане в Европе: различные сообщества, один дискурс? Анализ перспектив Центральной и Восточной Европы» (2011). Польская исследовательница сосредотачивает свое внимание на положении мусульман в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Эти страны обычно занимают периферийное положение в европейском дискурсе об исламе, что связано с демографическими, историческими и социокультурными обстоятельствами. Ни в одной из стран ЦВЕ доля мусульман от общей числен-

ности населения не превышает 1%, а в большинстве составляет 0.1%-0.4%. Но, как показывает Горак-Сосновска, это не препятствует существованию «платонической исламофобии» — негативного отношения к несуществующим мусульманам. Данный феномен, предположительно, импортирован из западноевропейской среды. Автор также обращает внимание на проблему «раздвоенности» ислама в странах ЦВЕ: с одной стороны, мы имеем традиционный ислам, хорошо инкорпорируемый в местную культуру; с другой стороны, прибывающие мусульманские иммигранты (хотя их число значительно меньше, чем в Западной Европе) размывают традиционные отношения. Горак-Сосновска показывает, что традиционный ислам в странах ЦВЕ является специфическим вариантом европейского ислама, который гармонично сосуществует с другими религиями и тесно взаимодействует с местными традициями, что позволяет говорить о мультикультурном характере этого региона. Но, по мнению автора, такая модель по целому ряду причин не может быть перенесена в западноевропейский контекст. Более вероятным сценарием выглядит трансляция западноевропейского дискурса и западноевропейских проблем в страны ЦВЕ. Таким образом, традиционная мультикультурная модель стран ЦВЕ находится в шатком положении.

Следующие две работы посвящены немецким мусульманам. В статье Мартина Энгелбрехта «Через лабиринты идентичностей» критикуется тезис о том, что мусульмане Германии являются единым сообществом. Энгелбрехт рассматривает всю пестроту течений немецкого ислама: от фундаментализма и национализма до универсализма. Будущее мусульман Германии автор видит в конструировании универсальной мусульманской идентичности, основанной на этических принципах и преодолевающей националистические рамки; ключевой действующей силой в этом процессе будет само мусульманское население, преимущественно его нижний социальный ярус. В статье Алсу Мухаматчиной «Мусульманская молодежь в Германии» рассматривается положение исламской молодежи, а также связанные с ней организационные структуры. В статье уделяется внимание таким вопросам, как правительственные инициативы, развитие немецко-исламского самосознания, межкультурный и межрелигиозный диалог, самоопределение, степень религиозности и др. Автор приходит к выводу о том, что молодые мусульмане Германии успешно сочетают исламскую идентичность и принадлежность к немецкому обществу.

Статья Бориса Долгова «Арабо-мусульманская диаспора во Франции: исламская идентификация и светская демократия» посвящена проблемам французских мусульман. Автор отмечает неоднородность французского исламского сообщества, а также неоднородность тенденций внутри сообщества. Выделяются ведущие направления: светский ислам, индивидуальный ислам и неофундаментализм. Все основные исламские организации, действующие во Франции, так или иначе связаны с этими направлениями, сочетая порой элементы каждого из них. По мнению автора, мусульманский климат во Франции зависит как от внутренних, так и от внешних факторов. Например, иракский и афганский кризисы воспринимаются частью мусульман как война против исла-

ма, что играет на руку исламистским идеологам. Несмотря на сложность и неоднозначность положения мусульман, автор считает, что для значительной части адептов мусульманская идентификация является не столько религиозной, сколько культурной, что способствует их полноценной интеграции во французское общество.

Европейский ислам является крайне дискуссионной темой. Поэтому при подготовке номера мы руководствовались стремлением представить альтернативные мнения, касающиеся прошлого, настоящего и будущего мусульман в Европе. Мы бы хотели, чтобы спецвыпуск журнала способствовал формированию в русскоязычной среде активного дискуссионного поля по проблеме европейского ислама.

СКРЫТАЯ САКРАЛИЗАЦИЯ: РЕЛИГИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЕВРОПУ¹

Э. Кауфман

*Ph.D., профессор политологии, научный сотрудник департамента политики
Колледжа Бирбек в Лондонском университете*

7 июля 2005 года в утренний час-пик транспортная система Лондона подверглась заранее спланированной атаке террористов-смертников. Три взрывных устройства были приведены в действие в поездах метро и одно — в автобусе, вследствие чего было убито 52 пассажира и 4 террориста-смертника, ранено более 700 человек. Теракт произошел слишком близко, чтобы не затронуть мое спокойствие. Бомба, заложенная в автобусе, взорвалась на Тэвисток-сквер, в центре района, где располагается Лондонский университет, буквально под окнами моего офиса. Печально, но теракт унес жизнь Бенедетты Кьячи, тридцатилетней итальянской студентки, изучавшей курс информационных технологий в Бирбеке, одном из колледжей Лондонского университета, где я преподаю. Печальная ирония заключается в том факте, что она была помолвлена с мусульманином из Лондона, Фиазом Бхатти, и эти двое тщательно планировали свадьбу в Риме, свадьбу, которая бы сочетала мусульманские и католические традиции. Вскоре после происшествия Фиаз в своем интервью сказал: «Мы принадлежали к разным религиям, но это никогда не было предметом спора. Обе религии учат одному и тому же — не убивать, не воровать, относиться к людям с уважением»².

Все террористы-смертники, действовавшие в тот день, выросли в Британии, разговаривали с английским акцентом и были фактически культурно ассимилированными жителями. Один — 29-летний Джермен Линдси — был выходцем с Ямайки. Трое других — Хасиб Хуссейн (18 лет), Мохаммед Сидик Хан (30 лет) и Шехзад Танвер (22 года) — имели пакистанское происхождение, но рождены были в Британии,

в так называемом мусульманском Бистоне, пригороде Лидса. Лидс, Лестер, Брэдфорд, Олдхэм, Бернли и Бирмингем образуют в центральной части страны кольцо городов с самой большой в стране концентрацией мусульман³. Волна терактов графически иллюстрирует то, как религия вновь проникла в политику «светской» Европы. Также становится ясна важность скрытых демографических сил, которые заставляют религию неявно внедряться в политическую сферу.

Европа своим примером показывает, как взаимодействие секуляризации и «непропорциональной» демографии может порождать фундаментализм. Эта ситуация лишь частично связана с мусульманским миром. Как известно, с 1960-х годов в Европе прослеживается серьезный упадок христианской набожности. Это привело к сокращению большинства церковных приходов и к превращению этих остатков в собрания преимущественно пожилых дам. Однако в европейском христианстве еще остались соки жизни, и религиозность обладает значительными ресурсами. Молодые христиане, как правило, являются большими традиционалистами в своей вере — зачем тогда противиться тенденциям, устанавливаемым сторонниками секулярности? Начиная с 1970-х годов, они разрастались со скоростью 4% в год, практически так же, как и мусульмане. Но христиане реже совершали паломничества к святым местам, таким как Сантьяго де Компостела в Испании и Лурд во Франции.

В 1950-х годах в Лурд приезжало около миллиона паломников в год, сейчас их число возросло до 6 миллионов. Даже в самые немногочисленные дни туда не приходят меньше 50 тыс. паломников, и нужно отметить, что значительная часть их — молодежь. Сегодня евангелисты и пятидесятники составляют более 8% населения Евросоюза, их число уже вдвое превышает число мусульман и все еще продолжает расти в том же темпе⁴. Хотя христианский фундаментализм находится в ста-

¹ Kaufmann E. Sacralization by Stealth: Religion returns to Europe // Kaufmann E. Shall the Religious Inherit the Earth? Demography and Politics in the Twenty-First Century. London, 2010 (публикуется с небольшими сокращениями). Эрик Кауфман является научным сотрудником департамента политики Колледжа Бирбек в Лондонском университете (сайт: <http://www.bbk.ac.uk/politics/our-staff/academic/eric-kaufmann>).

² Wainwright M. Obituary: Benedetta Ciacchia // Guardian. 2005. 9 December.

³ Rai M. 7/7: The London Bombings, Islam and the Iraq War. London and Ann Arbor, Mich.: Pluto Press, 2006. P. 25–50.

⁴ Johnson, Grim. World Religion Database, 2009; Jenkins. God's Continent. P. 61–62, 75.

дии возрождения по всему миру, его распространение в Европе более заметно на фоне предшествующего спада. По-видимому, христианство «окапывается», являя миру с одной стороны упадок, а с другой стороны — растущую силу фундаментализма. Как и везде, умеренные и центристские силы постепенно исчезают.

Иная общая черта с другими частями западного мира — впечатляющая роль демографии в развитии фундаментализма. Религиозная иммиграция и коэффициент рождаемости оказывают на нее серьезное влияние. Несколько недавних исследований касаются вопроса о взаимосвязи религиозности и изменения рождаемости в Европе. Традиционно считалось, что образование является определяющим фактором для коэффициента фертильности. И все же, во многих европейских исследованиях говорится о том, что уровень религиозности женщины в большей степени, чем образование, влияет на количество детей у неё. В Испании женщины, исповедующие католицизм, имеют значительно больше детей, чем их «нерелигиозные» сестры — это различие сохраняется при любом доходе и уровне образования. Но еще в 1985 году ситуация была иной: данные за тот период говорят о том, что многие прихожане оставались лишь формально верующими по некоторым социальным причинам, тем самым как бы маскируя разницу рождаемости между номинальными и действительными верующими⁵. Исследования во Франции показали, что рождаемость выросла в тех поколениях, в которых были верующие католички, коренные жительницы, рожденные после 1950 году, тогда как среди «формальных» католиков уровень рождаемости оставался прежним или падал. Французские женщины, рожденные в 1960 году, дали в будущем разницу в коэффициенте фертильности всего в 0,5 ребенка между верующими и «формально» верующими семьями. Авторы этих исследований акцентируют внимание на том, что упадок значимости религии во Франции, начиная с 1960-х годов, привел де факто к снижению рождаемости на 15–18% в последующие полвека⁶.

Если тенденции наших дней сохранятся, то мы можем говорить о возрождении христианской демографии. К тому же, уже видно выравнивание религиозного спада в странах первой волны секу-

ляризации. Во Франции и Скандинавии, где секуляризация укоренилась в XIX — начале XX века, среди довоенных поколений (до 1945 года) больше прихожан старшего возраста, тогда как среди рожденных в послевоенное время немало религиозной молодежи. Только 5% прихожан в этих странах регулярно ходят в церковь, это действительно преданные церкви люди, которые противостоят дальнейшему упадку религии. Фактически, секуляризация в Европе сейчас ограничена католическими странами новой волны секуляризации. Как только пропорция верующих католиков через поколение или около того упадет до уровня скандинавских стран, то есть до 5% прихожан, можно ожидать аналогичного «эффекта возрождения»⁷.

Выравнивание секуляризационных тенденций может позитивно повлиять на начало демографического возрождения, как это происходит сейчас среди евреев. Еврейские женщины, которые называют себя религиозными, в комбинированных исследованиях EVS («European Values Surveys», исследовательский проект, изучающий убеждения людей, то, как они изменяются со временем, и то, какие социальные и политические последствия это имеет) 1981, 1990, 1997 годы демонстрируют более высокие (в 2 раза) показатели рождаемости, чем нерелигиозные и атеистически настроенные еврейки. Разница становится еще более заметной при сравнении молодых женщин, для которых период деторождения еще не закончился⁸. За этими цифрами скрываются три различных группы населения. Первая — нерелигиозное, экономически успешное европейское еврейское большинство, с характерной низкой рождаемостью и сильной тенденцией к межрелигиозным бракам. Вторая группа — довольно бедные ультраортодоксальные сообщества, рождаемость в которых в 3–4 раза выше по сравнению с другими еврейскими объединениями. И последний сегмент — современные ортодоксы, которые характеризуются средним уровнем рождаемости и высоким уровнем сохранения религиозных традиций; представители данного сегмента с наибольшей частотой эмигрируют в Израиль.

В Великобритании 2008 год был первым годом после Второй мировой войны, когда уровень рождаемости среди евреев превысил уровень смертности. В период с 2005 по 2008 год численность британских евреев впервые начала расти. Это произошло точно не благодаря «нерелиги-

⁵ Adsera A. Marital Fertility and Religion: Recent Changes in Spain. IZA Discussion Paper 1399. University of Chicago: Population Research Center, 2004. P. 23; Berghammer et al. Religiosity and Demographic Events.

⁶ Regnier-Loilier et al. Does Religious Practice Influence Fertility and Demographic Events.

⁷ Kaufmann E. Human Development and the Demography of Secularisation in Global Perspective.

⁸ European Values Surveys 1981, 1990, 1997.

озным евреям», средняя рождаемость у которых была 1,65 ребенка на семью. Низкий уровень рождаемости, большой средний возраст, тенденция к межрелигиозным бракам и уходу из веры объясняют падение численности британских евреев с 450 тыс. в 1950 году до 280 тыс. сегодня. Тем не менее, женщины в ультраортодоксальных семьях имеют в среднем по 6,9 детей каждая, также лишь малое количество представителей данной религиозной группы заключают межрелигиозные браки или вообще уходят из веры. Следовательно, по некоторым подсчетам, именно на эту религиозную группу приходится три четверти всех рожденных в Британии еврейских детей, хотя ультраортодоксальные евреи составляют лишь 17% от общей численности евреев в этой стране. Скорее всего, к 2050 году они станут большинством среди британских евреев⁹. Вероятнее всего, модели развития событий в этом плане одинаковы по всей Европе.

Другой пример роста эндогенного фундаментализма являет собой Листедианская лютеранская церковь Финляндии. Данное объединение насчитывает от 80 до 150 тыс. человек, но оно остается при этом малым сообществом. В силу того, что эта конфессия отрицает контрацепцию, рождаемость в их сообществе намного выше, чем среди других представителей финских лютеран. В деревне Ларсмё, где проживает большое число листедианцев, рождаемость выросла, тогда как в целом по стране — упала: в 1940-х годов рождаемость здесь в два раза превышала среднюю рождаемость по стране, в 1960-х годах соотношение выросло до 3:1, к концу 1980-х показатель стал 4:1. К 1985–1987 годам уровень рождаемости в листедианских семьях был 5,47 детей на семью, тогда как по стране уровень был 1,45 детей на семью. Внутри данного религиозного сообщества существует разделение: группа «умеренных», которые предпочитают родить 4-х детей и затем использовать контрацепцию, и группа «консерваторов», которые вообще не контролируют рождаемость. Исследования среди листедианцев по уровню эндогамии и приверженности сообществу не проводились. Но члены данной конфессии объеди-

нены территорией проживания и родом занятий, что отличает их от анабаптистов старого порядка и ультраортодоксальных евреев, которые теряют своих членов из-за процессов ассимиляции. Несмотря на то, что некоторое количество адептов все-таки покидают веру и общину, женятся или выходят замуж за представителей других верований, численность представителей листедианской общины Ларсмё удвоилась за последние тридцать лет и сейчас составляет 40% от общего числа жителей деревни. При такой тенденции члены общины станут составлять две трети всех жителей деревни примерно через поколение¹⁰.

Ситуация с голландскими ортодоксальными кальвинистами может быть охарактеризована как умеренная версия той же динамики. Превосходство в уровне рождаемости среди кальвинистов не настолько очевидно, как среди ультраортодоксальных евреев и листедианцев, но его влияние усиливается тем фактом, что кальвинисты составляют значительную долю от общего населения. Среди женщин 1945–1949 годов рождения, коэффициент рождаемости у кальвинисток — 3 ребенка, в сравнении с протестантками, у которых данный показатель — 2,3, у католичек — 1,9, у людей, не принадлежащих ни к одной вере — 1,7. Данный фактор, в сочетании с серьезным сопротивлением распространению секуляризации, привел к недавнему росту показателей.

В 1829 году соотношение голландских католиков и протестантов было 40:60. Начиная с 1920 года, а особенно с 1960-х годов, господствующая Нидерландская реформатская Церковь (протестантская) переживала упадок — лишь 14% населения Нидерландов состояло в этой церкви, в сравнении с 49% в 1889 году. Если же принять во внимание только «активных» прихожан, которые посещали церковь хотя бы раз в месяц, то указанный показатель падает до 5%. Католики все еще составляли 32% от общего населения в 1999 году, их долгое время обвиняли в попытках численно вытеснить протестантов. Но секуляризация и демографические изменения нанесли наибольший урон именно им: к «активным» католикам сейчас относятся жалкие 8% населения.

Данная ситуация контрастирует с положением ортодоксальных кальвинистов, которые отделились от Нидерландской реформатской Церкви в 1886 году. В 1889 году они составляли 8% от общей численности. Сегодня, несмотря на дли-

⁹ Wise Y. Britain's Jewish Population on the Rise: Britain's Jewish population is on the increase for the first time since the Second World War, according to new research // Telegraph Online. 2008. 20 May. Эти данные оспариваются в других работах. Graham D., Vulkan D. Population Trends among Britain's Strictly Orthodox Jews. London: Board of Deputies of British Jews, 2008; Graham D., Schmol M., Waterman S. Jews in Britain: A Snapshot from the 2001 Census. London: Institute of Jewish Policy Research, 2007.

¹⁰ Finnas F. Fertility in Larsmö — the Effect of Laestadianism // Population Studies — a Journal of Demography. 1991. № 45 (2). P. 339–351.

тельный процесс секуляризации, их доля остается практически прежней — 7%. В отличие от представителей других вероисповеданий, большинство кальвинистов регулярно посещают церковь. В настоящее время активных кальвинистов по численности столько же, сколько и активных членов Нидерландской реформатской Церкви¹¹. Кальвинисты неравномерно распространены в цепи общин, так называемом «библейском поясе», распростершемся от Зеландии на юго-западе до Фрисландии и Оверэйсела в северно-центральной части Нидерландов. Предполагаемые корни генезиса «церковного пояса» уходят в XVII век, когда протестантские общины воевали с испанскими католическими силами во Фландрии. Сегодня эти сообщества отделены и религиозно, и демографически. В Урке, южной деревеньке, которая оказалась изолированной от основной территории вплоть до проекта освоения 1941 года, проживает самое молодое население в Нидерландах.

Проехав всего 1,5 часа от либерального Амстердама до города Стафорста, вы попадаете в совершенно иной мир. Около 80% населения здесь предпочитают не иметь телевизора. Каждое воскресенье автобусы остаются припаркованными, а местный пул закрывается. Четверть всех женщин надевают традиционные костюмы: черные чулки до колен, подвязанные резиновой лентой, юбки до щиколотки, фартуки, шали и шляпки, в сочетании с черными ботинками или деревянными сабо. Остальные одеваются консервативно. Половина молодежи переходят из отчего дома сразу в свою собственную семью, многие голосуют за Реформатскую партию (SGP) — консервативную христианскую партию, которая выступает против эвтаназии, однополых браков, публичных домов и женщин у власти. Эта партия получает в среднем 5% голосов и занимает 2–3 места в нидерландском парламенте¹². Традиции общины до определенной степени затрагивают окружающее население. Среди всех религиозных голландцев прослеживается следующая тенденция: те, кто не имеет детей, чаще всего покидают лоно церкви, как только вырастает, тогда как молодые люди с детьми остаются в церкви. Среди голландцев 36–39 лет, имеющих детей, около 20% посещают церковь как минимум раз в месяц, тогда как лишь 5% прихожан без детей посещают церковь

с такой же частотой¹³. Эта религиозная фертильность наряду с ростом числа кальвинистов и второй волной демографических изменений среди остальных голландцев обеспечивают выживание христианства.

Волна мигрантов с нового континента

Более активная и драматичная сторона религиозной демографии — это иммиграция. Оценка существующей ситуации такова, что к 2050 году практически четверть западноевропейцев не будет принадлежать к белой расе, к 2100 году это число вырастет до 60% (если считать смешанные расы)¹⁴. Приезжающие в Европу иммигранты — это преимущественно религиозные христиане или мусульмане, тогда как принимающее их общество является по большей части светским. Таким образом, иммиграция делает Европу более «разноцветной» и при этом более религиозной. Мы уже не можем говорить о светских европейских и религиозных иммигрантских меньшинствах, так как иммигранты и их дети *будут* во многом формировать Европу.

В эпицентре глобального южного христианства находится пятидесятничество, которое является самой изобильной и быстро растущей формой христианства¹⁵. Пятидесятники — экспрессивные фундаменталисты, которые верят в то, что Святой Дух может вселяться в человека, в результате чего появляется склонность говорить на непонятных языках. Принято считать, что пятидесятники сейчас составляют четверть всех христиан Земли; их число выросло в результате обращения католиков Латинской Америки, анимистов Африки, а также буддистов, синтоистов и атеистов Восточной Азии¹⁶. Многие из них иммигрировали в Европу. Только в Великобритании проживают около 250 тыс. пятидесятников, большей частью это иммигранты. Во Франции протестанты-евангелисты, преимущественно пятидесятники, увеличились в численности с 50 до 400 тыс. в течение 50 лет в основном за счет иммигрантов из Африки.

Католицизм и мейнстримовый протестантизм также выигрывают в сложившейся ситуации. В Дании именно иммигранты наполнили пустующие католические церкви и фактически затре-

¹¹ Haandrikman K., Sobotka T. The Dutch Bible Belt: A Demographic Perspective. Working paper, University of Groningen, Population Research Centre, 2003.

¹² Haandrikman, Sobotka. The Dutch Bible Belt; Ler Roux, Mariette. Calvinists Thrive in Dutch Bible Belt // Jakarta Globe. 2009. 2 September.

¹³ Berghammer C. Causality between Religiosity and Child-bearing: Evidence from a Dutch Panel Study. Paper presented at IUSPP conference, 2009.

¹⁴ Coleman, Scherbov. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries.

¹⁵ Jenkins. God's Continent. P. 58–67, 167.

¹⁶ Martin. Pentecostalism.

бовали строительство новых. В Ирландии поляки и литовцы на мессах численно вытесняют коренных жителей, которые все больше подвержены секуляризации. Глобальный Юг — это также единственный двигатель христианства в случае с официальными протестантскими деноминациями, таким как англиканство, что символизируется назначением в 2005 году Джона Сентаму (родился в Уганде) на должность архиепископа Йоркского. Это прямое следствие демографического взрыва на Юге и, в меньшей степени, секуляризма в Европе. В силу того, что центр христианства перенесся в тропики, несколько изменился и баланс сил между либерально настроенными европейскими клерикалами и традиционалистскими африканскими христианами; в частности, это касается вопросов о правах геев, лесбиянок и положении женщины в обществе. Это, в свою очередь, отражается на позиции церкви в самой Европе. В Великобритании десятая часть прихожан, посещающих воскресные службы, имеют африканское или восточно-индийское происхождение, а в Лондоне число таких прихожан достигает до 44%; если прибавить к этой цифре других прихожан небелой расы, то показатель вырастет до 58%. Благодаря иммиграции и большому приросту населения среди иммигрантов, число христиан-прихожан в «светском» Лондоне практически не менялось в период с 1989 по 2005 год, тогда как в остальной части страны их число сократилось на 40%¹⁷.

Подъем ислама в Европе

В то время как религиозная демография замедлила угасание христианства в Европе, для европейского ислама она послужила толчком в развитии. В конце второй мировой войны в Западной Европе фактически не было мусульман. Сегодня мусульман 15 миллионов, и они составляют от 2% до 6% населения большинства европейских государств. Первые мусульмане прибыли в Старый свет в начале Второй мировой войны, когда на заводах потребовалась дешевая рабочая сила. Во Франции с 1920-х годов трудилось много африканцев из Алжира. Остальные прибыли сразу после объявления независимости Алжира в 1962 году¹⁸.

В Германии большинство так называемых Gastarbeiter, или приглашенных рабочих, прибы-

ли из Турции с 1950-х годов. Марокканцы и турки преобладают в Бельгии и Голландии. Большинство европейских турок происходят из маленьких деревенок центральной Турции или с побережья Черного моря, то есть из религиозных районов страны. Они являются выходцами из низших слоев социально-экономической лестницы и поэтому имеют очень низкий образовательный уровень¹⁹. Это привело к непропорциональному религиозному «поток»у. В Скандинавию мусульмане мигрировали не так давно, в большинстве своем как беженцы. Их миграция отражает конфликты, назревшие в мусульманском мире: боснийский, курдский, иракский, афганский и сомалийский. В Великобритании находятся мусульмане преимущественно южно-азиатского происхождения; большинство составляют пакистанцы (43%) и бенгалцы (около 16%). Из британских пакистанцев около 70% происходят из Мирпура, сельского района пакистанского Кашмира. Первая волна переселенцев прибыла, чтобы работать на текстильных фабриках центральной Англии²⁰.

В большинстве европейских стран приток рабочих был плохо спланирован. В силу заката тяжелой европейской промышленности многие приезжие потеряли работу. Но вместо того, чтобы возвращаться домой, как наивно полагали коренные европейцы, многие иммигранты так и остались на новой родине. Даже без работы они могли обеспечить себе здесь гораздо лучший уровень жизни, чем в своей родной стране. За первыми иммигрантами-мужчинами последовали их жены, семьи и другие земляки в поисках прибежища и помощи. Второе поколение иммигрантов подвергалось большому риску безработицы и безысходности, многие стали нарушать закон и совершать преступления, становились наркоманами, в итоге число иммигрантов-заключенных выросло по сравнению с коренными жителями в восемь раз. В это время некоторые другие иммигранты находили выход в присоединении к радикальным исламистским группировкам²¹.

Как и афроамериканцы в загнивающих северных городах, таких как Детройт или Камден (штат Нью-Джерси), мусульмане на европейских территориях — в бедных пригородах или индустри-

¹⁷ Ibid.; Jenkins. God's Continent. P. 58, 92–96; Johnson, Grim. World Religion Database; «A New Jerusalem» // Economist. 2006. September 21.

¹⁸ Silverstein P. Algeria in France: Transpolitics, race, and nation, New Anthropologies of Europe. Bloomington: Indiana University Press, 2004.

¹⁹ Crul M., Vermeulen H. Immigration, Education, and the Turkish Second Generation in Five European Nations: A Comparative Study // Parsons C., Smeeding T. Immigration and the Transformation of Europe. Cambridge University Press, 2006. P. 238–239.

²⁰ Rai. 7/7. P. 72.

²¹ Caldwell. Reflections... P. 136; Khosrokhavar F. L'islam dans les prisons, Voix et regards. Paris: Balland, 2004.

альных городках — организовывались в гетто. Во Франции бидонвили, или трущобы, окружали главные города, как например Париж, и давали приют после войны тысячам бедных семей североамериканского, испанского, португальского и собственно французского происхождения. Каждая этническая группа имела всё необходимое в своей местности. Некоторые бидонвили просуществовали вплоть до 1960-х годов, но в итоге все трущобы были снесены для постройки новых жилых комплексов, которые, как и по всей Европе, появлялись в больших количествах в 1950–1970-е годы.

Во Франции многоэтажные *cités de transit* были вдохновлены функциональным модернистским видением Ле Корбюзье. Планировщики верили в то, что светлые, просторные, обтекаемые здания были прогрессивными, рациональными и несущими здоровье. Но на деле все оказалось не так. Основные высотные пригороды, такие как Сен-Дени и Обервилье близ Парижа, оказались отрезаны от системы метро, что порождало еще одну преграду для жителей, искавших работу. Дешевые постройки быстро постарели, теперь более 80% всех построек страдают от новодний, сломанных лифтов, изолированности и других дефектов. Почтовые ящики часто разломаны и разграблены. Группы хулиганов слоняются возле входов в здания и зачастую пытаются контролировать лифты. Во многих пригородах из-за преступности и отсутствия покупателей закрылись магазины. Как знак признания неудачи, сотни подобных построек были разрушены: с 1989 года из 300 тыс. квартир большая часть была выведена из эксплуатации.

Не все приезжие были представителями этнических меньшинств, и большинство из них не были мусульманами. Даже в Париже имеются значительные белые рабочие меньшинства, живущие в этих пригородах. Когда здесь преобладали белые жители, то они запугивали и нападали на иностранцев. В «кровавое лето» 1943 года около 15 алжирских рабочих были убиты в результате расистских атак в округе Марселя. Еще более жестокой формой насилия на почве расизма стали убийства афроамериканских детей, играющих во дворах, из винтовок 22 калибра. Только в июле 1983 года в пригороде Парижа было произведено семь обстрелов, которые унесли жизни пятнадцатилетнего мальчика и девятилетней девочки.

Сегодня большинство белых жителей пригородов — пожилые люди. Причиной этому отчасти является так называемый «белый перелет», но небелые жители тоже пытаются уезжать из подобных мест. Более значим тот факт, что поддержка вновь прибывших жителей оказывается только

в отношении небелых; таким образом, на данных территориях начинают преобладать этнические меньшинства. Во всяком случае, местные власти пытаются осуществить дискриминацию в пользу немусульманских азиатов, таких как вьетнамцы, используя нелегальные квоты. Несмотря на такие нелепые меры, некоторые пригороды, например Обервилье, все-таки становятся мусульманскими. Контраст между молодыми представителями этнических меньшинств и белыми пожилыми жителями малонаселенных районов огромен. В Париже, в пригороде Монфермей, афроамериканские школьники меняют облик белого района, известного как «район для стариков». Кристофер Колдвел видит в этом демографическом неравенстве цивилизационную метафору: столкновение живого ислама с увядающей Европой²².

Еврабия? Демография европейского ислама

Ведущий специалист по исламу из Принстонского университета, Бернард Льюис, в гамбургском издании «Die Welt» язвительно заметил, что к концу XXI века Европу в основном будут населять мусульмане. Этот комментарий вызвал волну шоковых настроений и дебатов по поводу того, не превратится ли Европа в Еврабию. Ссылаясь на Льюиса, Фриц Болкестейн, известный голландский консерватор, сообщил своей аудитории на собрании в честь третьей годовщины 11 сентября, что «современные тенденции позволяют сделать только один вывод: Европа исламизируется»; этим он породил новую волну дебатов. Болкестейн предупреждал также, что признание 83 миллионов турецких мусульман Евросоюзом значительно ускорит этот процесс. Подхватывая настрой и замечания Болкестейна, австрийский комиссар Евросоюза по сельскому хозяйству также предостерегает своих коллег от признания турок. С точки зрения стратегии и экономики принятие Турции в ЕС имеет смысл, но распространенные страхи о том, что это приведет к открытию ворот для массовой иммиграции в Европу, заставили отложить данную идею в долгий ящик. К дебатам присоединились даже академики. Французский демограф Жан-Клод Шене, например, говорит о «быстрой исламизации» его страны²³.

Консерваторы уводят разговор в сторону цивилизационной тематики. Американский католи-

22 *Silverstein*. Algeria in France... P. 92–97, 159–160; *Caldwell*. Reflections... P. 16.

23 *Caldwell C.* Islamic Europe // *Weekly Standard*. 2004. 25 September.

ческий теолог Джордж Уэйгел предсказывает, что в XXII веке будет существовать уже мусульманская Европа. Низкий коэффициент рождаемости среди европейцев, как пишет автор, это лишь одно из зол, которое принес с собой атеистический гуманизм; эта идеология не «заботится» о выживании западной цивилизации. «Когда беззащитная, уступчивая релятивистская культура встречается с культурой крепкой, уверенной, сплоченной едиными доктринами, — добавляет Кристофер Колдвел, — то обычно первая меняется под действием второй». В связи с созданием Центра для изучения ислама в Оксфорде (с минаретом и залом для молитв) Ниал Фергюсон процитировал слова Эдварда Гиббсона на тему будущего Европы: «Вероятно, в колледжах Оксфорда теперь будут изучать интерпретацию Корана и будут проповедовать святость и непогрешимость пророка Мухаммеда»²⁴.

Наблюдения Фергюсона, Колдвела и Уэйгела получили довольно широкий отклик среди ученых. В книге египетской еврейки Бат Йеор «Евразия: Европейско-арабский альянс» (2005) Европа перекрашена в зеленый цвет и обозначена как «Земля дхимми», что отсылает к статусу «дхимми» для немусульман в Исламских империях; для получения этого статуса немусульмане заключали договоры, по которым были вынуждены терпеть унижительное положение, чтобы избежать рабства и смерти. Острая риторика канадского журналиста Марка Стейна идет еще дальше. По факту, Мухаммед — это 1) самое распространенное мужское имя в большей части западного мира, которое дают сейчас новорожденным; 2) самое распространенное имя террористов и убийц; 3) имя почитаемого Пророка в самой быстрорастущей религии на западе. Именно на перекрестке этой статистики — религиозной, демографической, террористической, — по его мнению, нас ждет темное будущее. Подобные идеи получают популярность. В интернете распространился пародийный ролик «Европа 2015», где Великобритания переименована в Северный Пакистан, Франция — в Исламскую республику нового Алжира, Германия — в Новую Турцию, Бельгия — в Бельгистан, а Испания — в Мавританские Эмираты Иберии²⁵.

Тезис о Евразии вызывает сочувствие и среди оптимистичных мусульманских мечтате-

лей. Муаммар Каддафи вдохновлен идеей неминуемого исламского захвата Европы: «50+ миллионов мусульман (в Европе) превратят ее в мусульманский континент за несколько десятилетий». Он говорит это, следуя традиции своего арабского друга-диктатора Хуари Бумедьена, который в 1974 году очень экспрессивно высказался перед ООН: «Однажды миллионы мужчин покинут Южное полушарие и пойдут на Север. Но они пойдут туда не с миром. Они пойдут туда, чтобы завоевывать. И они завоюют его вместе со своими сыновьями. Чрева наших жен помогут нам в этом». Джихадист Омар Бакри после взрывов в Мадриде заявил в интервью Лиссабонской газете, что однажды надеется увидеть мусульманский полумесяц, возвышающийся над Даунинг стрит, 10 — резиденцией британского премьер-министра²⁶. Норвежский джихадист Мулах Крекар выразил схожее мнение: «Число мусульман растет, также как число москитов», — сказал он, не вполне понимая двусмысленность своей фразы. Даже мирные мусульмане присоединились к данной идее. Представитель «Аль-Джазиры» Юсуф Аль-Карадхави однажды сказал о том, что «ислам вернется в Европу и покорит ее», но «теперь война будет не мечами, а идеологией и проповедью».

Насколько обоснованы подобные опасения? Давайте оценим некоторые из этих тезисов. В 2009 году семиминутное видео «Мусульманская демография» стало хитом на Ютубе, и за два месяца, с мая по июль, было просмотрено более чем 10 млн раз. В видео использована драматичная музыка, карты и флаги для убедительности, но главное — оно начинается с довольно точной статистики, касающейся малой рождаемости среди коренных европейцев. Дальнейшие данные были завышены: сравнивался уровень рождаемости среди коренных французов — 1,8 и французских мусульман — 8,1, что является завышенным показателем. Истинный уровень рождаемости среди французских мусульман колеблется между 2,8 и 3,3. Далее в видео утверждается, что 30% французских детей до 20 лет являются мусульманами, хотя настоящая цифра — только 5,7%²⁷.

²⁶ Ibid. P. 197.

²⁷ Heran F., Gilles P. Two Children Per Woman in France in 2006: Are Immigrants to Blame? // Population and Societies 432. 2007. March. P. 2; Westoff C., Frejka T. Religiousness and Fertility among European Muslims // Population and Development Review 33:4, 2007. P. 785–809; Vegard S., Barakat B., Goujon A., Samir K. C., Kaufmann E., Lundevaler E., Stowaski M. Pew Forum Muslim Religious Demography Report: Albania, Bosnia and Herzegovina, France, Germany, Netherlands, Spain, Sweden and United Kingdom, forthcoming spring 2010.

²⁴ Weigel G. The Cube and the Cathedral: Europe, America, and Politics without God. New York: Basic Books, 2005; Caldwell. Reflections... P. 394; Ferguson N. Eurabia? // Hoover Digest. 2004. 4 April.

²⁵ Jenkins. God's Continent... P. 6; Steyn M. America Alone: The End of the World as We Know it. Washington D.C.: Regnery, 2006. P. 65.

Хотя официальные СМИ раскритиковали видео, они в итоге смогли с точностью сказать лишь о статистике на настоящий день, потому что *никто не выполнил абсолютно верные проекции на будущее*. Это отразилось на комментариях тех, кто согласился с фактом искажения статистики, но при этом апеллировал к отсутствию других прогнозов в масс-медиа. Как заметил один из читателей, написавший британскому новостному холдингу BBC: «Ознакомившись со статьей (опровержение информации из видео со стороны BBC), я все еще не понял до конца, что же на самом деле сейчас происходит... Я бы сказал, что в этом плане ваша статья не развеяла опасений, спровоцированных видео, а лишь усилила их»²⁸.

Хотя в социологических науках демографические проекции являются наиболее точными, только три западноевропейские страны занимаются сбором данных относительно религии. Более того, ни один ученый, занимающийся демографией, не предоставил каких-либо проекций относительно будущего соотношения религий в Европе, наподобие тех, что были представлены Американским исследовательским бюро по этническому составу на 2010, 2050 и 2100 годы. Чтобы компенсировать это упущение, я обратился в Международный институт прикладного системного анализа (IIASA), расположенный недалеко от Вены. Данный институт ведет программу учёта мирового населения, развивает свои компьютерные обеспечения для проекции размера групп (образовательных, религиозных, этнических) внутри стран. Проекционные программы должны учитывать возраст религиозной структуры, уровень рождаемости, уровень иммиграции (по возрасту и полу), обращения в другую веру, включая атеизм. Результаты будут представлены ниже, но пока давайте посмотрим на сегодняшнюю демографическую ситуацию среди европейских мусульман.

Мусульманское население Европы сегодня

На сегодняшний день в Евросоюзе насчитывается около 15 миллионов мусульман, что составляет 3% от общего населения ЕС. В большинстве западноевропейских стран число мусульман составляет от 2% до 6%. Самые современные данные о европейском исламе представлены в *диаграмме 1*, хотя я могу с определенностью говорить лишь о семи из этих стран: Великобритании, Франции, Испании, Швеции, Нидерландах,

Австрии и Швейцарии, так как мне были предоставлены данные об исследовании именно этих государств. Несмотря на то, что уровень рождаемости и иммиграции постоянно меняется, общая картина будущего религиозных групп уже доступна. Резкие очертания демографической обусловленной социальной модификации становятся очевидны, в первую очередь, из ситуации в общеобразовательных школах и родильных отделениях больниц, потому что иммигрантское население часто моложе и имеет больший коэффициент рождаемости, чем коренные жители. В Великобритании в 2001 году было 8,5% иностранцев, но одни роды из пяти приходились на иностранных женщин. Мусульмане до 16 лет составляют 4,7% от общего населения, а лица старше 65 лет — 0,6%. В Австрии в 2001 году (это еще одна страна, в которой собирается информация о религии) среди населения до 10 лет мусульмане составляли 8%, а среди населения старше 70 лет — только 0,2%²⁹. Подобные тенденции усиливаются в урбанизированных регионах, принимающих иммигрантов. Например, в Соединенном Королевстве один из пяти детей рождается от матери-иммигрантки, тогда как в Лондоне это число возрастает до двух детей. В Париже матери-иммигрантки составляют треть от общего числа, а в Копенгагене — пятую часть³⁰.

Наблюдается крайне сильное несоответствие в том, что демографы называют «самой низкой (lowest-low)» фертильностью по стране: в Италии на долю иностранцев приходится более 5% рожденных в 2004 году, тогда как в Риме этот показатель составляет 15%. В Турине на долю иностранцев приходится 25% родов и только 0,2% смертей³¹. В Москве «русскость» города быстро меняется в силу того, что в городе растет число наемных рабочих из других стран. Исследования 2008 года показали, что около 30% женщин, родивших в городе за год, не являются гражданами государства. Но данный показатель явно

²⁹ UK Census 2001, Ethnic Group by Age, table 4.8; *Goujon A. et al.* New Times, Old Beliefs: Investigating the Future of Religions in Austria and Switzerland. Paper presented at the Joint Eurostat/UNECE Work Session on Demographic Projections, Bucherst 10–12 October 2007; *Caldwell.* Reflections... P. 18.

³⁰ *Marechal B. A.* Guidebook on Islam and Muslims in the Wide Contemporary Europe. Louvain-la-Neuve: Academia Bruylant, 2002; *Westoff, Frejka.* Religiousness and Fertility among European Muslims. Mapping the Global Muslim Population, Pew Research Center's Forum on Religion and Public Life, 2009. p. 32.

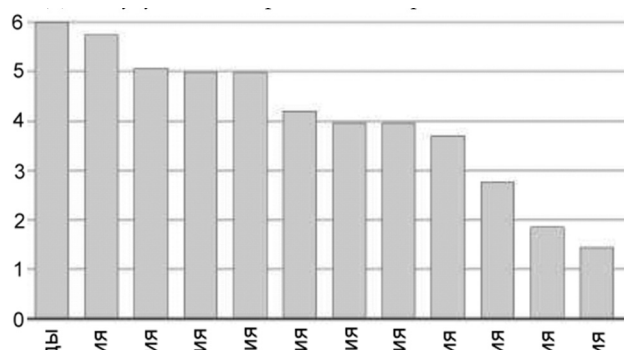
³¹ *Goble P.* Nearly One-third of Moscow Newborns are Children of Migrants // Window on Eurasia, from Kavkaz Center Russian Events, accessed 4 December 2008.

²⁸ *Knight R.* Debunking a YouTube hit // BBC Online. 2009. 9 August.

занижен в силу того, что большинство нелегальных иммигрантов не регистрируют своих детей. В качестве иммигрантов здесь выступают выходцы из стран бывшего СССР, а именно из Средней Азии.

Диаграмма 1.

Доля мусульман в европейских странах, данные за 2000–2008 гг., %³²

Иммиграция

Начиная середины 1980-х годов, около миллиона человек каждый год переселяются в Европу. Треть из них переезжают нелегально. В большинстве западноевропейских стран число иммигрантов-неевропейцев составляет около 50%, половина из них — мусульмане. Это значит, только иммигрантский поток в Евросоюз только на четверть является исламским. Однако данная пропорция может вырасти, так как растет поддержка восточноевропейских иммигрантов за счет улучшения благосостояния и сокращения экс-коммунистических территорий. В 2006 году около 8% жителей Евросоюза были иностранцами. Примерно четверть — это уроженцы Африки и Азии, из которых незначительное большинство были мусульманами³³.

По-видимому, 250 тыс. мусульман приезжает в Евросоюз каждый год, что составляет 0,5% от численности населения ЕС. Может быть, это кажется не очень многочисленным вливанием, но если посмотреть на ситуацию в США, куда ежегодно переселялось число иммигрантов испанского происхождения, равное 1% от общего населе-

ния, то мы увидим, что это изменило этническую карту страны за несколько десятилетий (при том, что рождаемость среди американцев выше, чем среди европейцев). Отсюда становится понятно, что количество приезжих действительно велико.

Рождаемость

Сравнительно высокие показатели рождаемости являются важным фактором в росте мусульманского населения Европы, и они будут определять ситуацию даже при отсутствии иммиграции. В Австрии в 1981 году коэффициент фертильности среди мусульман составлял 3.09 детей на женщину, тогда как в среднем по стране эта цифра была равна 1,67. В 1991 году соотношение было 2,77 к 1,51. В 2001 году оно стало 2,34 к 1,32. Несмотря на то, что среди мусульман рождаемость понизилась, разница в уровнях рождаемости осталась огромной. За последние 8 лет фертильность среди коренных жителей Австрии незначительно выросла, достигнув отметки 1,4; предположительно, рождаемость среди мусульман и коренного населения начнет выравниваться. Это то, что произошло в большинстве европейских стран, потому что уровень рождаемости в мусульманских странах стал снижаться, а прирост коренного населения стал небольшими темпами расти за последние несколько лет³⁴.

Хотя большинство мусульманских стран характеризуются коэффициентом фертильности выше 3 детей на женщину и замедленным демографическим переходом (из-за исламистского сопротивления), все же в основных странах, откуда прибывают иммигранты в Европу, уровень рождаемости значительно снизился. К таким странам относятся Иран, Турция, Алжир, Тунис (здесь уровень рождаемости и смертности приблизительно равен) и Марокко (2,59), но сюда не входят Пакистан (3,6) и Сомали (6,52). Изменения в родных для иммигрантов странах влияют и на диаспоры. В Германии уровень рождаемости среди турок упал с 4,4 (1970 год) до 2,4 (1996 год). В Англии и Уэльсе рождаемость среди пакистанских и бенгальских иммигрантов упала с 9,3 до 4,9 в промежутке с 1971 по 1996 год. В Бельгии рождаемость марокканцев снизилась с 5,72 до 3,91 в период с 1981 по 1996 год. С одной стороны, рождаемость мусульман в Европе в три раза превышает рождаемость среди коренного населения Евросоюза и Норвегии, в основном за счет пакистанцев и сомалийцев. С другой сто-

³² Office of National Statistics 2006; www.wantedinrome.com, Immigrants: Foreign Babies in Rome, 30 November 2006.

³³ Pedersen P., Pytlikova M., Smith N. Migration into OECD Countries, 1990–2000 // Parsons, Smeeding. Immigration and the Transformation of Europe, 2006. P. 56–58; Barbone L., Bontch-Osmolovsky M., Zaidi S. The Foreign-born Population in the European Union and its Contribution to National Tax and Benefit Systems — Some Insights from Recent Household Survey Data. World Bank Policy Research working paper 4899 (2009).

³⁴ Myrskylä M., Kohler H., Billari F. Advances in Development Reverse Fertility Declines // Nature 460: 7256 (2009). P. 741–743.

роны, рождаемость иранцев примерно равна или даже ниже рождаемости коренного населения во всех европейских странах, турки Норвегии имеют показатели также близкие к показателям «принимающей страны». Предположительно через поколение или два рождаемость турок приблизится к рождаемости коренных жителей «принимающих» европейских стран³⁵.

Приблизится, но никогда не уравнивается с ней. Почему? Имеется поразительная статистика, согласно которой рождаемость среди турок и североафриканцев в Европе выше, чем рождаемость в их родных странах. Особенно это относится к туркам и марокканцам в Бельгии, что, возможно, связано с бедностью сельских поселений, откуда приезжают большинство иммигрантов. Религиозные женщины любой веры демонстрируют более высокий коэффициент фертильности, чем их нерелигиозные сестры. Это особенно верно по отношению к мусульманам Европы: религиозные мусульмане на 40% чаще имеют 3 и более детей, чем нерелигиозные мусульмане. Эта тенденция сохраняется даже тогда, когда исследователи учитывают фактор возраста, замужества, дохода и образования. Мусульманские женщины чаще становятся набожными, чем женщины других вер, соответственно в мусульманских семьях рождаемость будет выше, но не такой высокой, какой она была раньше. Как бы то ни было, но пропасть в рождаемости будет пролегать между религиозными и нерелигиозными людьми.

Секуляризация

Обзоры европейских меньшинств демонстрируют, что иммигранты в целом более религиозны, чем коренные жители Западной Европы³⁶. Секуляризация может трансформировать мусульман в светских европейцев, но имеется слишком мало свидетельств об упадке религиозности среди мусульман. Статистические обзоры показывают, что примерно четверть мусульман посещают мечеть хотя бы раз в неделю. Молодые мусульмане демонстрируют примерно равные показатели со взрослыми. Это контрастирует с религиозностью среди европейских католиков: старшие поколения дают высокие показатели, в то время как молодые люди редко посещают церковь. Среди протестантов только 5% верующих еженедельно

посещают церковь, что в 5 раз меньше показателей мусульман. В Англии мусульман, посещающих мечеть еженедельно, больше, чем представителей англиканской церкви, при этом в англиканской церкви растет доля небелых прихожан³⁷.

Материалы двух самых значительных исследований по Великобритании говорят о том, что за период с 2001 по 2003 год мусульмане сделали огромную работу по передаче религиозности своим детям. В 2001 году 71,4% рожденных в Британии мусульман сказали, что их религиозная идентичность важна для них, тогда как британские мусульмане, рожденные в других странах, показали худший результат. Среди бенгальцев и пакистанцев 97% местных и рожденных за границей респондентов идентифицировали себя в качестве мусульман и дали понять, что их будущее поколение не оставит традицию. Исследование 2003 года показало незначительные элементы секуляризации: 80% опрошенных подтвердили, что они продолжают исповедовать свою религию, в то время как предыдущее исследование дало цифру в 88%. Сравним эти показатели с показателями секуляризации африканских и карибских христиан: 73% рожденных за границей придерживаются своей веры, тогда как рожденные в Британии христиане продолжают следовать традиции лишь в 43% случаев.

В соответствии с исследованием 2001 года доля бенгальцев и пакистанцев, которые не отнесли себя ни к одной религии, составила 0,5%, против 11,3% черных карибцев. Доля пакистанцев и бенгальцев во втором поколении, не принадлежащих ни к одной религии, возросла лишь немного: с 0,32% до 0,68%. Недавнее голландское исследование подтвердило эти результаты: число лиц, не относящих себя ни к одной религии, во втором поколении турок (4,8%) и марокканцев (3,1%) меньше, чем в целом среди голландцев. Европейские мусульмане, похоже, нашли волшебную формулу для противодействия процессам секуляризации.

Исключительность французских мусульман?

Исключением из этих тенденций являются французские мусульмане, особенно алжирского происхождения: 60% французов, у которых хотя бы один родитель алжирец, не относят себя

³⁵ Westoff, Frejka. Religiousness and Fertility among European Muslims...

³⁶ Ibid.; Courbage Y. Migrants in Europe: Demographic Characteristics and Socio-Economic Conditions. INED Working Paper (Paris), 2007.

³⁷ Van Tubergen F. Religious Affiliation and Attendance among Immigrants in Eight Western Countries: Individual and Contextual Effects // Journal for the Scientific Study of Religion 45:1 (2006). P. 1–22.

ни к одной религии³⁸. Почему? В 1999–2000 годах в Алжире была наименьшая доля религиозных респондентов (55%) в сравнении с любой другой мусульманской страной; этот показатель был ниже, чем у ближневосточных стран. Но это не совсем точные данные, поскольку сложившаяся ситуация является результатом скорее политической идентификации, нежели религиозной. Тем не менее она, действительно, демонстрирует что-то очень важное. Берберы из Кабийского региона имеют укоренившуюся традицию идентифицировать себя с приватным исламом.

Французские колонисты и местные берберские интеллектуалы пропагандировали идею о том, что берберы были земледельцами, больше похожими на европейцев, чем на кочевых арабов. Предполагалось, что они обладали европейским этническим происхождением, меньшей религиозностью и большим индивидуализмом в сравнении с арабами. «Под мусульманским „покровом“, — писал один французский обозреватель, — можно найти семя христианства. Жители Кабийского региона, частично коренные, частично немцы по происхождению, изначально христиане, так и не трансформировались в мусульман». В ходе алжирской войны за независимость кабилы присоединились к борьбе, но выступали в роли социалистов или светских националистов. В 1980-х годах они восстали против доминирующего арабского режима, но их мятеж был подавлен. Многие кабилы во Франции продолжают выступать за независимость. Один молодой парижанин из Кабилии, Юнис, живо вспоминает свое первое детское путешествие в Алжир: «Когда я в Алжире спросил пожилого человека, которого встретил на улице, как мне пройти к стадиону, то он ударил меня за то, что я говорил на кабийском. Потом я спросил это у полицейского, но он напугал меня своей дубинкой»³⁹.

Около 60% французских алжирцев имеют кабийское происхождение. Многие алжирцы некабийского происхождения переселились во Францию из-за лояльности к этой стране во время войны за независимость. Часть из них были профранцузскими харками, которые воевали за французов и вынуждены были спасаться бегством, чтобы избежать тюрьмы и смерти. Подобную лояльность можно увидеть среди индонезийцев в Голландии и угандийцев в Британии,

хотя эти народности составляют лишь малую долю мусульманского населения.

Спорт представляет собой альтернативу традиционной религии. И многие французские мусульмане являются заядлыми футбольными фанатами. В 1998 году французская национальная сборная во главе с Зинедином Зиданом, кабилцем из Марселя, выиграла чемпионат мира по футболу. На стадионе, а потом и на улицах фанаты выкрикивали его кличку «Зизу». Его изображение было спроецировано на Триумфальную арку, его запечатлели поющим национальный гимн Франции. «Найк» и другие спортивные компании использовали этот успех, чтобы продвинуть идею о том, что плюрализм преобладает над исламским религиозным фанатизмом и белым расизмом⁴⁰. Эти факты могли поспособствовать ассимиляции алжирцев. Как подметил Джонатан Пэрис, около 81% британских мусульман говорят сначала, что они мусульмане, а уже потом, что британцы, тогда как во Франции только 46% мусульман ставят религиозную принадлежность выше национальной⁴¹.

Роль межрелигиозных браков

Между секуляризацией и межрелигиозными браками имеется неоспоримая связь. В Европе браки, в которых хотя бы один из супругов является атеистом или исповедует иную веру, приводят к появлению нерелигиозных детей⁴². Если мы посмотрим на Германию, Бельгию, Голландию, Британию и Францию, то увидим, что межрелигиозные браки здесь встречаются реже всего среди мусульман (всего 8%). Второе поколение мусульманских иммигрантов демонстрируют чуть более высокий процент межрелигиозных браков, чем их родители — 10,5% (вместо 6%). Алжирские французы же наиболее склонны к подобным бракам: в 1992 году, сопротивляясь мусульманским тенденциям, в них вступили 50%. Сравните также упомянутый низкий уровень межрелигиозных браков среди мусульман с показателями западных индийцев: 26% свадеб в первом поколении и 53% — во втором⁴³. Таким образом, в Европе религия оказывается более серьезным барьером к смешанным бракам, чем этническая принадлежность.

⁴⁰ Ibid. P. 124–127.

⁴¹ Paris J. Europe and Its Muslims // *Foreign Affairs* 86:1 (2007). P. 182–184.

⁴² Voas D. Inter-marriage and the Demography of Secularisation // *British Journal of Sociology* 54:1 (2003). P. 83–108.

⁴³ Lucassen L., Laarman Ch. Immigration, Inter-marriage and the Changing Face of Europe in the Post War Period // *The History of the Family* 14:1 (2009).

³⁸ Amiraux V. *L'Islam en France* // *Encyclopaedia Universalis France*. Paris, 2004.

³⁹ Silverstein. *Algeria in France...* P. 36, 54, 70–72.

В Великобритании браки между мусульманами и представителями другой веры довольно редки: до 92% мусульман женятся на единоверцах. Мусульманские этнические группы одни из самых эндогамных в стране: около 90% бенгальцев и пакистанцев женятся на своих, в сравнении с 49% карибцев, 62% китайцев и 65% темнокожих африканцев. Доля жителей Британии, матери которых родом из Бангладеш или Пакистана и которые исповедуют веру своих матерей, — 92–93%. В противоположность этому показатели для карибцев составляют 30%, а для китайцев — 27%.

Тем не менее этнические привычки могут быть проводниками таких тенденций в большей мере, чем ислам. Учитывая меньшее число британских индузов и сикхов, мы бы ожидали, что уровень межрелигиозных браков у них будет выше, чем у мусульман. Однако британские индузы практически полностью (90%) эндогамны, как и мусульмане, а сикхи также показывают высокие результаты — 93%. Интересно, что эти южно-азиатские группы предпочитают жениться на белых, чем на людях из своего региона. В 2001 году только 0,3% мусульман были женаты на индузах или сикхах, в сравнении с 5,7%, которые заключили браки с христианами, и 1,5%, выбравших спутника-атеиста.

Этническая природа брака проявляется в том, что межмусульманские браки крайне редки. Более чем в 12 тыс. примерах из нашей британской подборки, включающей пакистанцев и бенгальцев, встретилось только 25 пакистано-бенгальских пар⁴⁴. Следовательно, этническая принадлежность — это основная преграда к ассимиляции для большинства мусульманских групп, так как эндогамия является нормой в Южной Азии и на Ближнем Востоке. Африканские мусульмане, прибывшие из Тропической Африки, не имеют таких строгих ограничений, но в Европе их численность незначительна. В целом южно-азиатская эндогамия, будь то мусульманская, сикхская или индульская, препятствует ассимиляции, в то время как карибский креолизированный регион готовит к этому. Мусульманское сопротивление ассимиляции набирает силу: известно, что турецких, пакистанских и марокканских детей заставляют жениться на представителях их родной страны или даже деревни. Часто такие браки планируются заранее, иногда они происходят между двоюродными братьями и сестрами. В Голландии с 1988 по 2002 год 71% турок второго поколения и 59% марокканцев второго поколения вступи-

ли в брак с выходцем из родной страны. Схожие тенденции можно обнаружить и в Бельгии. Но во Франции иная ситуация: лишь около 17% мужчин (и 54% женщин) стремятся вступить в брак с этническим алжирцем.

Имеется предположение, что ограничивающие иммиграцию законы, которые принимаются с 1970 года, усиливают давление на европейских мусульман, так как вступление в брак становится единственным способом перебраться в Европу. Это особенно относится к мусульманским женщинам, которые в большей степени подвержены патриархальному принуждению⁴⁵. Меры, принятые в рамках голландских, германских и датских законов (повышение минимального возраста возможного супруга, учет знания языка, период ожидания), привели в итоге к сокращению «свадеб с целью иммиграции». Датский закон особенно строг: жители до 24 лет, которые вступают в брак не с представителями Евросоюза, не имеют права жить в Дании. Это может способствовать снижению числа датско-шведских или датско-американских союзов, но при этом численность мусульман также снизилась в силу уменьшения количества датчан неевропейского происхождения, заключающих браки с иностранцами (с 63% до 38% в период с 2002 по 2005 год)⁴⁶.

Те, кто считают, что вскоре европейские мусульмане будут напоминать испаноязычных американцев в темпах их интеграции, глубоко заблуждаются⁴⁷. Испаноязычные американцы больше похожи на чернокожих европейцев, потому что и те и другие произошли из стран с «гибридным» населением. Малая, но растущая часть мусульман заключают браки с представителями других религий, некоторые отказываются от веры, но темп изменений в данном случае является слабым. Нужно признать, что ислам является супра-этнической, цивилизационной идентичностью. Напомним, что теория секуляризации признает возможность возрождения религии при условии, что последняя становится опорой идентичности. Мусульмане второго поколения отделены от родных этнических корней, и к тому же они чувствуют себя отверженными в обществе белого большинства и в белом государстве. Эта экзистенци-

⁴⁴ Office for National Statistics, ONS Longitudinal Survey, 2001; Labour Force Surveys (UK), 1990–2001.

⁴⁵ Lucassen, Laarman. Immigration, Intermarriage and the Changing Face of Europe; Klausen, Jytte. The Islamic Challenge: Politics and Religion in Western Europe. Oxford and New York: Oxford University Press, 2005. P. 188.

⁴⁶ Caldwell. Reflections... P. 230.

⁴⁷ Zoldberg A., Woon L. Why Islam is Like Spanish: Cultural Incorporation in Europe and the United States // Politics & Society 27:1 (1999). P. 5–38.

альная мука делает альтернативу мусульманской идентичности более привлекательной. Человек может не чувствовать себя пакистанцем или англичанином, но при этом ощущать себя мусульманином. Вам даже не надо быть религиозным, чтобы присоединиться к «Команде Ислама». Молодые пакистанские британцы, которые написали граффити «Хамас рулит» на стенах их Йоркширских трущоб, лишь хотели показать свою мужскую силу, также как и мятежники из французских пригородов, которые кричали «Аллах Акбар» полицейским. Это просто игры по выстраиванию границ идентичности, которые имеют мало общего с обязательствами ислама или спорами вокруг шариата⁴⁸. Практики идентичности относительно легки, и можно баловаться с их помощью, не принимая исламскую традицию осознанно.

Однако это не безразлично для возрождения религии. Политика идентичности стимулирует духовное любопытство и укрепляет общинные нормы благочестия, которые, в противном случае, могут быть разрушены. Исторически мы находим это среди религиозных поляков, бретонцев, басков, националистов Северной Ирландии и других народов, которые видят в католической религии ключ к собственной идентичности. Возрождение ислама в мусульманском мире, отмеченное в ношении платков и росте исламистских организаций, делает ислам модным в глазах номинальных европейских мусульман. Они чувствуют себя частью растущего всемирного движения, сообщества верующих⁴⁹.

Глобальная коммуникация позволяет «Аль-Джазире» и другим исламским культурным продуктам врываться в европейское жизненное пространство. Исламистские веб-сайты быстро разрастаются, многие из них переведены на иностранные языки. Даже умма имеет собственные политические взгляды. 31% британских мусульман заявляют о тесной связи с мусульманами из других стран, причем цифры свидетельствуют о повышенном контакте тех, кому от 18 до 24 лет⁵⁰. Для мусульманских теологов, таких как Тарик Рамадан, данная тенденция говорит о том, что европейские мусульмане имеют больше возможностей исповедовать настоящий ислам, по сравнению с их ограниченными братьями из мусульман-

ского мира. Он говорит о так называемом «евроисламе», который и чище, и лучше адаптирован к современному миру. Европейские мусульмане, которые хотели бы отказаться от этнических традиций, таких как договорные свадьбы, могут даже притягиваться к фундаментализму салафитов, поскольку именно в нем высмеиваются подобные ритуалы, как человеческие новшества⁵¹.

Социальное неприятие не объясняет различия в процессах интеграции меньшинств: афроамериканцы настолько же экономически обездолены, как и мусульмане, но для первых это стало фактором, способствующим интеграции. В период с 1980 по 2001 год уровень безработицы среди турок и марокканцев в Бельгии был равен 33%, что намного больше, чем у итальянских иммигрантов (14%) или местных жителей (5,3%). В Нидерландах около четверти турецких и марокканских иммигрантов-мужчин были безработными в сравнении с 3% местных жителей. Картина с турецкими и марокканскими женщинами была еще хуже: 45% женщин в Бельгии и Франции были безработными, в сравнении с 10–12% коренных жительниц. В Британии 30% мусульман-мужчин экономически неактивны, что примерно вдвое больше христиан. Даже среди тех, кто работает, 40% занимаются малооплачиваемым трудом, для христиан эта цифра вдвое меньше. В то же время мусульманские женщины еще более пассивны (68%). Негибкий рынок труда в Европе и расовая дискриминация во всех странах — это только половина проблемы. Традиция гендерных ролей ведет к тому, что малое количество женщин (только четверть из тех, кто сейчас не работает) вообще хотят найти работу⁵².

Воодушевляет тот факт, что имеется взаимосвязь между длительностью пребывания в новой стране, уровнем образования, знанием языка и экономическим положением. Большинство только что приехавших иммигрантов являются представителями беднейших, едва образованных слоев населения, в отличие от североамериканских мусульман, которые в большинстве своем хорошо образованны⁵³. В Великобритании мусульманская молодежь теперь присутствует и в высших школах, и университетах. Наиболее серьезные пос-

⁴⁸ Rai. 7/7. P. 97.

⁴⁹ Al-Azmeh A. Afterword // Al-Azmeh A., Fokas E. Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence. Cambridge University Press, 2007. P. 210.

⁵⁰ Mirza M. et al. Living Apart Together: British Muslims and the Paradox of Multiculturalism. London: Policy Exchange, 2007. P. 38.

⁵¹ Klausen. The Islamic Challenge... P. 100–102; Ramadan T. Europeanization of Islam or Islamization of Europe // Hunter S. (ed.). Islam, Europe's Second Religion: The New Social, Cultural, and Political Landscape. Westport, Conn.: Praeger, 2002. P. 211–213; Caldwell. Reflections... P. 219.

⁵² Mirza et al. Living Apart Together... P. 68–69.

⁵³ Pew Forum on Religion and Public Life. Muslim Americans: Middle Class and Mostly Mainstream. Washington D. C., 2007.

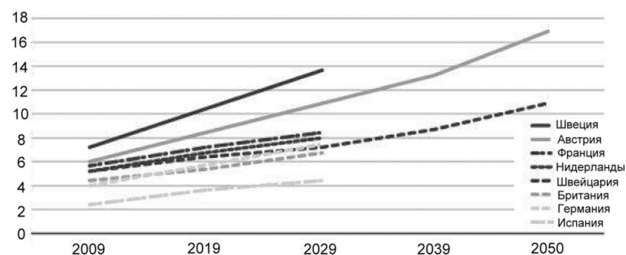
ледствия образовательная мобильность имеет для пакистанских мусульман, что отразится на значительной экономической мобильности, по крайней мере среди мужчин. Пропасть между занятостью коренного населения и иммигрантов может никогда и не сузиться полностью. Так, исследования показали, что те резюме, в которых написана мусульманская фамилия или стоит адрес бедного пригорода, значительно реже востребованы. Подобная дискриминация снижает шансы мусульман покинуть свои трущобы в шведских и германских городах. В Великобритании половина пакистанцев и бенгальцев живут в самых ужасных районах, где безработные составляют большинство. На данный момент не совсем ясно, как гетто могут быть устранены. Мусульманская демография воспроизводит их снова. Хотя и имеются признаки перехода к лучшим условиям, значительная часть европейских мусульман продолжают жить в этнических трущобах — островках отчаянья в море процветания.

Будущее ислама в Европе

Авторы хита «Мусульманская демография» на Ютубе вместе с другими пророками Евразии предупреждают о том, что мусульмане станут большинством в Европе к 2050 году. Теперь, когда мы знаем о том, каковы размеры, возрастная структура, уровень иммиграции, рождаемости и секуляризации европейского мусульманства, мы можем спроектировать вероятную численность населения. В *графике 1* даются показатели для западноевропейских стран, которые приводят мои коллеги из исследовательского института. Только для двух стран, Австрии и Швейцарии, даны прогнозы до 2050 года, но их траектории позволяют понять, чего приблизительно нам стоит ожидать в отношении других государств. Данные прогнозы не предполагают секуляризацию мусульман, зато в них учитываются текущие показатели иммиграции и то, что уровень рождаемости среди мусульман приблизится к уровню коренного населения. Если принять во внимание, что некоторые мусульмане отвернутся от веры, а уровень рождаемости не выровняется полностью, то можно предположить, что прогнозы могут оказаться не во всем точными.

График 1.

Предполагаемая численность мусульман в некоторых странах, 2009–2050 гг., %⁵⁴

К 2100 году в Европе прогнозируются значительные изменения, но ей будет еще далеко до Евразии. Если уровень рождаемости мусульман и коренных жителей не выровняется, то Австрия станет на 36% мусульманской страной с доминированием мусульман в возрастной группе до 14 лет. Уровень рождаемости мусульман, скорее всего, выйдет на один уровень с другими группами, но даже если разрыв будет преодолен к 2030 году, Австрия все равно останется мусульманской страной на 20% к концу века. Прогнозы относительно Швейцарии, основанные на показателях рождаемости и миграционных потоках, показывают, что примерно четверть швейцарцев будут мусульманами в 2100 году. Излишне говорить, что если Европа начнет контролировать иммиграцию по сингапурскому/кувейтскому сценарию, то такого прироста не будет. Отсутствие иммиграции в сочетании с выравниванием уровня мусульманской рождаемости стабилизирует долю континентальных мусульман к 2030 году на уровне 5–10%.

Значимым фактором является то, что разрыв в коэффициентах фертильности между религиозными консерваторами и атеистами (внутри христианских и мусульманских этнических групп) не уменьшится. Это усилит эрозию атеизма и умеренной религиозности. Исследования в Австрии и Швейцарии выявили, что нерелигиозная часть населения будет далека от своего пика к 2100 году. В Австрии этот пик придется на 2060 год (22%), а потом уровень снизится до 19% к 2100 году. Швейцарский сценарий аналогичен: пик секуляризма ожидается в 2075 году (24%)⁵⁵. Эти прогнозы значительно недооценивают динамику, потому что в них не производится детализация «религиозного» населения по теологии и демографической интенсивности. Внутри религиозной группы самые набожные и фундаменталистские направления будут увеличивать свои демографические показатели, вытесняя умеренных верующих и атеистов.

⁵⁴ Skirbekk et al. Pew Forum Muslim Religious Demography Report; Goujon et al. New Times, Old Beliefs.

⁵⁵ Goujon A. Projections with Austrian and Swiss census data, unpublished.

Почему это имеет значение?

Основная причина, по которой европейцы беспокоятся из-за растущей численности мусульман, не имеет ничего общего с шариатом или джихадом. Действительной причиной является старый добрый этнический национализм — желание видеть то, что доминирующее этническое большинство по-прежнему сочетается с национальным государством. Нам не стоит верить недалёковидной интерпретации, согласно которой мусульманская иммиграция является большим испытанием, поскольку ислам якобы более экзотичен, чем католицизм. Представьте, что Франция стала бы страной, говорящей на немецком языке, благодаря безграничной поддержке тевтонских иммигрантов, которые вдруг отказались бы предавать свой язык и свою идентичность. Кто-нибудь сомневается в том, что это вызвало бы такой же протест, как и предположение о мусульманской Франции?

В Каталонском регионе проживают больше всего испанских мусульман, многие каталонские националисты предпочитают мусульманских иммигрантов, которые готовы принять каталонский язык, вместо испанцев, которые от этого отказываются. В 2008 году в Испании возникли дебаты вокруг иммиграции, но жалобы были больше сосредоточены на эквадорцах и других латиноамериканцах, чем на немногочисленной группе мусульман, которые по крайней мере не были связаны с взрывами в Мадриде⁵⁶. Другими словами, страх перед экзотическими незнакомцами не обязательно должен быть интенсивнее фрейдовского «нарциссизма малых различий», который привел к массовым убийствам в нацистской Германии, Руанде и бывшей Югославии. Действительно, если мы перевернем страницу европейской истории назад, то увидим боязнь большой рождаемости католиков и папского заговора. Значительная часть этих страхов была продуктом этнических тревог в среде большинства, обеспокоенного тем, что его представители могут быть ущемлены.

Европа долгое время была миграционным континентом, и иностранцы могли свободно приезжать из других европейских стран и составлять меньше 1 % населения⁵⁷. Но существовали и некоторые исключения. Во Франции наплыв ортодоксальных евреев из Восточной Европы после

русских погромов 1882 года перемешался с давними антисемитскими традициями, кульминацией этой ситуации стало дело Дрейфуса 1890-х гг. В Германии еврейские иммигранты стекались в Берлин, в Австрии — в Вену. Эти социально-демократические процессы были жестко раскритикованы Гитлером, они использовались как предлог для усиления его власти.

В Великобритании в 1905 году для контроля над потоками евреев-иммигрантов был принят «Закон об иностранцах», но он привел к тому, что с большими проблемами столкнулись католики. В Шотландии в 1790 году было лишь 1,6 % католиков, но их численность неуклонно росла из-за потока бедных ирландских иммигрантов. К 1851 году католиков насчитывалось уже 4,6 %, к 1911 году это число выросло до 11,4 %, а к 1970 году — 20 %. Католики более религиозны, чем шотландские протестанты, и они составили треть населения в Глазго, а в некоторых близлежащих индустриальных центрах — и вовсе большинство⁵⁸. Растущее число ирландских католиков вокруг Ливерпуля также спровоцировало мощную ответную реакцию протестантов, и это было главной причиной того, что протестантский рабочий класс, вопреки своим экономическим интересам, проголосовал за партию консерваторов. В то же время в Шотландии ирландская католическая угроза была воспринята настолько серьезно, что Шотландская церковь обратилась к британским властям с просьбой предотвратить эту «опасность для шотландского народа». В межвоенный период сектантские популистские движения, такие как «Протестантское действие» и «Шотландская протестантская лига», выиграли треть голосов, благодаря кампании против финансирования католических школ. До сих пор заметны следы той эпохи. Популярный страх перед католицизмом, как и сегодняшняя боязнь ислама, объясняются не чуждостью религиозных доктрин, а быстрым ростом этнических меньшинств, который видится неумолимым.

Именно это, а не защита ценностей эпохи Просвещения, является подлинной причиной подъема ультраправых в Европе. Поведение мусульман в Европе имеет для большинства европейцев меньшее значение, чем их потенциальный рост и противодействие ассимиляции. Если бы мусульмане были малочисленны, они бы вызывали меньше тревог. Если бы Европа встретила

⁵⁶ Bezunartea P., Lopez J., Tedesco L. Muslims in Spain and Islamic Religious Radicalism // Emerson M. (ed.). *Ethno-religious Conflict in Europe: Typologies of Radicalisation among Europe's Muslim Nations*. Brussels: Center for European Policy Studies, 2009. P. 140–141.

⁵⁷ Baycroft T., Hewitson M. *What Is a Nation? Europe, 1789–1914*. Oxford University Press, 2006. P. 328.

⁵⁸ Brown C. *The Social History of Religion in Scotland since 1730: Christianity and Society in the Modern World*. London–New York: Methuen, 1987. P. 71–76.

широкую волну латиноамериканской иммиграции, как в Аризоне или некоторых частях Испании, то она бы волновалась именно из-за испаноязычных иммигрантов, а не из-за мусульман.

Политические последствия

Изменения в религиозном составе Европы в ближайшие десятилетия не смогут модифицировать расстановку политических сил, поскольку среднестатистический избиратель сейчас значительно старше среднестатистического европейского мусульманина. От кандидатов требуется знание нового общества, а оно появляется либо в силу принадлежности к обществу от рождения, либо в силу долгого проживания в обществе. С другой стороны, европейские мусульмане сконцентрированы в важных индустриальных районах. Если группа иммигрантов преобладает в какой-то местности, то она, как это было с кубинцами в Майами или ирландцами в Бостоне, может определять муниципальную политику. Если эти области важны на федеральном уровне, то в результате меньшинства могут завладеть властью и на федеральном уровне. Испаноязычные жители, например, являются большинством в некоторых больших штатах, таких как Калифорния, и соответственно они могут предоставить большое число голосов. Это значит, что обе партии прилагают значительные усилия, чтобы получить поддержку данного слоя населения, и зачастую этим определяются политические решения — как, например, амнистия всех нелегальных иммигрантов, — против которых выступает большинство других избирателей.

В основной части Европы электоральная система опирается на пропорциональное представительство, так что показатели напрямую преобразовываются в политическое влияние. Это позволяет меньшинствам не стесняться в выборе средств для достижения желаемой цели. Иногда мусульманское меньшинство может вести себя как влиятельная коалиция, от которой зависит назначение лица на какой-либо высокий пост, как это было в 2002 году, когда небольшое число турецких немцев способствовало победе Герхарда Шрёдера⁵⁹. Это наиболее вероятный сценарий, по которому европейские консервативные мусульмане будут косвенно влиять на политику. Страх перед молодыми мусульманскими районами может заставить европейских лидеров отказаться от поддержки внешней политики США и Израиля или запретить художникам свободу самовыражения.

⁵⁹ Caldwell. Reflections... P. 251.

Исследования неевропейских иммигрантов в Европе показывают, что они чаще поддерживают левые партии, хотя и отличаются более консервативными взглядами⁶⁰. Открывает ли это новые перспективы для консервативных партий и подталкивает ли к смещению акцента с этнического национализма на моральный традиционализм? Республиканская партия США сделала именно это, выведя из игры протестантский национализм и белый национализм, чтобы заручиться поддержкой консервативных католиков и расположить к себе религиозных испанцев. Позднее Джордж Буш-младший попробовал предложить амнистию нелегальным иммигрантам, и он также избегал строгой политики против билингвального образования. Правые религиозные силы, особенно коалиция христиан, поддержали Буша, продвигая проиммигрантский посыл, который охватывал испанцев и религиозных мусульман⁶¹.

Пока имеются лишь фрагментарные свидетельства о движении в сторону консервативных ценностей в Европе, так как коренные религиозные правые довольно слабы за пределами Ирландии и Польши, а консервативные религиозные меньшинства все еще малочисленны. Поддержка антииммигрантских партий более значительна, чем поддержка проиммигрантских. От Италии до Норвегии, от Швейцарии до Бельгии ультраправые в Западной Европе утроили свое представительство с 1980 года, заставляя центристские партии апеллировать к этническим проблемам. Даже в Британии, где ультраправые участвуют только в муниципальных выборах, успешная партия консерваторов в 1990–2000 гг. сосредоточила свои силы на проблемах иммиграции и мультикультурализма. Этнический мультикультурализм в Европе является эксплицитно нерелигиозным, он осуждает мусульман и стремится к объединению со сторонниками секуляризма и христианами. Это отражается в подъеме атеистичных националистов, таких как Пим Фортейн или Николя Саркози, и формировании атеистических платформ для ультраправых партий.

И все же изменения витают в воздухе, так как религиозное меньшинство мусульман, иммигрантов-христиан и консервативных белых хрис-

⁶⁰ Dancygier R., Saunders E. A New Electorate? Comparing Preferences and Partisanship between Immigrants and Natives // American Journal of Political Science. 2006. October. P. 964–981.

⁶¹ Kaufmann. The Rise and Fall of Anglo-America... P. 281. Барак Обама в целом избегает иммиграционных проблем, видя в них вторичную политическую тему, которая отвлекает внимание от более важных политических приоритетов.

тиан выходит на арену. Население США на треть, а электорат на пятую часть, не является белым. В Европе эти пропорции намного ниже, избиратели небелой расы составляют 5% от численности всего электората. Из-за роста религиозно мотивированных меньшинств европейские консервативные партии делают акцент в своей политике на усилении иммиграционного контроля. При этом, например, сегодня во Фландрии партии левого крыла, которые получают голоса иммигрантов, не спешат открыто помогать им, так как боятся, что потеряют голоса тех, кто настроен против иммигрантов⁶². Но подобные стратегии меняются в регионах, где меньшинства крепко стоят на ногах. Так, Бельгийская социалистическая партия на федеральном уровне пренебрегает иммигрантами и мусульманами, но вот в Брюсселе, где численность этнорелигиозных меньшинств велика, партия уже поддерживает их и борется за их голоса⁶³. В дальнейшем этнорелигиозные изменения приведут к политическим изменениям. Филипп Девинтер (лидер правой партии Фламандский интерес) прокомментировал ситуацию следующим образом: «Я реалист. Число людей, голосующих за нашу партию, уменьшается с каждым годом... Сейчас примерно четверть населения — иммигранты. Эти люди за нас не голосуют. Каждый год уезжают около 4000 антверпенцев и на их место приезжают 5000 иммигрантов». Также стоит обратить внимание на попытку христианских демократов набрать к себе в ряды кандидатов с мусульманским бэкграундом.

Сможем ли мы со временем увидеть культурный раскол в Европе, сдвинутый с этнической подоплеки к религиозной? В настоящее время в Брюсселе и в целом в Европе левые партии представляют собой «сдерживающий фактор» для мусульман, голосующих за них. Это объясняется промусульманской внешней политикой и либеральным отношением к иммиграции. Однако набожные неевропейцы едва ли чувствуют себя комфортно рядом с социалистами и их атеистичными нравами, они также противостоят социалистам по таким проблемам, как сексуальные меньшинства, феминизм и атеистический гума-

низм. Отсюда следует, что консервативные партии в принципе имеют шанс вернуть себе обратно голоса религиозных мусульман. Белые христиане также остаются политической силой. Хотя пропорция религиозных избирателей в Европе уменьшилась в конце XX века, уровень их индивидуальной религиозности остается одним из самых сильных, и он выступает залогом их возможной приверженности правым партиям⁶⁴.

На первый взгляд, идея консервативных мусульман и христиан всех рас, пожимающих друг другу руки, кажется абсурдной. Но мы не должны забывать, что республиканцы смогли ловко осуществить этот трюк в период до 11 сентября 2001 года. Это вполне достижимо, так как политика является локальной. Христиан и мусульман может объединить выступление против чего-либо. Это суть «теории мобилизации ресурсов»⁶⁵. Например, в Великобритании лейбористская партия позволяет консервативным мусульманам доминировать в некоторых избирательных округах, в то время как в других преобладают защитники геев, феминистки и т.д. Партия предотвращает острые конфликты, перемещая раскольнические политические споры на муниципальный уровень; при этом объединение происходит вокруг более общих тем, таких как экономическая политика. Мусульманские партии также могут подняться посредством коалиционной политики, опирающейся на экуменизм.

В целом можно сказать, что мультикультурализм явно защищает консервативную религию от «гегемонистского великого нарратива», проявленного в западном секуляризме. «Политическая корректность» гораздо сильнее в Северной Америке, чем в Европе, отсюда следует и более быстрый отказ от расовых и иммиграционных тем в среде американских консерваторов. Тем не менее, европейские правые также должны остерегаться палки политкорректности, чтобы она не оказалась неприятной. Известно, что легче продвигать моральный консерватизм, чем расовый консервативный посыл. Когда лакомый кусок в виде избирателей из меньшинств ста-

⁶² *Erk J.* Red, White and Orange: Dominant Nationalism in France and the Netherlands Compared // *Lecours A., Nootens G.* (ed.). *Dominant Nationalism, Dominant Ethnicity*. New York: Peter Lang, 2009.

⁶³ *Jacobs D., Martiniello M., Rea A.* Changing Patterns of Political Participation of Immigrant-origin Citizens in the Brussels Capital Region: The October 2000 elections // *Journal of International Migration and Integration* 3:2 (2002). P. 201–221.

⁶⁴ *Minkenberg M.* Party Politics, Religion and Elections in Western Democracies. Paper for International Studies Association. San Francisco: Ca, 2008; *Kaufmann E.* Religiosity, Ideology and Voting in Western Europe, 1981, 1990: research note (2007). — www.sneps.net/RD/RD1.htm

⁶⁵ *McAdam D., McCarthy J., Meyer Z.* (eds.). *Comparative Perspectives on Social Movements*. New York: Cambridge University Press, 1996; *Carty K.* The Politics of Tecumseh Corners: Canadian Political Parties as Franchise Organizations // *Canadian Journal of Political Science* 35:4 (2002). P. 723–746.

нет более привлекательным, идеологический призыв к моральному традиционализму начнет расти. В точке бифуркации светские либералы вытеснят небелых из своего направления как представителей консервативного духа, что приведет к присоединению христианских и исламских сил к оппозиции по отношению к светским европейцам. Главный водораздел в европейской политике будет тогда смещен с этнической линии к религиозному признаку.

Закат европейского секуляризма

Является ли мусульманско-христианская обходительность настолько неестественной? Подъем ислама предлагает интересные возможности преданным европейским христианам. Иммигрантский ислам и христианство возвращают религию в Европу и оживляют надежды христиан на окончание десятилетий мракобесия⁶⁶. Моя коллега-социолог, которая преподает в Лондонском университете Метрополитен, говорит, что она является, вероятно, единственным представителем светского (нерелигиозного) мировоззрения в классах, которые в основном состоят из мусульман и чернокожих евангелистов-христиан. Один мой студент-мусульманин добавляет, что район Ист-Энд, где он живет, сейчас покрывается в равной мере мечетями и евангелистскими церквями. Возможно, подобные истории станут более распространенными, когда изменится этнический состав Европы.

Ислам и христианство могут не выглядеть «друзьями», но в большинстве европейских государств, верующие всех конфессий чувствуют себя «единым войском господним» перед лицом секуляризма. В этом духе было сделано послание Иоанна Павла II, который договорился с евангелистами и мусульманами сражаться с идеей равенства полов и инициативами по контролю над рождаемостью. Принц Чарльз, который однажды станет королем Великобритании, стоит на таких же позициях. Он хочет исправить британскую конституцию так, чтобы его титул стал не «Защитник (христианской) веры», а «Защитник веры (в целом)»⁶⁷. Как-то раз в ящике своей электронной почты я нашел письмо от некой организации, называющей себя «Фонд диалога C1»; ее руководителем является Великий муфтий Египта, в нее входят Архиепископ Лондона, бывший пре-

мьер-министр Британии Тони Блэр, а также православный Патриарх Иерусалимский и представители других конфессий. Все это похвально, так как организаторы пытаются установить межрелигиозный диалог. Как пишет Тони Блэр в программном документе: «Сегодня едва ли есть более важное дело, чем определение правильного места религии в современном мире, поскольку ее мудрость помогает решать проблемы глобального масштаба»⁶⁸. Попытка Папы Бенедикта в Регенсбургской речи проложить мост между светским мировоззрением и христианством, сопровождавшаяся порицанием ислама и преломлением хлеба с Юргеном Хабермасом, выглядит, скорее, исключением из общей тенденции⁶⁹.

Часто религиозные люди находят общую почву в национальной идентичности. Под покровом дебатов, касающихся ислама в Европе, можно обнаружить общий «христиано-мусульманский» интерес. Европейские мусульмане положительно относятся к христианам⁷⁰. Многие испытывают чувство общности. Тарик Рамадан говорит о вкладе ислама в европейскую духовность, об исламе как об источнике откровения для христиан, а не как об источнике агрессии⁷¹. Религиозные христиане, в свою очередь, поддерживают мусульманские религиозные и моральные позиции. Когда лидер британской консервативной партии Майкл Ховард в 2005 году выразил желание уменьшить срок возможного аборта с 25 до 20 недель, то он получил огромную поддержку со стороны англиканских, католических и еврейских лидеров⁷².

Мусульманский совет Британии также работал с католиками, чтобы сохранить право на отказ в усыновлении однополым семьям и ограничить церковные школы от изучения прав сексуальных меньшинств⁷³. Похожая коалиция образовалась в Британии по вопросам охраны религии от клеветы. Закон о нетерпимости, осуждающий любую речь против ислама, был одобрен Тони Блэром, приверженцем католицизма. Не хватило всего одного голоса, чтобы закон вступил в силу в 2006 году⁷⁴. В ответ на это Архиепископ англиканской Церкви Роэн Уильямс и его колле-

⁶⁶ Kaufmann E. Breeding for God: Religion Returns to Europe // Prospect 128. 2006. 19 November.

⁶⁷ Pierce A. Prince Charles to be Known as Defender of Faith // Daily Telegraph. 2008. 13 November.

⁶⁸ Schatz R. C1 Foundation Annual Dialogue Report, 2009.

⁶⁹ Caldwell. Reflections... P. 183, 271.

⁷⁰ Goldberg M. The Means of Reproduction... P. 155–164.

⁷¹ Ramadan. Europeanization of Islam or Islamization of Europe... P. 218.

⁷² Sennott R. Abortion is Suddenly an Issue in British Election // International Herald Tribune. 2005. 24 March.

⁷³ Klausen. The Islamic Challenge... P. 73–74.

⁷⁴ Jenkins. God's Continent... P. 244.

га из Мусульманского совета Британии призвали ввести еще более строгое (в сравнении с законопроектом 2006 года) ограничение, касающееся антирелигиозных речей.

Уильямс подлил масла в огонь, когда предложил в своем выступлении перед ведущими законодателями ввести закон, делающий обязательными некоторые нормы шариата. По словам Уильямса, «принцип, гласящий о существовании одного закона для всех, является стержнем нашей социальной идентичности... но я думаю, что было бы неверно предполагать, будто из этого принципа следует, что люди не имеют других принадлежностей и идентичностей, которые формируют их поведение в обществе, и что закон не должен хотя бы в какой-то степени учитывать это»⁷⁵. Подобное же объединение повлекло за собой открытие общеобразовательных церковных школ, что было в один голос поддержано христианами, иудейскими и мусульманскими лидерами. На данный момент существует около 4600 англиканских, 2000 католических и 35 еврейских школ в Британии, но при этом только 9 мусульманских⁷⁶. Несмотря на волнения среди атеистов по поводу растраты общественных фондов на церковное обучение, ожидается рост числа мусульманских школ.

Дух мультикультурализма, который владеет многими левыми либеральными умами, стимулирует публичную активность напористых религиозных лобби. Чарльз Тейлор, приверженец католичества, один из лидеров мультикультурализма, отстаивает идею о том, что религиозная принадлежность является неотъемлемой частью личной идентичности. Оспаривать эту характеристику — значит, унижать того, к кому она относится. Более того, он выступает за то, чтобы религиозная принадлежность была не частным делом, но признавалась публично как важный компонент общества, наряду со светскими институтами⁷⁷. На конференциях по религии и мультикультурализму «чувствительность» и уваже-

ние к религии — даже консервативной — является популярным лозунгом.

Таким образом, академические мультикультуралисты часто обнаруживают себя в странной компании христиан-евангелистов. Никогда не следует принижать заявления европейских евангелистов, ибо они негодуют по поводу атеизма гораздо больше, чем мусульмане. Несколько лет назад у меня была возможность посетить дебаты в Лондоне; они устраивались консервативным мусульманским сообществом, и на этих прениях мужчины и женщины сидели по разные стороны зала. Главный спикер был вспыльчивым исламистом афро-карибского происхождения, он рассуждал на тему британских нравов и антимусульманской внешней политики. Во время обсуждения один из немногих немусульман (он назвался евангелистом) призвал «молодых приверженцев ислама» встать со «скамеек запасных» и пойти голосовать, дабы укрепить позицию тех, кто поддерживает религиозные ценности.

В общем, налаживаются многочисленные контакты между европейскими консервативными христианами и мусульманами. Но при этом верно и то, что мы будем еще продолжать наблюдать межэтнический конфликт в качестве осевого звена культурной политики. Возникновение «культурных войн» внутри этнических групп между атеистами-либералами и «блустителями ценностей» связано с более долгосрочной перспективой развития. По мере нашего приближения к середине века, Европа может начать следовать американской модели. Различные города переориентируются на эту модель. Устойчивый демографический рост среди представителей сильных религий гарантирует, что путь Европы лежит через моральный консерватизм. Религиозный фундаментализм будет постепенно корректировать левое политическое поле, освобождаемое уходом крупных секулярных религий, которые более не будут вызывать сочувствия у западных европейцев. Свобода, равенство и рациональность однажды заставили религию отступить, поскольку они были соединены с очаровывающим видением будущего. Сегодня их единственные остатки — это социальные табу, сдерживающие светский национализм, единственную серьезную европейскую альтернативу религиозной политике.

⁷⁵ BBC News, Shari'a law in UK is «unavoidable». 2007. 7 February.

⁷⁶ BBC News, Archbishop defends faith schools. 2006. 29 October.

⁷⁷ Taylor. Multiculturalism and the Politics of Recognition...

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: ДЕМОГРАФИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

С. Бородай

*магистр филологии, младший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки
Института востоковедения РАН*

Проблема европейского ислама уже несколько десятилетий подробно исследуется на западе, тем не менее в научном сообществе по-прежнему не существует единого мнения о современном положении европейских мусульман и об их перспективах в этом регионе. В русскоязычной литературе данной теме, при всей ее актуальности и даже стратегической важности, уделено недостаточно внимания. Наша статья призвана несколько исправить сложившуюся ситуацию. Мы хотим представить общий обзор, касающийся положения мусульман в странах «первого эшелона исламизации» внутри Евросоюза (Франция, Германия, Дания, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Швеция). Источниковая база нашей работы — это серия отчетов Фонда Сороса за 2008–2009 годы, посвященных 11 городам ЕС. Специфика этих отчетов заключается в том, что в них, помимо общей информации, дается как бы «взгляд изнутри» на положение мусульман. Материалы отчетов мы дополняем другими актуальными исследованиями по демографии, рынку труда, рынку жилья, сфере образования, масс-медиа и др. Все это позволяет составить общее представление о положении и перспективах мусульман в наиболее исламизированных странах ЕС. Наш основной вывод заключается в том, что положение европейских мусульман не такое безнадежное, каким его обычно представляют в отечественной литературе и отечественных СМИ. Вероятно, передовые европейские страны постепенно преодолевают этап сегрегации этнорелигиозных меньшинств и вступают в эпоху, когда меньшинства будут активно интегрироваться в социальную действительность, способствуя модификации самой этой действительности (что вытекает из логики «интеграции», как она понимается идеологами ЕС). Результатом данного процесса должно стать создание специфического «европейского ислама», который будет опираться на концепт гражданства и характеризоваться ослабленной связью с неевропейскими этнокультурными традициями.

Работа состоит из восьми глав. В первой главе рассматривается проект Фонда Сороса, посвященный европейским меньшинствам. Во второй главе дается обзор демографической ситуации. В третьей главе анализируется политический контекст и некоторые акты ЕС, касающиеся проблемы интеграции. В четвертой главе рассматривается положение мусульман в сфере образования. В пятой главе дается обзор ситуации на рынке труда. В шестой главе анализируются жилищные условия и общественная безопасность. В седьмой главе рассматриваются проблемы самоидентификации и социального положения. В восьмой, заключительной главе делаются выводы о современном положении европейских мусульман и обрисовываются перспективы ислама в Европе.

1. Введение

Институт «Открытое общество», также известный как «Фонд Сороса» или «Фонд Открытое Общество», — это международная благотворительная организация, основанная в 1993 году американским финансистом Джорджем Соросом. На данный момент ее филиалы распространены в 30 странах мира, в том числе в России. Концепция Фонда Сороса вдохновлена знаменитым исследованием Карла Поппера «Открытое общество и его враги». Целью Фонда является построение во всем мире либеральных демократий, в которых правительство было бы полностью подотчетным народу; такое «открытое общество» должно характеризоваться властью закона, уважением к правам человека, уважением к меньшинствам, разнообразием позиций, демократично избираемым правительством, рыночной экономикой и развитым гражданским обществом. Главная цель достигается через влияние на государственную политику, а также путем поддержки инициатив по улучшению и демократизации ситуации в отдельных областях (право, сфера образования, здравоохранение, СМИ и т.д.). Для реализации конкретных проектов и исследований выделяются большие гранты.

В последние годы Фонд Сороса уделяет внимание европейским проблемам. Было создано спе-

¹ Статья написана специально для данного журнала. С. Ю. Бородай является научным сотрудником Института востоковедения РАН (Сайт: <http://ivran.academia.edu/BorodaySergey>; Почта: sergey_boroday@inbox.ru).

циальное исследовательское направление «Наш дом — Европа» («At Home in Europe», АНІЕ). Этот проект сфокусирован на положении этнорелигиозных меньшинств. Позиция его организаторов может быть охарактеризована как мультикультуралистская: по их мнению, Европа не является монокультурной и монорелигиозной областью, так что растущие этнорелигиозные меньшинства выступают важной частью европейского социокультурного дискурса. В рамках проекта проводятся «качественные и междисциплинарные исследования, в которых документируется повседневный опыт и пути, посредством которых различные группы взаимодействуют со своим городом, местными властями и широкой общественностью. Главной целью является обнаружение полезных практических моделей в европейский городах, которые касаются борьбы с дискриминацией и продвижением инициатив по вовлечению и единению. Пропагандистские инициативы, опирающиеся на солидные исследовательские открытия, направлены на формирование государственной политики по интеграции и на критику дискурса, подрывающего религиозный и этнический плюрализм Европы»².

В центре нашей работы находится исследование жизни мусульман в 11 крупных европейских городах, проведенное АНІЕ в 2008–2009 годах сотрудниками Фонда Сороса были рассмотрены следующие города: Антверпен, Амстердам, Берлин, Гамбург, Копенгаген, Лестер, Лондон, Марсель, Париж, Роттердам, Стокгольм; исследование было сфокусировано на отдельных проблематичных районах в каждом из городов. На данный момент по всем городам, кроме Стокгольма, подготовлены подробные отчеты, которые имеются в открытом доступе³. Обобщающий доклад «Мусульмане в Европе» (далее — «Отчет Фонда Сороса», или ОФС) подготовлен Туфьялом Чодхури в 2010 году [MIE 2010].

Следует выделить несколько важных особенностей, которыми характеризуются отчеты, выполненные командой АНІЕ: во-первых, исследование ориентировано не на сухую статистику, а на непосредственный повседневный опыт мусульманского и немусульманского населения, на жизненно важные вопросы, мнения, оценки и т.д., поэтому, помимо собственно ста-

тистической информации, в отчетах много внимания уделено анализу точек зрения респондентов; во-вторых, почти все рассмотренные страны — Великобритания, Бельгия, Германия, Дания, Нидерланды, Франция и Швеция — составляют первый эшелон исламизации внутри Евросоюза (см. ниже *рис. 1*), так что здесь мы можем наблюдать, с одной стороны, самые проблемные ситуации, а с другой стороны — вероятные модели исламизации других европейских регионов; в-третьих, исследование сфокусировано на проблемных районах внутри городов, так что здесь мы выходим на самый «фронт» европейского ислама. Все эти особенности выгодно отличают отчеты АНІЕ от других современных исследований по европейскому исламу⁴.

Отчеты готовились на основе 200 детальных интервью с жителями каждого из городов (100 мусульман и 100 немусульман); таким образом, источниковая база главного отчета — это около 2200 подробных интервью по таким темам как интеграция, образование, рынок жилья, рынок труда, гражданская активность, СМИ и т.д. Также проводились интервью с представителями муниципальных властей, чиновниками, социальными служащими, членами общественных организаций и экспертами по отдельным городам. Все это позволило составить общую картину по поводу ситуации с этнорелигиозными меньшинствами в каждом из городов. Как отмечается в ОФС, «полученные результаты должны пониматься как краткая характеристика того разброса мнений, который мы встречаем среди простых мусульман и немусульман» [MIE 2010: 35]. Состав фокус-группы представлен в *табл. 1*.

Выводы об идентичности в ОФС опираются на мнение самого респондента, что избавляет от многих проблем, связанных с религиозной идентификацией. Известно, что процесс выделения мусульман как религиозной группы обладает спецификой. Как правило, в европейских исследованиях и официальных переписях религиозная принадлежность не рассматривается в качестве самостоятельной категории, а выводы о числе мусульман и их позиции делаются на основе этнической принадлежности. Действует предположение о том, что представитель этнического меньшинства, традиционно являющегося исламским, также, скорее всего, придерживается ислама. В большинстве случаев эта модель работает хоро-

² <http://www.opensocietyfoundations.org/projects/home-europe/background>.

³ См.: [Antwerp 2011; Amsterdam 2010; Berlin 2010; Copenhagen 2011; Hamburg 2010; Leicester 2010; London 2012; Marseille 2011; Paris 2012; Rotterdam 2010].

⁴ Ср., например, детальные обзоры отдельных государств в ежегоднике «Ислам в странах ЕС» [Yearbook 2009; 2010], которые, однако, больше подходят в качестве справочной информации.

Таблица 1.
Состав группы респондентов [МІЕ 2010: 34]

	Характеристика	Доля, %	Число респондентов
Религия	Мусульманин	50,5	1110
	Немусульманин	49,5	1089
Пол	Мужчина	49,1	1080
	Женщина	50,9	1119
Возраст	< 20	8,5	187
	20–29	28,1	618
	30–39	20,4	448
	40–49	19,2	422
	50–59	12,4	272
	60 +	11,3	249
Место рождения	Страна ЕС	53	1165
	Другая страна	47	1034
Уровень образования	Нет образования	5,8	128
	Начальное	11,5	252
	Среднее	50,6	1112
	Высшее	32,1	705
Занятость	Есть работа	45,8	1007
	Работает сам на себя	6,6	145
	Безработный	8,7	192
	Другое	38,6	849
Состав района проживания	Родственники	3,5	76
	Того же этноса и религии	10,6	234
	Той же религии, но др. этноса	5,8	128
	Того же этноса, но др. религии	2,5	54
	Другого этноса и религии	12,8	282
	Смешанное население	64,7	1423

шо, но все-таки она приводит к статистическим погрешностям. Именно так обстоит дело с некоторыми исследованиями, на которые мы ссылаемся в дальнейшем. Мы будем исходить из того, что статистические погрешности действительно существуют, но они не влияют на формирование общей картины.

Стоит также отметить, что в дальнейшем мы будем использовать слово «иммигрант» в специфическом смысле, имея в виду (исключая специально оговоренные случаи) «мусульманского иммигранта», «представителя этнического меньшинства, традиционно являющегося исламским», а также «ребенка иммигранта». Это свя-

зано, во-первых, с тем, что нас не интересуют немусульманские иммигранты (например, русские в Германии или сикхи в Великобритании), а во-вторых, с тем, что проблемное мусульманское население является крайне неоднородным, и оно не покрывается понятием «мусульманские иммигранты». Упрощенные схемы получения гражданства ЕС привели к тому, что многие мусульманские дети получают гражданство при рождении, но оттого они не перестают быть проблемной группой, требующей интеграции. Этот момент учитывается в последних актах ЕС, где под «иммигрантами» часто понимается также второе и третье поколение иммигрантов.

2. Демография

2.0. Мусульманское население Европы является одной из наиболее спорных и обсуждаемых проблем в демографии. На данный момент не существует консенсуса по поводу численности мусульман в Европе⁵. Цифры, представленные исследовательскими группами, зачастую значительно разнятся. Это связано с тем, что исследователи по-разному определяют границы «Европы», опираются на разные статистические подсчеты и результаты опросов в отдельных странах. Неоднозначность результатов связана также с тем, что в подавляющем большинстве стран категория «религии» не включена в перепись, и поэтому отсутствуют надежные источники информации. Наличие нелегальной иммиграции, масштабы которой не всегда легко оценить, также осложняет проблему. Все это дополняется неизбежной приблизительностью прогнозов и проекций на будущее. Но, несмотря на имеющиеся сложности, серьезные исследования позволяют составить общую картину и спрогнозировать наиболее вероятное развитие ситуации; они позволяют отбросить крайние проекции, которые либо принижают число мусульман, либо (что встречается чаще) драматизируют ситуацию и пророчат создание общеевропейского халифата в ближайшие десятилетия.

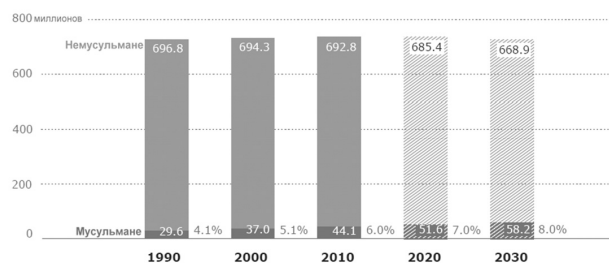
2.1. Демография не стала предметом специального рассмотрения в рамках ОФС. Для краткого обзора демографической проблематики мы обратимся к материалам Исследовательского центра «Пью» [Pew 2011: 121–136]. На данный момент отчет центра «Пью» является одним из самых детальных источников по проблеме мусульманской демографии в мире. Он интересен прежде всего тем, что в нем дается динамика роста мусульманского населения и проекция до 2030 года. Этот отчет характеризуется умеренными и взвешенными оценками, основанными преимущественно на официальных источниках. Иногда, правда, умеренность приводит к некоторому занижению показателей⁶, но подобные недостатки неизбежны в демографических исследованиях. Стоит отметить, что приводимые материалы даются с целью введения в проблематику, и они ни в коей мере не претендуют на законченное и исчерпывающее описание ситуации.

⁵ По проблеме демографии см. также работу Эрика Кауфмана в данном сборнике.

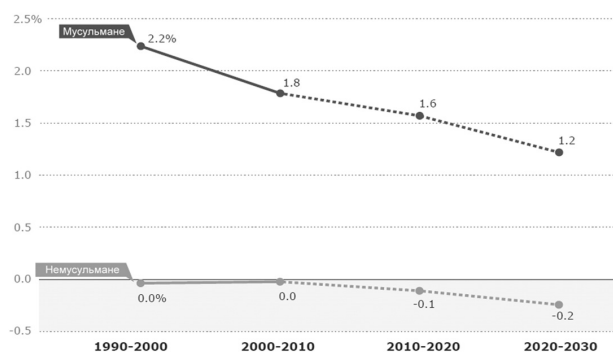
⁶ Так, для России показатели по числу мусульман и иммигрантов оказались заниженными, что, возможно, связано с недостаточной разработанностью официальной статистики.

Число мусульман по отдельным европейским странам, их доля от общего населения на 2010 год, материалы за 1990 год и проекция на 2030 год даны в *диагр. 1* и *табл. 2*. На *рис. 1* представлено географическое распределение европейских мусульман. Как мы видим, мусульманское население Европы выросло за 20 лет с 29,6 млн (4,1 %) до 44,1 млн (6 %); предполагается, что к 2030 году оно составит около 58 млн человек (8 %). Несмотря на довольно высокий рост, мусульманское население Европы составит к 2030 году лишь 3 % от общемирового, что сопоставимо с современными цифрами (2,7 %). К 2030 году в 10 европейских странах доля мусульманского населения будет превышать 10 %: Косово (93,5 %), Албания (83,2 %), Босния и Герцеговина (42,7 %), Македония (40,3 %), Черногория (21,5 %), Болгария (15,7 %), Россия (14,4 %), Грузия (11,5 %), Франция (10,3 %), Бельгия (10,2 %). На данный момент в России проживает наибольшее число мусульман — около 16 млн 379 тыс.; к 2030 году Россия сохранит статус самой исламизированной европейской страны (18 млн 556 тыс.).

*Диаграмма 1.
Мусульманское население Европы
в 1990–2030 гг.*

*График 1.
Прирост мусульманского населения
в 1990–2030 гг.*

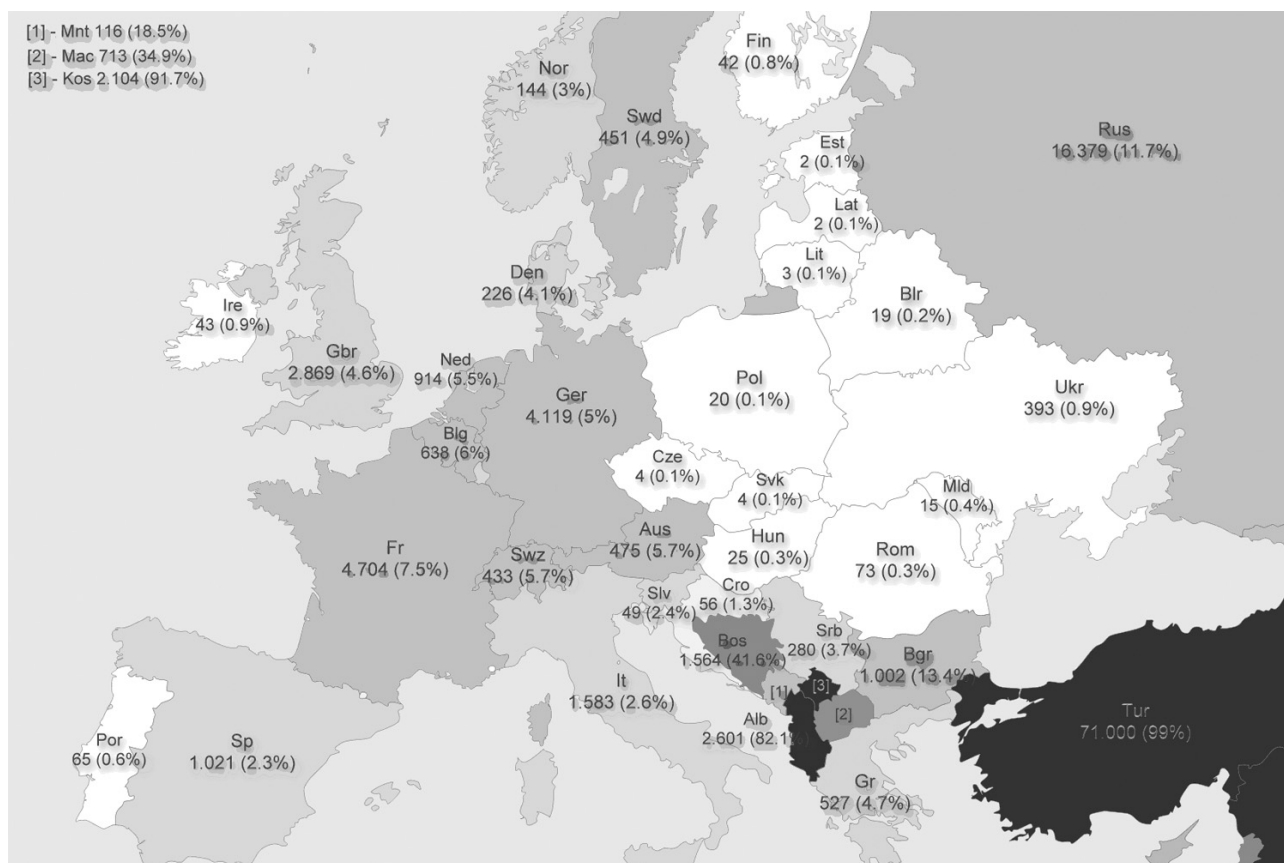

Рисунок 1. Мусульманское население в европейских странах в 2010 году, тыс. человек

Как показано в *графике 1*, степень прироста мусульманского населения снижается в последние годы. К 2030 году он должен составить 1,2%, что, тем не менее, значительно выше, чем у немусульманского населения, для которого будут характерны отрицательные показатели. Падение уровня прироста мусульман связано со снижением коэффициента фертильности и стабилизацией иммиграции (см. ниже).

Одной из причин увеличения мусульманского населения является высокий коэффициент суммарной рождаемости. В *табл. 3* даны коэффициенты фертильности по 25 странам за 2005–2010 годы, а также предполагаемые коэффициенты рождаемости в 2025–2030 годах. Сегодня на каждую мусульманскую женщину в Европе приходится 2,2 ребенка, а на немусульманскую женщину — 1,5. Предполагается, что разрыв немного сократится к 2030 году (2,0 vs. 1,6). Во всех странах, кроме Боснии и Герцеговины, коэффициент рождаемости выше среди мусульман, чем среди немусульман. Особенно большое превосходство он имеет в Норвегии, Австрии, Финляндии, Ирландии, Косово, Сербии и Великобритании.

Другой причиной увеличения мусульманского населения является приток мигрантов из Южной Азии, Северной Африки, Турции и развивающихся

стран. В *Таблице 4* приведены данные о чистой иммиграции мусульман за 2010 год. Самые высокие показатели у Испании (70 тыс.), Франции (66 тыс.), Великобритании (64 тыс.) и Италии (60 тыс.). Предполагается, что к 2030 году Европа по-прежнему останется привлекательным регионом с точки зрения иммиграции, но в некоторых странах (Испания, Франция, Германия, Великобритания) показатели значительно упадут.

Важный фактор при оценке будущего мусульман в Европе — это возрастной состав населения. Материалы по возрастному составу мусульман и немусульман приведены в *диаграмме 2*. Если говорить в целом, то мусульманское население является более молодым. Почти 49% мусульман — это люди моложе 30 лет; среди немусульман этот показатель равен 34%. Предполагается, что к 2030 году превосходство мусульман по данному показателю сохранится (42% vs. 31%). Также считается, что мусульманское и немусульманское население значительно постареет к 2030 году: от 10,5% к 15,9% среди мусульман и от 23,8% к 31% среди немусульман.

2.2. Выводы. Материалы исследовательского центра «Пью» показывают, что мусульмане составляют около 6% европейского населения, и в ближайшие десятилетия их число будет рас-

Таблица 2.
Мусульманское население в европейских странах в 1990, 2010 и 2030 гг.

	1990		2010		2030	
	Мусульманское население	Доля мусульман	Мусульманское население	Доля мусульман	Мусульманское население	Доля мусульман
Европа	29,650,000	4.1%	44,138,000	6.0%	58,209,000	8.0%
Албания	2,302,000	70.0	2,601,000	82.1	2,841,000	83.2
Андорра	<1,000	0.5	<1,000	1.1	1,000	1.1
Австрия	161,000	2.1	475,000	5.7	799,000	9.3
Беларусь	10,000	0.1	19,000	0.2	17,000	0.2
Бельгия	266,000	2.7	638,000	6.0	1,149,000	10.2
Босния и Герцеговина	1,843,000	42.8	1,564,000	41.6	1,503,000	42.7
Болгария	1,155,000	13.1	1,002,000	13.4	1,016,000	15.7
Хорватия	52,000	1.1	56,000	1.3	54,000	1.3
Чехия	<1,000	<0.1	4,000	<0.1	4,000	<0.1
Дания	109,000	2.1	226,000	4.1	317,000	5.6
Эстония	9,000	0.6	2,000	0.1	2,000	0.1
Финляндия	11,000	0.2	42,000	0.8	105,000	1.9
Франция	568,000	1.0	4,704,000	7.5	6,860,000	10.3
Грузия	625,000	11.5	442,000	10.5	433,000	11.5
Германия	2,506,000	3.2	4,119,000	5.0	5,545,000	7.1
Греция	254,000	2.5	527,000	4.7	772,000	6.9
Венгрия	17,000	0.2	25,000	0.3	24,000	0.3
Исландия	<1,000	0.1	<1,000	0.1	<1,000	0.1
Ирландия	15,000	0.4	43,000	0.9	125,000	2.2
Италия	858,000	1.5	1,583,000	2.6	3,199,000	5.4
Косово	1,955,000	87.8	2,104,000	91.7	2,100,000	93.5
Латвия	3,000	0.1	2,000	0.1	2,000	0.1
Литва	7,000	0.2	3,000	0.1	2,000	0.1
Молдавия	4,000	0.1	15,000	0.4	13,000	0.4
Черногория	94,000	16.0	116,000	18.5	136,000	21.5
Нидерланды	344,000	2.3	914,000	5.5	1,365,000	7.8
Норвегия	54,000	1.3	144,000	3.0	359,000	6.5
Польша	6,000	<0.1	20,000	0.1	19,000	0.1
Португалия	10,000	0.1	65,000	0.6	65,000	0.6
Македония	441,000	23.1	713,000	34.9	812,000	40.3
Румыния	46,000	0.2	73,000	0.3	73,000	0.4
Россия	13,634,000	9.2	16,379,000	11.7	18,556,000	14.4
Сербия	412,000	5.6	280,000	3.7	377,000	5.1
Словакия	<1,000	<0.1	4,000	0.1	4,000	0.1
Словения	29,000	1.5	49,000	2.4	49,000	2.4
Испания	271,000	0.7	1,021,000	2.3	1,859,000	3.7
Швеция	147,000	1.7	451,000	4.9	993,000	9.9
Швейцария	148,000	2.2	433,000	5.7	663,000	8.1
Украина	103,000 *	0.2	393,000	0.9	408,000	1.0
Великобритания	1,172,000	2.0	2,869,000	4.6	5,567,000	8.2

ти. Уровень прироста при этом будет снижаться, что связано с падением коэффициента фертильности и стабилизацией иммиграции. К 2030 году мусульмане составят примерно 8% от общего населения Европы. Таким образом, можно гово-

рить о том, что исламизация Европы идет умеренными темпами, и здесь не предвидится резких скачков; модель Еврабии или общеевропейского халифата представляется фантастичной и невозможной демографически (с этим согласны и ана-

Таблица 3.
Показатели рождаемости в европейских странах в 2005–2030 гг.

	2005–2010			2025–2030		
	Мусульмане	Немусульмане	Разница	Мусульмане	Немусульмане	Разница
Албания	1.9	1.7	0.2	1.9	1.7	0.1
Австрия	2.4	1.3	1.1	2.1	1.4	0.7
Бельгия	2.5	1.7	0.9	2.2	1.7	0.5
Босния и Герцеговина	1.2	1.2	0.0	1.4	1.4	0.0
Болгария	1.8	1.3	0.4	1.7	1.4	0.3
Дания	2.7	1.8	0.9	2.4	1.8	0.6
Финляндия	3.3	1.8	1.5	2.8	1.8	0.9
Франция	2.8	1.9	0.8	2.4	1.9	0.5
Грузия	1.8	1.6	0.2	1.9	1.7	0.1
Германия	1.8	1.3	0.5	1.7	1.4	0.3
Греция	1.8	1.6	0.2	1.9	1.7	0.1
Ирландия	3.0	1.9	1.1	2.6	1.9	0.7
Италия	1.9	1.4	0.6	1.8	1.4	0.4
Косово	2.4	1.1	1.3	1.9	1.1	0.8
Черногория	2.5	1.5	1.0	2.3	1.7	0.6
Нидерланды	2.7	1.6	1.0	2.3	1.7	0.6
Норвегия	3.1	1.8	1.3	2.6	1.8	0.7
Македония	1.7	1.3	0.4	1.8	1.5	0.3
Румыния	1.4	1.3	0.0	1.4	1.4	0.0
Сербия	3.1	1.6	1.5	2.7	1.7	1.0
Испания	1.6	1.4	0.2	1.5	1.4	0.1
Швеция	2.5	1.8	0.8	2.3	1.8	0.5
Швейцария	2.4	1.4	0.9	2.2	1.6	0.6
Украина	1.9	1.5	0.4	1.9	1.7	0.3
Великобритания	3.0	1.8	1.2	2.5	1.8	0.8
В среднем по странам	2.2	1.5	0.7	2.0	1.6	0.4

литики Центра «Пью»). Вероятно, постепенный рост мусульманского населения будет сопровождаться более активным включением мусульман в социальную действительность, что не может не привести к трансформации самой этой действительности. Об официальной стратегии такой интеграции мы и поговорим в следующем разделе.

3. Политический контекст интеграции

3.0. С тех пор как европейским политикам стало понятно, что иммигранты не собираются возвращаться на родину, что их число будет только расти и что их включение в социальную жизнь не будет происходить «естественным образом», проблема интеграции этнических меньшинств встала на повестку дня. Более или менее основательно этим вопросом начали заниматься лишь

15–20 лет назад, а общая стратегия была выработана около 10 лет назад. Для понимания того, как решается данная проблема, требуется вкратце рассмотреть политический и идеологический контекст, в рамках которого работают политики Евросоюза, а также механизмы решения вопросов, действующие на уровне ЕС.

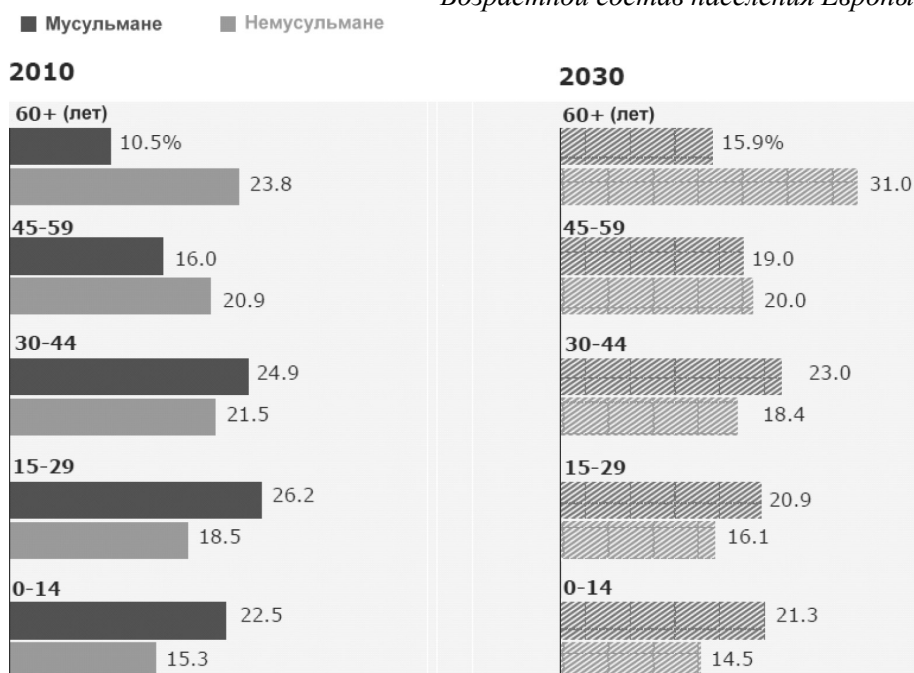
3.1. Основная модель и механизмы реализации.

Последним официальным актом, в котором закреплены идеологические принципы Европейского союза, является Лиссабонский договор, подписанный 19 октября 2007 года. В этом договоре уточняются базовые ценности ЕС, в частности «признание человеческого достоинства, свобода, демократия, равенство, власть закона и уважение к правам человека»; при этом подчеркивается, что права человека включают в себя «права людей, при-

Таблица 4.
Показатели чистой иммиграции мусульман за 2010 год

	Примерный чистый приток мусульманских иммигрантов	Доля мусульман среди новых иммигрантов	Доля мусульман от общего населения
Западная Европа			
Франция	66,000	68.5%	7.5%
Нидерланды	3,000	42.6	5.5
Бельгия	14,000	30.8	6.0
Австрия	8,000	23.4	5.7
Швейцария	2,000	19.0	5.7
Германия	22,000	14.7	5.0
Южная Европа			
Греция	12,000	29.7	4.7
Италия	60,000	23.7	2.6
Испания	70,000	13.1	2.3
Северная Европа			
Швеция	19,000	45.4	4.9
Норвегия	7,000	34.0	3.0
Великобритания	64,000	28.1	4.6
Финляндия	2,000	20.6	0.8
Ирландия	5,000	9.6	0.9
Дания	<1,000	8.0	4.1
Восточная Европа			
Болгария	<1,000	41.9	13.4

Диаграмма 2.
Возрастной состав населения Европы

надлежащих к меньшинствам», а деятельность ЕС должна базироваться на плюрализме, отсутствии дискриминации и толерантности. Для реализации этих общих и абстрактных принципов задействуются конкретные механизмы. В случае с этническими и религиозными меньшинствами данные механизмы должны обеспечивать интеграцию в таких областях, как образование, рынок труда, рынок жилья и др. Главная задача политических институтов ЕС — это выработка адекватной стратегии, поддержка всех инициатив по реализации стратегии на локальном уровне, а также стимулирование политической активности по тем или иным направлениям.

На проблемах социальной вовлеченности и интеграции этнических меньшинств сосредоточены несколько директоров Европейской комиссии⁷. Проблемами занятости и дискриминации на рынке труда занимается Генеральный директор по занятости, социальным вопросам и равным возможностям (EMPL). Межкультурным диалогом и сферой образования занимается Генеральный директорат по образованию и культуре (EAC). Вопросами здравоохранения занимается Генеральный директорат по здравоохранению и защите потребителей (SANCO). Более широкая область компетенций покрывается Генеральным директоратом по региональной политике (REGIO), который занимается благоустройством городов, рынком жилья и экологией. Важно отметить, что в работе всех директоров акцент делается не на религиозных, а на этнических меньшинствах. Но поскольку подавляющее большинство европейских мусульман связаны с этническими меньшинствами, то они в целом попадают в сферу компетенции директоров.

Помимо директоров Европейской комиссии, интеграционные и иммиграционные стратегии разрабатывают также министерские конференции. Первая встреча министров по интеграции состоялась в 2004 году в Гронингене; на ней был принят фундаментальный документ, касающийся общих базовых принципов интеграции (см. ниже). Вторая конференция состоялась в 2007 году в Потсдаме; здесь был сделан акцент на межкультурном диалоге как инструменте интеграции. Третья конференция состоялась в 2008 году в Виши; в финальной декларации были выделены шесть приоритетных областей: продвижение фундаментальных ценностей ЕС;

интеграция; доступ к рынку труда и продвижение многообразия; интеграция женщин и образование детей; использование межкультурного диалога для продвижения интеграции; развитие интеграционной политики. Наконец, четвертая конференция состоялась в 2010 году в Сарагосе; на ней была разработана последняя версия «Пособия по интеграции для политиков и исполнительной власти» [Handbook on Integration 2010].

3.2. Концепция интеграции. Официальный акт «Общие базовые принципы интеграции» был принят на первой министерской конференции в 2004 году. Основное внимание в нем уделено интеграции иммигрантов, то есть выходцев из тех стран, которые не являются членами ЕС. Однако, как отмечалось авторами документа, интеграционная стратегия должна также затронуть этнические и религиозные меньшинства, вне зависимости от наличия или отсутствия гражданства у их представителей. Примерно треть мусульман, проживающих в странах ЕС, не являются гражданами этих стран, поэтому интеграционные инициативы затрагивают их напрямую; в то же время большая часть оставшихся мусульман, несмотря на наличие гражданства, плохо интегрированы в социальную жизнь, и поэтому принятые инициативы затрагивают их косвенно. Для более полного понимания общеевропейской стратегии мы приводим далее наш перевод программного текста «Общие базовые принципы интеграции» (The Common Basic Principles on Integration) по изданию 2010 года [Handbook on Integration 2010: 160].

Общие базовые принципы интеграции.

1. Интеграция является динамическим двухсторонним процессом взаимного приспособления между всеми иммигрантами и жителями государства-участников.

2. Интеграция предполагает уважение к базовым ценностям Европейского союза.

3. Трудовая занятость является ключевым элементом интеграционного процесса, она играет центральную роль в социальной вовлеченности мусульман, является ядром того вклада, который вносят иммигранты в принимающее общество, и делает этот вклад осязаемым.

4. Базовое знание языка, истории и институтов принимающей стороны необходимо для интеграции; доступность этого базового знания для иммигрантов имеет существенное значение для успешной интеграции.

5. Успехи в образовательной сфере имеют решающее значение в подготовке иммигрантов, и в особенности их потомков, к успешному и более активному участию в жизни общества.

⁷ Полный список директоров и сферы их компетенции представлены на сайте Евросоюза: http://ec.europa.eu/about/ds_en.htm.

6. Доступ иммигрантов к институтам, а также к публичным и частным благам и сервисам, на основе равных прав с гражданами страны и без дискриминационных признаков — это база для лучшей интеграции.

7. Регулярное взаимодействие между иммигрантами и гражданами стран-участников является фундаментальным механизмом интеграции. Общие форумы, межкультурный диалог, изучение иммигрантов и культур иммигрантов, улучшение жилищных условий в городских округах укрепляют связи между иммигрантами и гражданами.

8. Практика различных культурных традиций и религий гарантируется Хартией Европейского союза по правам человека, и она должна охраняться, но при том условии, что практика не вступает в конфликт с другими неприкосновенными европейскими правами и национальным законодательством.

9. Участие иммигрантов в демократическом процессе и в оформлении интеграционной политики и интеграционных мер, особенно на местном уровне, обеспечивает их интеграцию.

10. Включение на правах мейнстрима интеграционной политики и интеграционных мер во все релевантные политические портфели и уровни государственного и общественного обеспечения является важным принципом, который следует задействовать в формировании и реализации публичной политики.

11. Разработка ясных целей, показателей и механизмов оценки необходима для приспособления политики, измерения прогресса в интеграции и более эффективного обмена информацией.

Можно отметить некоторые важные принципы, зафиксированные в программном документе. Самым существенным новшеством документа является специфическое понимание интеграции. Согласно широко распространенному мнению, под интеграцией иммигрантов следует понимать полноценное включение иммигрантов в жизнь данного общества, при этом акцент делается на приспособлении иммигрантов к нормам и негласным правилам данного общества. В противоположность этому, в «Общих базовых принципах» иммиграция понимается в более либеральном ключе; она трактуется как «динамический двухсторонний процесс», который предполагает «взаимное приспособление между всеми иммигрантами и жителями государств»; по сути, интеграция требует не только активности со стороны иммигрантов, но и со стороны общества. Тезис о том, что иммиграция — это двухсторонний процесс взаимного приспособления, превра-

тился в настоящее заклинание, которое постоянно рецитируется европейскими политиками. Если ранее результатом интеграции считалась полноценная включенность иммигрантов в общество, то в новом документе менее определенным стало понимание того, к какому результату должна вести интеграция и предполагает ли она вообще достижение некоего фиксированного результата. Согласно «Общим базовым принципам», интеграция является, скорее, процессом обоюдной трансформации, чем конечным состоянием.

Интересно, что несмотря на столь резкий скачок в трактовке интеграции, «Общие базовые принципы» подверглись значительной критике как недостаточно либеральные и слишком требовательные к иммигрантам. Критика способствовала выработке более определенной интерпретации первого пункта, которая была зафиксирована в последующих документах. Приведем некоторые важные выдержки из них: «Интеграция является динамическим, долгосрочным и продолжающимся двухсторонним процессом взаимного приспособления, но не статичным результатом. Она требует участия не только иммигрантов и их потомков, но вообще всех жителей. Интеграционный процесс предполагает адаптацию со стороны иммигрантов (как мужчин, так и женщин), имеющих все права и возможности, в отношении новой страны их пребывания. Этот процесс также предполагает активность принимающего общества, которое должно создать условия для полного экономического, социального, культурного и политического участия иммигрантов. Соответственно, государства-участники должны поддерживать вовлеченность иммигрантов и граждан в политику интеграции и сообщать об их взаимных правах и обязанностях» [JHA 2004: 19]; «Интеграция является динамическим двухсторонним процессом, в который включены как иммигранты, так и принимающее общество, при этом обязанности распределены между обеими сторонами... Наиболее важной задачей, связанной с реализацией успешной интеграционной политики и обеспечением долгосрочного социального единства, является включение принимающих обществ в данный процесс» [Conclusions 2007]. Стоит отметить, что обилие разнообразных документов, отчетов и протоколов, разработанных институтами ЕС, способствует появлению разных трактовок данного вопроса и открывает поле для политического маневра (см. критический обзор [MIE 2010: 45–48]).

В программном документе сформулированы и другие важные идеи, касающиеся положения иммигрантов. Сейчас нет возможности остано-

ливаться на них подробно, поэтому отметим лишь самые общие тенденции. Во-первых, утверждение о необходимости уважать базовые ценности Евросоюза выражено более или менее нейтральным языком; оно адресовано не только к иммигрантам, но и к гражданам государств; тем самым подчеркивается, что «базовые ценности» являются объединяющим началом, на основе которого происходит взаимное приспособление; в другом документе разъясняется, что именно имеется в виду под базовыми ценностями: «права человека, свобода слова, демократия, толерантность, равенство между мужчиной и женщиной, обязательное школьное образование» [EPIA 2008]. Во-вторых, признается необходимость дифференцированного подхода к разным группам иммигрантов, что позволяет проводить более гибкую и четко ориентированную политику. В-третьих, учитывается, что интеграционный процесс должен затрагивать не только иммигрантов в узком смысле, но и этнические меньшинства в широком смысле (в том числе тех их представителей, которые имеют гражданство данной страны).

Таким образом, в «Общих базовых принципах» отражена долгосрочная стратегия интеграционной политики ЕС. Как уже было сказано, данный документ критиковался по разным направлениям многими авторами; в частности отмечалась неоднозначная интерпретация «интеграции», недостаточное внимание к участию принимающих обществ, размытость понятия «ценности Евросоюза» и др. Несмотря на это, концепция «Общих базовых принципов» является несомненным продвижением в сравнении с ранними представлениями. Возможно, некоторая неоднозначность понятия «интеграции» является даже удачным обстоятельством, поскольку в современных переходных условиях требуется тонкое политическое лавирование между заданной моделью интеграции и неподготовленностью европейского большинства к восприятию элементов чуждой культуры (о чем свидетельствуют материалы опросов). Европейские политики могут апеллировать, в зависимости от обстоятельств, к одной из двух версий «интеграции» — к «сильной версии», предполагающей приспособление и культурную трансформацию принимающего общества, или к «слабой версии», говорящей только о создании условий для включения иммигрантов в существующую социальную модель. Подобная концептуальная гибкость — это то, в чем сейчас нуждается европейская интеграционная политика.

Для поддержки проекта интеграции были предприняты многочисленные инициативы.

Одно из приоритетных направлений — сбор и обмен информацией, которая необходима для создания адекватного представления о ситуации. С 2004 года выпускаются подробные справочники по интеграции, содержащие релевантные материалы и рекомендации для чиновников всех уровней. Первый том вышел в 2004 году, второй — в 2007 году, третий том — в 2010 году⁸. С 2003 года также установлены Национальные контактные группы (NCPs) по интеграции; они способствуют обмену информацией и практиками между отдельными государствами-участниками. Для более свободного обмена опытом создан специальный веб-сайт⁹. Наряду с ним был запущен также форум по европейской интеграции, перед которым поставлены самые широкие задачи. Наконец, финансовая поддержка проекта обеспечивается Фондом европейской интеграции (EIF) и Фондом по поддержке беженцев (ERF). Деятельность Фонда европейской интеграции сосредоточена на создании подходящих условий для иммигрантов; поддержку от Фонда получают только зарегистрированные иммигранты. Общий объем средств за 2007–2013 годы составил 825 млн евро. Из них 768 млн евро распределены между государствами-участниками в соответствии с числом зарегистрированных иммигрантов. Оставшиеся 57 млн евро направлены на реализацию конкретных программ. Среди приоритетных направлений за 2009 год отмечены следующие: сбор информации о настроениях в обществе и среди иммигрантов, развитие более обстоятельного понимания интеграционных процессов; принятие интеграционных мер, нацеленных на молодежь и специфические гендерные проблемы; стимулирование активности гражданских организаций и местных властей для формирования стратегий интеграции. Помимо этих базовых задач, Фонд также финансирует проекты по самым широким областям, связанным с проблемами иммигрантов.

3.3. Локальные стратегии. Помимо общей интеграционной стратегии, на уровне ЕС существуют также локальные стратегии, затрагивающие такие области как образование, рынок труда, социальное обеспечение, межкультурный диалог и др. Для лучшего понимания политического контекста вкратце обрисуем эти стратегии.

Рынком труда и проблемами социальной вовлеченности занимается Генеральный директорат

⁸ Все три тома выложены в открытом доступе на сайте Группы по миграционной политике: <http://www.migpolgroup.com/>.

⁹ Адрес сайта: <http://ec.europa.eu/ewsi/en/>

по занятости, социальным вопросам и равным возможностям (EMPL). Мусульмане не рассматриваются здесь как отдельная целевая группа; запросы мусульман решаются в рамках работы с этническими меньшинствами и иммигрантами. Последние признаются потенциально уязвимой группой, требующей особой поддержки. Официальная стратегия включает следующие положения: «Необходимо значительно сократить разрывы в уровнях занятости между людьми из разных социальных групп, включая различия между иммигрантами и гражданами ЕС... Борьба с дискриминацией и интеграция иммигрантов и меньшинств имеют особую важность» [Decision 2005]. Обновленная социальная программа предполагает выделение 1,2 млрд евро для поддержки иммигрантов на рынке труда в период 2007–2013 годы [Agenda 2008: 17]. В рамках некоторых других программ также затрагивается проблема занятости и социальной вовлеченности. Таким образом, по этому направлению ведется активная работа.

Сфера образования находится преимущественно в компетенции отдельных стран ЕС. На уровне ЕС проблемами образования занимается Генеральный директорат по образованию и культуре (EAC), но его функции являются ограниченными. Общеευропейская стратегия по вопросу образования была выработана в 2009 году, и ее главная цель заключается в «продвижении равенства, социального единства и активной гражданской позиции». Для реализации этой цели «система образования должна гарантировать, что все ученики — включая выходцев из уязвимых групп, особо нуждающихся и мигрантов — смогут закончить свое обучение, и при этом получить доступ к более продвинутому уровню и, там где это нужно, к индивидуальной работе... Образование должно продвигать межкультурные компетенции, демократические ценности и уважение к базовым правам и окружению; оно также должно бороться со всеми формами дискриминации, предоставляя всем молодым людям знания о том, как успешно взаимодействовать с их одноклассниками из различных этнических групп» [ET 2009]. Для реализации этих целей, в частности для стимулирования уровня образованности среди молодых и взрослых иммигрантов, используются ресурсы Европейского социального фонда (ESF).

Генеральный директорат по образованию и культуре занимается также вопросами межкультурного диалога. Эта новая область активности ЕС сформировалась в 2008 году, кото-

рый был назван «Годом межкультурного диалога». В этом же году была намечена стратегия по межкультурному диалогу, цель которой заключается в «поддержании уважения к культурному многообразию и работе со сложной действительностью наших обществ, предполагающих сосуществование различных культурных идентичностей и верований»; при этом «необходимо подчеркнуть вклад различных культур в наследие и образ жизни государств-участников и осознать, что культура и межкультурный диалог представляют решающее значение для понимания того, как жить вместе в гармонии» [Decision 2008]. Аналогичные положения были включены в культурную программу Евросоюза на 2007–2013 годы, озаглавленную как «Пересекая границы — соединяя культуры». Целью программы является «внесение вклада в становление европейского гражданства через продвижение культурной кооперации в Европе и выдвижение общеевропейской культурной арены, где заметно наследие и богатое культурное разнообразие».

К представленным стратегиям и программам можно также добавить такие направления работы ЕС, как борьба с дискриминацией, улучшение условий жилья, борьба с терроризмом. В этих направлениях также доминируют стратегии, ориентированные на помощь иммигрантам и этническим меньшинствам и на их активную интеграцию. Все это формирует общую парадигму, в которой работают институты ЕС. Для понимания реалий и перспектив интеграции необходимо учитывать идеологическую специфику этой парадигмы.

4. Образование

4.0. В документе «Общие базовые принципы интеграции» подчеркивается важность образования для интеграции. Образование предоставляет навыки и квалификацию, необходимые для успешной деятельности на рынке труда, и оно является ключевым фактором социальной мобильности. Образование также играет важную роль как форма социализации молодого населения, усваивающего в школе негласные правила и ценности данного общества. Следовательно, имеется необходимость в том, чтобы образовательные учреждения отвечали запросам мусульманского населения и были способны направить процесс социализации в нужное русло. Наконец, образовательные учреждения де факто связаны с интеграцией, поскольку в них происходит взаимодействие учеников, родителей и учителей, имеющих различное этническое происхождение. Все эти аспекты

обуславливают повышенное внимание со стороны Фонда Сороса, а также других общественных организаций, к проблемам мусульманского населения в сфере образования.

В рамках ОФС были собраны многочисленные материалы, касающиеся дошкольного образования, уровня языковой компетенции, сегрегации, дискриминации, места религиозных ценностей, позиции учителей и родителей и т.д. [MIE 2010: 92–108] Собранные материалы редко напрямую отражают религиозную идентичность учеников и студентов. Чаще всего в статистике используются такие категории, как «национальность», «этничность», «происхождение» и «родной язык», что более или менее облегчает идентификацию учеников по этническому и религиозному признаку. Производилась работа по улучшению методов сбора информации. Например, в Лестере использовалась база данных «Датанет», которая включает информацию о дискриминации по гендерному, этническому и другим признакам¹⁰. Подобные базы существуют также для некоторых французских и нидерландских городов. Стоит отметить, что наличие подробной статистической информации является показателем осведомленности о ситуации и залогом окончательного решения мигрантского вопроса.

4.1. Общие тенденции. Если в наиболее общем виде охарактеризовать уровень образования среди иммигрантов и детей иммигрантов, то можно сказать, что он значительно ниже, чем у представителей доминирующего этноса. Имеет место чрезмерная представленность иммигрантов на низших уровнях образования, и в то же время они недостаточно представлены в сфере высшего образования. Среди детей, покинувших школу до получения квалификации, доминируют иммигранты. Несмотря на эту хорошо известную ситуацию, из ОФС следует, что имеются некоторые положительные тенденции (см. ниже).

Существование разрыва в уровне образованности должно объясняться комплексными факторами: проблемой языковой компетенции, многочисленными формами дискриминации, предвзятостью, тенденцией к сегрегации, сложным положением родителей и т.д. При этом важно иметь в виду, что, вопреки расхожему мнению, этнические и религиозные меньшинства, как правило, имеют четкую установку на получение образования. Например, как следует из отчета Мусульманского совета Британии, мусульмане

считают проблему уровня образованности наиболее важной для них; опрос показывает, что эта проблема является даже более важной, чем проблема жилищных условий. Профессор Тарик Модуд справедливо полагает, что религия играет положительную роль в поддержании образовательных устремлений молодых мусульман Британии: «Для многих молодых азиатов ислам является источником образовательного вдохновения и мотивацией самосовершенствования, он способствует дисциплинированному и ответственному образу жизни... Ислам в Британии тонко балансирует между религией гетто и религией социальной мобильности, которая, подобно «протестантской этике», способна являться опорой решительности и дисциплины, а эти качества необходимы для того, чтобы суметь вовремя воспользоваться своим шансом» [Modood 2006: 250].

4.2. Дошкольное образование и языковая компетенция. В многолетнем общеевропейском исследовании интеллектуального, социального и поведенческого развития 3000 детей в возрасте от 3 до 7 лет, которое было выполнено К. Сильвой и коллегами, показано, что раннее обучение и дошкольное образование играют важную роль в процессе социализации. Авторы утверждают, что «дошкольное обучение может играть важную роль в борьбе с социальной сегрегацией и в развитии интеграции путем предоставления детям из неблагоприятных семей лучшего старта в начальной школе» [Sylva et al. 2004: 29]. Муниципальные власти и национальные правительства все больше заняты проблемой поддержки дошкольного образования; эта идея является ключевой в интеграционной стратегии нескольких городов. В Бельгии введены финансовые стимулы для детских садов, чтобы включать детей из бедных и неполноценных семей. В Гамбурге за год до принятия в школу оцениваются языковые навыки потенциального ученика, и в случае если уровень владения языком является низким, ребенку назначаются специальные лингвистические курсы. В Лестере проводится активная политика по повышению языковой компетенции детей раннего возраста и их родителей. В интеграционной политике Берлина (Integrationskonzept) также уделяется большое внимание раннему образованию, что проявляется в финансовом стимулировании детских садов.

Языковая компетенция является жизненно важной для достижения успеха в образовании. Политика всех исследованных городов ориентирована на обучение государственному языку. В Германии имеется национальная программа

¹⁰ Сайт базы данных: <https://datanet.leicester.gov.uk/about-datanet.html>

ForMig, в рамках которой осуществляется поддержка в обучении грамоте этнических меньшинств; особым успехом пользуется «Rucksackprojekt», развиваемый в Берлине. Согласно этому проекту, учителя начальных классов и воспитатели детских садов проводят инструктаж с родителями-мигрантами на их родном языке по поводу темы, которой будет посвящено следующее занятие; родители, в свою очередь, консультируют собственных детей на родном языке. Некоторые из родителей могут стать «семейными помощниками» (Elternbegleiter), проводя консультации с другими иммигрантами, а также помогая им устанавливать коммуникацию с учителями. Во Франции поддержка языка проявляется в виде вводных классов для детей с ограниченным знанием французского языка. Стоит отметить, что развитие языковой компетенции имеет важность как на ранних этапах обучения, так и на более поздних этапах. В результате исследования выяснилось, что успехи учеников в старших классах напрямую связаны с повышением языковой компетенции. Отмечается, что билингвы, усвоившие язык школьного обучения, часто превосходят по уровню образования своих сверстников монолингвов. Не случайно Министерство стандартов образования Великобритании, исследовав успехи бенгальских детей, сделало вывод о необходимости сосредоточить усилия на обучении государственному языку [ABHP 2004].

4.3. Сегрегация и дискриминация. В рамках ОФС показано, что по отношению к детям мигрантов имеет место феномен избирательного подхода со стороны учителей. Избирательный подход заключается в том, что уже на ранних этапах образования педагог склонен относить мигрантских детей к слабой группе учащихся и таким образом преграждать для них путь к более высоким ступеням образования; это происходит даже в случае отсутствия объективных причин, касающихся успеваемости. В Нидерландах высшее образование получают 60 % этнических голландцев и лишь 30 % мигрантов¹¹. Исследование общеевропейской ситуации, проведенное проектом TIES (Integration of the European Second Generation)¹², показало, что большое число турецких и марокканских выпускников, получивших высшее образование, добились этого несмотря на провал во время школьных курсов, дающих возможность на поступле-

ние; им приходилось добиваться поступления в ВУЗ не напрямую, а через другие курсы. Тезис об избирательном подходе подкрепляется также исследованием единых средних школ в Германии и Великобритании. Единая школа (comprehensive school) — это государственная школа, в которую поступающие принимаются без отборочных экзаменов; это может быть как начальная школа, так и средняя. Общая тенденция заключается в том, что мигранты учатся в таких школах гораздо лучше и добиваются в рамках подобной системы более высоких результатов. Специально исследовавший этот вопрос Ф. Хекманн отмечает: «Можно с уверенностью заявить, что единые школы демонстрируют эффективность в повышении образовательных перспектив для мигрантских студентов, они также позволяют противостоять избирательности на раннем этапе» [Heckmann 2008: 3]. Таким образом, единые школы являются хорошим инструментом интеграции, и в ОФС показано, что в некоторых городах муниципальные власти начинают уделять этому вопросу повышенное внимание.

Другую проблему, выявленную в социологических исследованиях, представляет существование низкого уровня ожидания со стороны учителей по отношению к детям мигрантов. Ученики, как правило, отвечают на ожидания учителей, и очень часто специфика ожиданий обусловлена этническими и религиозными факторами. Рассмотрим некоторые примеры. Информант из Марселя сообщает: «Два года назад у меня был одноклассник. Его отец был каменщиком, и учитель знал об этом. Посмотрев на руки ребенка, учитель сказал: да, у тебя определенно руки каменщика!». В другом примере девушка хотела получить третью степень знания немецкого, но учитель посоветовал ей не беспокоиться, поскольку второй степени, по его мнению, вполне достаточно для турчанки. В Германии около половины представителей фокус-группы смогли привести похожие случаи низкого ожидания. Во Франции 39 % родителей, имеющих североафриканское происхождение, считают рекомендации учителей по поводу дальнейшего образования их детей сомнительными. Скептицизм такого же рода был обнаружен и в Гамбурге. Как уже отмечалось, низкий уровень ожидания ведет к избирательному подходу, который напрямую связан с образовательными возможностями и дальнейшим положением на рынке труда. Хорошей иллюстрацией здесь является эксперимент, проведенный в Нидерландах: перед тем как ученики начали сдавать экзамены в среднюю школу, их учителей попросили подготовить

¹¹ Информация выложена на сайте Амстердамского исследовательского и статистического департамента: <http://www.os.amsterdam.nl/feitenencijfers/>

¹² Сайт проекта TIES: <http://www.tiesproject.eu/>

рекомендации, касающиеся специфики дальнейшего образования; после сдачи экзамена оказалось, что рекомендации для представителей этнических меньшинств (в отличие от рекомендаций для голландцев) значительно занижены в сравнении с их реальными показателями на экзамене.

Низкий уровень ожидания, избирательность, а также объективные социально-экономические условия способствуют скоплению детей иммигрантов в ряде школ, что фактически обозначает сегрегацию этих школ. Уровень образования в таких школах, как правило, ниже, чем в обычных. Дискуссии в фокус-группах показали, что родители всерьез озабочены проблемой сегрегации в образовании: они считают, что школы с большим числом иммигрантов дают плохое образование и пользуются меньшей поддержкой со стороны властей. В ряде городов были приняты меры по борьбе с сегрегацией. В Великобритании в 2006 году был введен «Акт экспертизы образования», понуждающий руководство поддерживать тесные связи с другими школами. В Лестере для повышения уровня взаимодействия между учениками из разных этнических и религиозных сообществ были созданы специальные группы, в которых ученики могли бы встречаться и проводить время. В Антверпене был принят «Декрет о равных перспективах в образовании», который ограничил права школ по отказу детям в приеме и разрешил переводить детей в другие школы в случае, если в данной школе число представителей этнических меньшинств превышает средний показатель по городу в 10%. Но несмотря на целый ряд мер по решению проблемы сегрегации, этот вопрос, как показывает ОФС, все еще является острым. Например, в Антверпене засвидетельствованы многочисленные случаи создания косвенных барьеров против зачисления в школу: руководство школы может запугивать родителей тем, что в школе тяжелый учебный план, который не смогут освоить их дети, что школа не проявляет должного внимания этническим и религиозным особенностям поведения, что школьная униформа

является дорогой, а экскурсии затратными, и т. д.

Ко всем упомянутым видам притеснения добавляются примеры прямой дискриминации по религиозному признаку. В рамках ОФС показано, что уровень такой дискриминации не слишком велик: лишь 6% опрошенных отметили, что за последние 12 месяцев они хотя бы раз подвергались религиозной дискриминации в школе. Но результаты между странами распределены неравномерно. Самая тяжелая ситуация, по видимому, имеет место в Германии. Большинство жалоб, полученных ассоциацией по предотвращению дискриминации в Берлине (Anti Discrimination Network Berlin, ADNB), были связаны с системой образования. Почти все участники фокус-группы в Берлине подтвердили существование высокого уровня дискриминации, обусловленного высокомерием и стереотипным мышлением учителей. Один из представителей фокус-группы в Антверпене упомянул примечательный случай: его сын Усама прибежал домой в слезах; как оказалось, учитель во время урока заявил, что он чувствовал бы себя униженным, если бы имел имя «Усама»! Несмотря на то, что подобные истории нередки, авторы ОФС отмечают наличие положительных тенденций, свидетельствующих об уменьшении уровня дискриминации. В целом к дискриминации склонны взрослые и консервативные учителя, которые не успевают за быстро меняющимся мультикультурным обществом. Молодые участники фокус-групп, недавно закончившие школы, высказывали в целом более позитивную характеристику ситуации. Отчасти, возможно, это также связано с введением в ряде городов специальных мер, в том числе тренингов для учителей, по предотвращению дискриминации.

4.4. Отношение к идентичности. Степень уважения со стороны школы к самоидентификации человека и ценностям его социальной группы напрямую влияет на образовательный процесс. Во всех исследованных городах ведется работа по развитию терпимости к культурному бэкграунду учеников и студентов, являющихся предста-

Таблица 5.
Результаты опроса «Уважаются ли в школах разные религиозные традиции?» [МІЕ 2010: 103]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Слишком много	2,9%	7,7%	5,3%
Как следует	48,9%	49,7%	49,3%
Слишком мало	31,9%	15,2%	23,6%
Не знаю	16,3%	27,4%	21,8%
Число респондентов	1110	1088	2198

вителями этнических меньшинств. В табл. 5 даны результаты опроса, проведенного сотрудниками Фонда Сороса. Как видно, большинство респондентов отметили, что в школах с достаточным уважением относятся к различным религиозным традициям. При этом мусульмане чаще отмечали, что делается «слишком мало», а немусульмане — что делается «слишком много». Так, например, предоставление отгулов во время исламских праздников, практикуемое в Берлине, обычно одобрялось первыми и критиковалось вторыми.

В некоторых городах засвидетельствовано стремление к широкому признанию исламской религиозной идентичности, а также отмечено введение просветительских материалов, касающихся ислама, в образовательную программу. В Берлине уполномоченный по интеграции потребовал широкого признания того вклада, который был внесен иммигрантами и мусульманскими сообществами в немецкую и европейскую культуру. В Лестере муниципальный совет принял активное участие в подготовке Агентством по развитию и поддержке школ (SDSA) специального образовательного материала, касающегося ислама и образа жизни мусульман. Аналогичные инициативы отмечены в Амстердаме и Антверпене. Стоит сказать, что школы по-прежнему принимают самостоятельные решения, касающиеся удовлетворения религиозных потребностей учащихся. В фокус-группах родители отмечали, что отсутствие единой политики или хотя бы минимальных стандартов, связанных с обеспечением религиозной практики, почти не оставляет им вариантов при выборе школы для своего ребенка; это, безусловно, является одним из факторов развития сегрегации.

Во всех городах по-прежнему дискуссионным является вопрос о ношении хиджаба ученицами и педагогами. В ОФС отмечены некоторые положительные сдвиги. Так, половина немусульманских участников фокус-группы в Берлине раскритиковали запрет на ношение хиджаба педагогами, увидев в этом проявление ксенофобии и неполиткорректности. Но в целом в обществе имеет место неодобрительное отношение к ношению платков. Большинство мусульманских респондентов Берлина утверждали, что традиции мусульман не уважают. Одна из респонденток рассказала следующую историю: «В средней школе у нас был учитель, который отличался крайней ксенофобией. Особенно плохо он относился к девочкам в платках, говоря им, что они должны одеваться как немки и адаптироваться» [Berlin 2010: 75]. В Роттердаме мать одной из школьниц рассказа-

ла следующую историю: «Моей дочери пришлось сменить четыре школы из-за того, что она носит платок. Куда бы она ни приходила, ей говорили, что это в принципе допустимо, но директор против этого» [Rotterdam 2010: 76]. Подобные истории в изобилии представлены в отчетах по отдельным городам.

4.5. Выводы. Образовательные успехи этнических меньшинств неоднозначны. В целом у них более низкий уровень образования, чем у представителей доминирующего этноса. Причины сложившейся ситуации многочисленны, но ключевым, по-видимому, является социально-экономический фактор. Имеются свидетельства того, что для мусульман религия играет стимулирующую роль в процессе образования. Во всех городах возрастает понимание роли дошкольного образования в дальнейшем образовательном и интеграционном процессе. Приняты меры для более широкой поддержки дошкольного образования. Также приняты меры против прямой и непрямой сегрегации детей мигрантов. Среди родителей (мусульмане и немусульмане) имеется запрос на этнически смешанные школы, которые позволили бы преодолеть притеснения и сегрегацию. Несмотря на развитие ряда инициатив, ситуация в целом остается сложной. Представители этнических меньшинств продолжают страдать от расизма и дискриминации в их многообразных формах (избирательный подход, низкий уровень ожидания, непризнание идентичности, отсутствие условий для религиозной практики и т. д.). Требуются более широкие меры в подготовке учителей, а также, возможно, унификация политических стандартов по этому вопросу.

5. Рынок труда

5.0. Занятость на рынке труда составляет ядро экономической интеграции, которая, в свою очередь, является условием социальной интеграции. В пункте 3 «Общих базовых принципов» подчеркивается эта фундаментальная роль занятости: «Трудовая занятость — это ключевой элемент интеграционного процесса». Стоит отметить, что экономическая интеграция подразумевает не только наличие возможностей для трудоустройства, но и доступность общих и наиболее распространенных видов деятельности; иначе говоря, она подразумевает отсутствие жесткой сегментации и сегрегации на рынке труда: для этнических и религиозных меньшинств должны быть доступны те же виды работ, что и для большинства граждан, разумеется, с учетом личных навыков и профессиональной квалификации. Несмотря на заяв-

ленные принципы, на европейском рынке труда, как будет показано ниже, по-прежнему встречаются многочисленные виды дискриминации по этническому и религиозному признаку.

5.1. Активность на рынке труда. Существуют несколько критериев для оценки степени активности на рынке труда: уровень экономической активности, уровень занятости и уровень безработицы. Как и в случае с образованием, статистические материалы по рынку труда чаще всего не учитывают религиозный признак, но берут в расчет этническую идентичность; такие материалы позволяют составить лишь общее представление о положении мусульманских меньшинств. Крупное исследование по проблеме активности этнических меньшинств проведено в 2008 году Институтом исследования труда (Institute for the Study of Labour); был собран материал по Бельгии, Дании и Великобритании. Из подготовленного отчета следует, что уровень активности на рынке труда среди мусульманских меньшинств (турки, марокканцы, иракцы, пакистанцы и бенгальцы) ниже среднего. Авторы заключают, что этнические меньшинства «характеризуются в целом

значительно более высоким уровнем безработицы, низким доходом, и им тяжелее найти работу и удержаться на ней, чем доминирующему этническому большинству» [Zimmerman et al. 2008: 11]. Данные об экономической активности, уровне безработицы и средней зарплате приведены в табл. 6.

Уровень безработицы среди мусульман обычно существенно выше среднего по стране. Как видно из табл. 6, уровень безработицы среди турок, иракцев, боснийцев и других этнических меньшинств в 3–5 раз выше в сравнении с местным населением. В Нидерландах турки и марокканцы страдают от безработицы в 3 раза чаще, чем средний гражданин. В Бельгии уровень безработицы среди марокканцев и турок составляет 38%, что более чем в 5 раз выше общенационального показателя. В некоторых землях Германии общий уровень безработицы среди молодых мусульман доходит до 30%, а безработица в таких «турецких» районах Берлина, как Фридрихсхайн и Кройцберг, достигает 41%. Также имеются свидетельства о том, что этнические меньшинства более чувствительны к экономическим кризисам.

Таблица 6.
Положение некоторых этнических меньшинств на рынке труда
[Zimmerman et al. 2008: 15]

Страна	Этническая группа	Уровень экономической активности	Уровень безработицы	Часовая зарплата
Бельгия	Коренные бельгийцы	65	—	—
	Новые бельгийцы	52	—	—
	Турки	29	—	—
	Марокканцы	29	—	—
Дания	В целом по стране	76,3	4,5	278,3 (крона)
	Турки	62,2	17,8	170,7
	Иракцы	37,7	26,9	138,4
	Боснийцы	57,2	12,9	177,4
	Другие иммигранты	55,8	28	164,8
Нидерланды	Голландцы	78	9	10,4 (евро)
	Турки	53	21	7,1
	Марокканцы	51	27	6,9
Великобритания	Белое большинство	81,8	3,8	11,8 (фунт)
	Пакистанцы	55,2	12,8	10,2
	Бенгальцы	48,7	19,4	10,1

В период кризиса 2008–2009 годов нидерландские мигранты в два раза чаще коренных голландцев заключали «гибкие контракты» с работодателями, которые не гарантируют наличия рабочих часов и оплаты. В Бельгии в этот же период рост безработицы среди турок и марокканцев был в три раза выше, чем среди коренных бельгийцев. Несмотря на столь сложную ситуацию, в ОФС отмечены некоторые положительные сдвиги в этой области. Например, в Нидерландах средний уровень безработицы среди иммигрантов упал за 10 лет в два раза: в 1997 году он составлял 20%, а в 2007–10% (что, тем не менее, в 2,5 раза выше, чем средний показатель по стране). В Бельгии отмечен некоторый успех в преодолении длительной безработицы среди марокканцев и турок: в 2003 году она составляла 61%, а в 2007 году — уже 46%.

Другой проблемой является низкая оплата труда иммигрантов. Собранные материалы (см. также Таблицу 6) показывают, что почасовая оплата труда иммигрантов ниже, чем у большинства населения. Следствием низкой оплаты является то, что бедность распространена среди мусульман значительно больше. В Бельгии доля населения, живущего за чертой бедности, составляет среди этнических бельгийцев 10%, в то время как среди марокканцев — 56%, а среди турок — 59%! В Амстердаме 32% турецких семей и 37% марокканских семей имели в 2006 году доход, не превышающий прожиточный минимум, в то время как среди голландцев этот показатель составил 13%. Согласно британским отчетам, уровень бедности высок среди пакистанцев (67%) и бенгальцев (55%). Примечательно, что из этих отчетов также следует, что даже среди работающих семей примерно 60% пакистанцев и 40% бенгальцев живут в бедности, в то время как для британцев эти цифры составляют 10–15% [Kenway, Palmer 2007]. Таким образом, безработица не выступает главной причиной бедности среди этнических меньшинств; таковой причиной является низкая оплата труда.

5.2. Квалификация. В качестве основной причины неблагоприятного положения этнических меньшинств обычно указывается низкий уровень образования и квалификации. Известно, что многие мусульмане приезжают в Европу для выполнения неквалифицированной или низкоквалифицированной работы. Данные из Амстердама (район Слотерваарт) свидетельствуют о том, что безработица напрямую связана с низким уровнем образования: из 1789 людей, искавших работу в 2007 году, 1181 не имели базовой квалификации; в противоположность этому, отчет за 2008 год показыва-

ет, что уровень занятости среди высококвалифицированных турок и марокканцев (80%) близок к уровню образованных голландцев (85%). Другой причиной безработицы, как свидетельствуют материалы из Гамбурга, являются структурные изменения на рынке труда, приведшие к уменьшению низкоквалифицированных вакансий. Несмотря на строгую корреляцию между низкой квалификацией и безработицей, в результате исследования Фонда Сороса выяснилось, что позиции низкоквалифицированных мусульман значительно хуже, чем позиции низкоквалифицированных немусульман. Таким образом, при оценке положения мусульман должны учитываться дополнительные факторы. Полученные в рамках ОФС данные по 11 городам представлены в *табл. 7* (мусульмане) и *табл. 8* (немусульмане).

Из сравнения двух таблиц, а также на основе остальных материалов, собранных специалистами из Фонда Сороса, можно сделать следующие важные замечания:

— мусульмане в три раза чаще являются безработными, чем немусульмане; среди мусульман 19,8% безработных, в то время как среди немусульман — 6,8%.

— 64,8% мусульман, закончивших университет, занимают профессиональные позиции, среди немусульман эта цифра выше — 85,3%; следовательно, немусульмане в 1,6 раз чаще занимают высокопрофессиональные позиции, при этом распределение профессий среднего и низкого уровней между мусульманами и немусульманами является примерно одинаковым.

— 55,5% мусульманских мужчин задействованы в низкоквалифицированных областях с низкой оплатой.

— немусульмане в 2,3 раза чаще заняты в современных профессиональных областях: 22,4% немусульман в сравнении с 9,9% мусульман.

— из 72,1% работающих мусульманских женщин значительная часть занята в офисной работе (21,4%), в рутинной ручной работе и сфере обслуживания (17,8%), современной профессиональной области (15%), а также в полупрофессиональной работе (12%); лишь 1,8% являются менеджерами среднего звена и лишь 1,3% являются главными менеджерами.

— безработных среди мусульман, рожденных в государстве ЕС, так же много, как и среди мусульман, рожденных за пределами ЕС; при этом безработных среди немусульман, рожденных в ЕС, меньше, чем среди мусульман в целом вне зависимости от места рождения.

Таблица 7.
Квалификация мусульман и их положение на рынке труда [MIE 2010: 278]

	Образование отсутствует	Начальное	Среднее	Высшее	Всего
Безработный	38,5 %	20,9 %	21,1 %	9,6 %	19,8 %
Современные профессии	1	3,5 %	8,9 %	28,8 %	12,4 %
Офисные и вспомогательные	-	4,7 %	19,8 %	13,9 %	14,1 %
Ст. менеджер или администратор	1 %	-	1,8 %	6,4 %	2,6 %
Технологические профессии	13,5 %	7,6 %	7,8 %	5 %	7,6 %
Полурутинная работа, сфера услуг	12,5 %	15,1 %	15,4 %	12,8 %	14,4 %
Рутинная работа, сфера услуг	31,7 %	43,6 %	19,6 %	7,8 %	21,5 %
Сред. или младш. менеджер	1,9 %	4,7 %	4,7 %	5,7 %	4,7 %
Традиционные профессии	-	-	0,9 %	10 %	3 %
Число респондентов	104	172	551	281	1108

Таблица 8.
Квалификация немусульман и их положение на рынке труда [MIE 2010: 279]

	Образование отсутствует	Начальное	Среднее	Высшее	Всего
Безработный	41,7 %	13,8 %	7,1 %	3,1 %	6,8 %
Современные профессии	4,2 %	3,8 %	16,9 %	46,2 %	27,1 %
Офисные и вспомогательные	12,5 %	10 %	18,4 %	14,6 %	16,2 %
Ст. менеджер или администратор	-	1,3 %	1,1 %	8,5 %	3,9 %
Технологические профессии	12,5 %	5 %	13 %	1,2 %	7,8 %
Полу-рутинная работа, сфера услуг	12,5 %	20 %	15,9 %	5 %	11,8 %
Рутинная работа, сфера услуг	8,3 %	37,5 %	20,1 %	5,4 %	15,4 %
Сред. или младш. менеджер	-	7,5 %	5,5 %	5,4 %	5,5 %
Традиционные профессии	8,3 %	1,3 %	2 %	10,6 %	5,4 %
Число респондентов	24	80	561	424	1089

При обсуждении проблемы низкого уровня квалификации мусульман в фокус-группах выяснилось, что молодые люди недостаточно хорошо владеют информацией о доступных профессиях. По мнению самих молодых мусульман, список вакансий, на которые они могли бы претендовать, является очень ограниченным. Один из участников немецкой фокус-группы следующим образом комментирует данную ситуацию: «Согласно официальным данным, в Германии имеются 455 профессий, но девушки ориентируются лишь на 5 профессий, чаще всего это медсестра, продавец или парикмахер. Для парней это число также ограничено» [Berlin 2010: 84]. Некоторыми общественными организациями в Берлине принимаются меры по борьбе с данной проблемой. В частности, такими группами, как KUMULUS, ведется просветительская работа: освещаются доступные профессии и указываются конкретные специализированные учреждения, где можно было бы получить диплом о соответствующем профессиональном образовании.

5.3. Дискриминация. Существуют многочисленные свидетельства того, что некоторую роль в плохом положении этнических и религиозных меньшинств на рынке труда играет дискриминация по этническому и религиозному признаку. Если в случае с иммигрантами, имеющими низкую квалификацию, этот феномен выявить сложнее, то в случае с детьми иммигрантов (второе и третье поколение), которые получили хорошее образование и квалификацию, сделать это проще. Специальное исследование, проведенное Хисом и его коллегами, показывает, что образованные дети иммигрантов, родившиеся в ЕС, значительно чаще сталкиваются с безработицей и реже претендуют на хорошие вакансии, чем коренные жители; по мнению авторов, главной причиной является этнический барьер, «в наименее благоприятном положении находятся представители второго поколения турок (Бельгия, Германия и Нидерланды), марокканцев (Бельгия, Франция и Нидерланды), пакистанцев (Великобритания) и суринамцев (Нидерланды)» [Heath et al. 2008: 218].

Наряду с дискриминацией по этническому признаку, отмечены также формы дискриминации по религиозному признаку. Кларк и Дринватер обнаружили «свидетельства более низкого уровня занятости среди мусульман в сравнении с представителями других религий или вообще нерелигиозных людей» [Clarke, Drinkwater 2007: 48]. В другом исследовании отмечается, что «именно религиозность, а не этничность, связана с неблагоприятным положением на рын-

ке труда... При рассмотрении различных религиозных групп внутри этнических меньшинств было обнаружено, что все мусульманские группы находятся в самом неблагоприятном положении с точки зрения занятости, при этом не имеет значения, к какому этническому меньшинству они относятся» [Berthoud, Blekesaune 2007: 76]. Так, например, индийские мусульмане сталкиваются с большими сложностями при трудоустройстве, чем индусы, сикхи или христиане; аналогичным образом пакистанцы и бенгальцы испытывают большие трудности, чем североафриканские христиане. Единственным правдоподобным объяснением данной ситуации является предубеждение работодателей против ислама.

Один из примечательных фактов заключается в том, что при рассмотрении анкеты работодатель обращает внимание на имя соискателя. Эксперименты, проводившиеся еще в 2000 году в Бельгии, Германии и Нидерландах, показали, что шанс получить положительный отзыв (при прочих равных условиях) значительно выше у соискателей с европейскими именами [Zegers de Beijl 2000]. Согласно данным из Франции, выходцы из стран Магриба имеют в 5 раз меньше шансов получить работу, чем французы. В Дании вероятность получения работы колеблется в зависимости от имени: использование турецкого, арабского или пакистанского имени в анкете может иногда способствовать понижению шансов в 32 раза. Участник фокус-группы из Лестера вспомнил ситуацию, при которой ему пришлось повторно проходить собеседование с вымышленным именем, после того, как ему отказали на первом собеседовании, где он использовал свое реальное имя. Как показывают дискуссии в фокус-группах, подобные ситуации нередки.

Интересна оценка уровня дискриминации на рынке труда самими этническими и религиозными меньшинствами. Сложно спрогнозировать точность подобных отчетов, поскольку респонденты могут как преувеличивать, так и недооценивать уровень дискриминации; тем не менее, это один из важных источников для оценки данного параметра. Согласно материалам ОФС из Антверпена, при поиске работы каждый десятый марокканец и турок часто испытывает дискриминацию; при этом 33% марокканцев и 20% турок испытывают дискриминацию «время от времени». Последняя общеевропейская информация по этой проблеме представлена Евробарометром в 2012 году: по мнению 23% опрошенных европейцев (как мусульман, так и немусульман), демонстрация религиозной при-

надлежности на собеседовании существенно снижает шансы на получение работы¹³. Показатель немного уменьшился в сравнении с предыдущими годами. Несмотря на сравнительно небольшие показатели, стоит отметить, что данные по разным странам сильно отличаются: самый высокий процент был получен в Швеции — 61%, далее идут Дания — 51%, Нидерланды — 50%, Бельгия — 48%, Германия — 42%, Франция — 34% [Eurobarometer 2012]; при этом 35% опрошенных менеджеров сказали, что у соискателя значительно снизились бы шансы на получение работы, если бы он упомянул о своей религиозной принадлежности.

Выявление причин дискриминации представляет сложность, что отмечено специалистами Фонда Сороса, которые, комментируя результаты собственных опросов, пишут: «При интерпретации результатов необходимо помнить, что природа дискриминации, с которой сталкиваются мусульмане, специфична; границы между такими характеристиками как этническая идентичность, религия и пол менее точны и стабильны, чем может показаться на первый взгляд. Определить главную причину дискриминации зачастую невозможно, когда человек обладает несколькими признаками, которые могут сделать его объектом дискриминации» [MIE 2010: 125]. Приведем яркое описание, которое хорошо иллюстрирует данный тезис; его сделал один из марсельских респондентов: «Я сталкивался с очень сложными ситуациями. У меня были собеседования по телефону с фирмами, и они проходили очень хорошо. Когда я приходил в офис, выражение лица их представителей менялось. Меня зовут Мусса Саид, у меня арабское имя — и это первая проблема. Я прихожу: оказывается, я черный — и это уже вторая проблема. «К тому же, он еще и мусульманин, и он живет в бедном районе. Мы больше не можем этого терпеть», — так они рассуждают. Я встретил столько преград при поиске работы, что я пообещал себе: когда какая-нибудь организация возьмет меня, я добьюсь самых вершин в ней. Я столько натерпелся, что если будет нужно, я буду работать 65 часов вместо 35, чтобы показать себя своим коллегам. Я это сделаю!» [Marseille 2010: 128]. В наибольшей степени проблема синхронной дискриминации по нескольким признакам затрагивает мусульманских женщин, носящих хиджаб. Эта тема подробно освещена в СМИ и многочисленных исследованиях,

поэтому мы не будем на ней специально останавливаться. Отметим только, что дресс-код, требующий отказа от ношения хиджаба, сейчас стал мейнстримом на европейском рынке труда, что, безусловно, оказывает влияние на уровень экономической активности мусульманских женщин.

5.4. Стимулирование экономической активности. Учитывая сложное положение мусульман на рынке труда, можно сказать, что они нуждаются в особой поддержке со стороны общественных организаций и муниципальных властей. Во всех исследованных городах предпринимаются меры для поднятия экономической активности этнических и религиозных меньшинств. Например, сюда входят меры по повышению доступности рабочих мест для выпускников. В Амстердаме между школами и бизнесом налажена тесная связь. В Марселе аналогичную функцию выполняет проект «Вызов молодежи». В этом городе также развивается проект «Школы, дающие второй шанс»: создаются школы, набирающие людей, которые не смогли получить диплом с первой попытки; в этой инициативе задействованы также 1700 организаций, которые берут старшеклассников к себе на стажировку. Специальные инструктора сопровождают стажеров и следят за их работой; каждый студент находится под надзором супервайзера и с каждым ведутся индивидуальные занятия. Главной задачей проекта является предоставление для иммигрантов опыта непосредственной работы. Из 1600 стажеров, закончивших обучение в период с 1998 по 2006 года, около 66% смогли устроиться на высококвалифицированную работу.

Предпринимаются специальные инициативы и в отношении мусульманского сообщества. В Берлине имамы, которые играют ключевую роль в мусульманском сообществе, обучаются в организации KUMULUS, где их консультируют по поводу образования и вакансий, доступных для молодых мусульман. В Лестере сотрудники агентства Джоб Центр Плюс активно сотрудничают с мечетями и культурными центрами, предоставляя им информацию о рынке труда. Муниципальные власти, которые также могут являться работодателями, принимают активное участие в поддержке иммигрантов. В Берлине была запущена кампания «Берлин нуждается в тебе» («Berlin braucht dich»), в рамках которой привлекаются представители этнических меньшинств для выполнения административной работы; организаторы кампании тесно контактируют с религиозными лидерами, мечетями и культурными центрами. В Гамбурге запущена программа «Мы из Гамбурга! Ты с нами?»

¹³ По мнению 39% опрошенных, этническая принадлежность также является неблагоприятным фактором.

(«Wir sind Hamburg — Bist Du dabei?»), задача которой заключается в привлечении на рынок труда молодых людей иммигрантского происхождения. Таким образом, можно сказать, что ведется большая работа по вовлечению представителей этнических и религиозных меньшинств, и — что самое главное — она ведется сразу по нескольким независимым направлениям.

5.5. Выводы. Уровень активности на рынке труда среди мусульманских меньшинств ниже среднего. Безработица в их среде в несколько раз выше, чем средняя по стране. Также имеются свидетельства, что меньшинства более чувствительны к экономическим кризисам. Еще одной проблемой является низкая оплата труда иммигрантов, именно низкая оплата труда выступает главной причиной бедности этнорелигиозных меньшинств. Мусульмане в целом отличаются низким уровнем квалификации, что обуславливает их задействованность на неквалифицированных работах. Они сталкиваются с многочисленными видами дискриминации на рынке труда: прежде всего, это дискриминация на этнической почве, но сама по себе принадлежность к исламу также значительно снижает шансы на получение работы. Мусульманские женщины страдают от распространенных дресс-кодов, что способствует снижению их экономической активности, которая и без того является низкой. Несмотря на сложную ситуацию, на всех уровнях действуют инициативы по активизации этнорелигиозных меньшинств на рынке труда и по борьбе с дискриминацией. При сравнении современного состояния с ситуацией 10-летней давности можно сказать, что эти инициативы уже дают первые плоды.

6. Жилищные условия и общественная безопасность

6.0. В данном разделе будут рассмотрены жилищные условия мусульманского населения и степень социальной защищенности. Для понимания специфики жилищных условий необходимо проанализировать модели расселения иммигрантов; также имеет важность общее качество жилищных условий и возможные формы дискриминации, с которыми сталкиваются представители этнических и религиозных меньшинств. Отдельно будут рассмотрены предпринимаемые социально-политические меры для создания этнически смешанных районов. С проблемой расселения иммигрантов тесно связан вопрос о социальной защищенности. Чувство безопасности является важным аспектом общественной интеграции. Но мусульмане проживают преимуще-

ственно в неблагополучных районах и риск здесь особенно велик. Для понимания уровня социальной защищенности мусульман в данном разделе будут также рассмотрены отношения этнических меньшинств с полицией и встречающиеся в этой сфере формы дискриминации.

6.1. Модели расселения и сегрегация. Специфическое расселение мусульман в европейских городах — это результат целого комплекса процессов. Изначально мусульмане прибывали в Западную Европу в качестве рабочих мигрантов для выполнения низкоквалифицированного труда. Модели их расселения формировались под влиянием индустриальной структуры принимающего города. С приездом семей встал вопрос о доступности жилья. Модель расселения мусульман, прибывших в статусе беженцев, зависела также от соответствующих государственных программ. В большинстве случаев все эти факторы привели к тому, что этнические и религиозные меньшинства, во-первых, сосредоточены в крупных городах, а во-вторых, формируют отдельные городские районы. Так, в Нидерландах 36% турок и 47% марокканцев живут в четырех крупных городах (Амстердам, Роттердам, Утрехт, Гаага). В Великобритании около 38% мусульман проживают в Лондоне. В Дании 2/3 этнических меньшинств проживают в крупных городах. Несколько выпадает из общей модели Германия, где мусульмане более или менее рассредоточены по стране (точнее, по территории бывшей ФРГ) и не связаны только с крупными городами; вероятно, это объясняется структурой немецкой промышленности, которая также распределена между небольшими и средними городами. Исследование показало, что в больших и средних городах из 1810 районов только в 11 доля турок превышает 20%, при этом в 121 районе их доля составляет 10–20%; отсюда следует, что в подавляющем большинстве районов показатель ниже 10% [Schonwalder, Sohn 2009: 1446].

Одной из главных проблем в жилищной сфере остается сравнительно высокий уровень сегрегации, и вообще концентрация меньшинств в малоимущих округах. Тип района, в котором проживает человек, оказывает влияние на его социальную и экономическую интеграцию: отсутствие связей, необходимых для поиска работы, вовлечение молодых людей в преступную деятельность, отрицательная репутация бедных районов среди работодателей — все эти факторы способствуют снижению экономической активности. Из материалов ОФС следует, что значительная часть мусульманского населения проживает в малоиму-

Таблица 9.
Степень этнического и религиозного многообразия [MIE 2010: 133]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
В основном родственники	4,2%	2,7%	3,5%
В основном люди того же этноса и той же религии	16%	5,2%	10,7%
В основном люди той же религии, но другой национальности	9,6%	1,9%	5,8%
В основном людей того же этноса, но другой религии	2,6%	2,3%	2,5%
В основном люди другого этноса и другой религии	11,1%	14,6%	12,8%
Смешение различных этносов и религий	56,4%	73,3%	64,8%
Число респондентов	1109	1088	2197

щих округах. В Великобритании треть мусульман проживают в бедных районах. В Дании половина незападных этнических меньшинств живут в малоимущих округах, при этом 25% живут в бедных районах (в сравнении с 3,6% датчан). Нужно отметить, что существуют и некоторые плюсы проживания в районе с большой концентрацией представителей одного этноса: это помогает сохранить этническую и культурную идентичность, ощущается интегрированность хотя бы в рамках своего меньшинства, имеется возможность положиться на тесные социальные связи, и т.д. Так, в Берлине очень сильна связь иммигрантов с отдельными округами и соответствующей «районной культурой», *Kreuz kultur*. Даже после улучшения социально-экономического статуса наблюдается низкий уровень «эмиграции» из таких районов. В ОФС отмечается следующий положительный момент: очень часто успешно интегрированный во внешнее общество представитель «районной культуры» склонен вкладывать средства в улучшение социально-экономического положения в родном округе.

В европейских странах сегрегация этнорелигиозных меньшинств вызывает беспокойство на муниципальном и государственном уровнях. Голландское правительство считает, что концентрация этнорелигиозных меньшинств в отдельно взятом районе подрывает естественный процесс интеграции: «Концентрация имеет особенно неблагоприятные последствия для интеграции, поскольку она приводит к аккумуляции социальных проблем, которые способствуют становлению неуправляемого состояния... Концентрация также невыгодна, потому что она делает этнические границы более

заметными. Это вредит образу этнических меньшинств... Наконец, концентрация имеет особенно неблагоприятные последствия для взаимодействия и контактов между персонами из разных этнических групп; уменьшение числа контактов с коренными голландцами косвенно влияет на социальные возможности этнических меньшинств» [Bolt et al.: 1360]. В предвыборном манифесте Христианско-демократического союза Германии также выражается беспокойство по этому поводу: «Формирование гетто, развитие параллельных обществ, а также частое умышленное отделение иммигрантской молодежи от немецкого социума, представляют тревожные сигналы, затрагивающие социальный порядок в стране». В Гамбургском плане действий по интеграции (ННАР) подчеркивается, что сегрегация мешает межэтническому и межрелигиозному диалогу, а также создает «параллельные общества». Это только некоторые примеры озбоченности европейских властей проблемой сегрегации. Конкретные меры по борьбе с данной проблемой будут рассмотрены ниже.

6.2. Этническое и религиозное многообразие. Уровень этнического и религиозного многообразия территорий, на которых проживают мусульмане, оценивался исследователями Фонда Сороса на основе нескольких проведенных опросов. Результаты одного из опросов представлены в табл. 9. Данный опрос касается окрестностей (neighbourhood), которые нужно отличать от округов (local area); под «окрестностью» в ОФС понимается непосредственная улица проживания и соседние дома. У респондентов спрашивали об этническом и религиозном многообразии в районе их проживания.

Результаты опроса показывают, что мусульмане почти в два раза чаще живут рядом со своими родственниками (4,2 % vs. 2,7 %). Они более чем в 3 раза чаще проживают в районах с преобладающим этническим или религиозным меньшинством (16 % vs. 5,2 %), а также в 4,5 раза чаще проживают рядом с представителями той же религии (9,6 % vs. 1,9 %). При этом большинство мусульман проживают в окрестностях со смешанным населением (56,4 %). Таким образом, если сравнивать с коренными жителями, то мусульмане чаще проживают в районах доминирования того или иного меньшинства, реже живут в районах со смешанным населением (56,4 % vs. 73,3 %), но в целом значительная часть из них проживает именно в смешанных районах. Отсюда можно заключить, что ситуация с сегрегацией не такая удручающая, какой ее иногда представляют. Сегрегация составляет проблему примерно для четверти мусульманского населения. Стоит отметить, что опросы Фонда Сороса проводились в районах с высоким числом мусульман, что, возможно, также оказало некоторое влияние на результаты.

Один из опросов Фонда Сороса касался степени удовлетворенности районом проживания. Его результаты даны в *табл. 10*. Как мы видим из таблицы, 93 % респондентов высказались положительно о районе проживания и лишь 8 % высказались отрицательно. Мусульмане чуть менее позитивно настроены в отношении своего района, но с точки зрения общей картины различие можно признать несущественным.

Важным выводом, сделанным в рамках ОФС, следует признать то, что мусульмане в целом выступают за этнически смешанные районы и являются противниками сегрегации. При анализе фокус-групп выяснилось, что мусульмане считают этническое и религиозное многообразие залогом сохранения собственной идентичности, а также способом предотвращения дискриминации. Важно, что под «этническим многообразием» здесь подразумевается, прежде всего, проживание рядом с коренными жителями и гражданами принимающей страны. Легко понять, что «этни-

ческое многообразие», которое исключает коренных жителей данной страны, является ничем иным, как более изощренной формой сегрегации. Проживание рядом с коренными жителями подтягивает уровень экономической, социальной, политической активности этнических меньшинств до уровня полноценных граждан данного государства.

В ряде городов проводятся мероприятия по борьбе с сегрегацией. В Копенгагене в рамках муниципальной политики интеграции принимаются меры по повышению уровня занятости среди жителей неблагополучных районов, а также по более широкому предоставлению доступного жилья. В Гамбургском плане действий по интеграции важное место занимает улучшение качества жилья и общей репутации бедных районов; это делается с целью привлечения более состоятельных семей и формирования «сбалансированных округов». Авторы ОФС следующим образом характеризуют подобные программы: «Программы включают снос, улучшение или продажу муниципального и арендуемого жилья, а также конструкцию нового дорогого жилья для собственников. Данные усилия приводят к большей вариативности в размерах жилья, в его форме, качестве, цене; они также приводят к увеличению числа собственников в границах определенного района»; но при этом отмечается, что «изменение состава жителей и, следовательно, изменение этнических характеристик района не обязательно ведет к более позитивным взаимодействиям. Причиной этому служат базовые различия между жильцами, включающие образ жизни, доход, возраст, образование и состав семьи. Социальное смешение, в действительности, может вести к формам негативного взаимодействия, то есть к конфликтам» [MIE 2010: 148–149]. В другой работе делаются похожие выводы: «Существующие исследования, касающиеся стигматизирования многообразия, не подтверждают оптимизма по поводу социального взаимодействия между этническими группами, не говоря уже о возможностях для социальной мобильности».

Таблица 10.
Удовлетворенность районом проживания [MIE 2010: 146]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью доволен	50 %	60 %	55 %
До некоторой степени	40 %	34 %	37 %
Недоволен	9,9 %	6 %	8 %
Число респондентов	1107	1085	2192

ти, которые должны возникнуть из этого. Более того, идея о том, что люди с более высоким социальным статусом могут играть позитивную роль образца для подражания, является слишком высокомерной, и она базируется на безосновательных допущениях по поводу ценностных различий между этническими и социально-экономическими категориями» [Bolt et al. 2008]. Наконец, исследование конкретной инициативы, предпринятой в округе Трансвааль в Амстердаме, показало, что результаты подобных проектов далеки от ожидаемых: «Дифференциация привела к принудительному совместному проживанию благополучных голландцев и малоимущих иммигрантов. Новоприбывшие попытались установить тесные контакты с другими жителями на улице, но, несмотря на многие инициативы, взаимодействия среди жителей, как правило, ограничивались соседскими контактами. Новоприбывшие стали вести себя замкнуто после того, как увидели, что контакты с жителями других этнических групп представляют сложность и что многие инициативы не приводят к результату» [Smets, den Uyl 2008: 1456].

Как показано авторами ОФС, в фокус-группах преобладает мнение о том, что мероприятия по борьбе с сегрегацией фактически ведут к вытеснению этнических меньшинств. Так, в Берлине отмечена озабоченность респондентов тем, что имеет место процесс джентрификации, который способствует вытеснению арендаторов более состоятельными собственниками. Один из респондентов заметил: «Поскольку многие люди в этом округе проживают в условиях бедности, важно, чтобы общественная поддержка через дешевую аренду не сокращалась, но наоборот расширялась для борьбы с джентрификацией и предупреждения социальной маргинализации и сегрегации» [Berlin 2010: 110]. В Гамбурге также распространено мнение о том, что органы местной власти обеспечивают повышение ренты, чтобы вытеснить мигрантов с рынка муниципального жилья и ввести туда коренных немцев. Однако в некоторых фокус-группах высказывались и более позитивные оценки новых муниципальных проектов. Например, в Антверпене было отмечено, что эти программы привели к реальным изменениям в этническом составе округов. Таким образом, предпринимаемые муниципальные мероприятия по борьбе с сегрегацией являются, по меньшей мере, неоднозначными, и они еще требуют усовершенствования.

6.3. Условия проживания и доступность жилья. Общая тенденция заключается в том, что

мусульмане проживают в плохих жилищных условиях (перенаселенность, низкая оснащенность, плохое расположение), платят более высокую ренту и испытывают разнообразные формы дискриминации. Однако в рамках ОФС показано, что все это не способствует созданию радикального разрыва между мусульманами и коренными гражданами. Так, в результате опроса, касающегося формы владения жильем, выяснилось, что, в сравнении с коренными жителями, мусульмане несколько реже имеют собственное жилье (18% vs. 24%), но примерно в таком же количестве выступают арендаторами жилья. По целому ряду иных критериев результаты также являются сопоставимыми (см. *табл. 11*)¹⁴.

Другой опрос касался степени удовлетворенности муниципальным жильем. Результаты даны в *табл. 12*.

Результаты показывают, что мусульмане в целом чаще довольны муниципальным жильем, чем немусульмане; однако общий уровень неудовлетворенности довольно высок, и он сопоставим с общим уровнем удовлетворенности (27% vs. 31%). Данные выводы соответствуют результатам целого ряда общеевропейских исследований по жилищному вопросу. Так, из «Обзора восприятия качества жизни» 2007 года, подготовленного Европейской комиссией и затрагивающего 75 европейских городов, следует, что в Париже, Стокгольме, Марселе, Лондоне, Амстердаме, Гамбурге, Антверпене и Роттердаме более 70% жителей считают невозможным найти доступное и хорошее жилье. Сложное положение на рынке жилья отмечено также в отчетах Фонда Сороса по отдельным городам.

Мусульмане сталкиваются с разнообразными формами дискриминации на рынке жилья. Согласно материалам ОФС, с дискриминацией в этой области за последние 12 месяцев хотя бы раз столкнулись 7,4% мусульман, что в 6,5 раз больше показателя среди немусульман. При этом национальность мусульманина и место его рождения не влияют на показатели, так что можно заключить, что мы имеем дело с дискриминацией именно по религиозному признаку. Наиболее распространенной формой дискриминации, согласно данным из фокус-групп, является отказ в сдаче жилья после того, как стало известно, что потенциальный арендатор имеет арабское имя или является представителем иной расы. Респонденты приводили следую-

¹⁴ Стоит отметить, что материалы Фонда Сороса являются более позитивными, чем официальная статистика и результаты других исследований.

щие примеры: «Собственник жилья увидел меня и сразу сделал замечания о терроризме и насилии», «Мне было отказано в съеме жилья из-за того, что моя жена была в хиджабе», «Собственник спросил меня об исповедуемой религии и затем стал придумывать отговорки» и т.д. Материалы ОФС согласуются с другими исследованиями. Так, согласно опросу Центра турецких исследований в Германии, 15% турок регулярно сталкиваются с дискриминацией на рынке жилья. В результате опроса датских этнических меньшинств выяснилось, что 27% респондентов сталкивались с дискриминацией в этой области. Существование дискриминации в Дании также отмечалось в исследовании Европейской комиссии по расизму и нетерпимости.

6.4. Преступность и доверие к полиции. Как известно, низкий уровень социальной защищенности ведет к постоянному страху и стремлению удалиться от общественной жизни; это вдвойне применимо к уязвимым социальным группам, сформированным по этническому, религиозному или иному признаку, слабая защищенность кото-

рых ведет к сплочению и, в конечном счете, к сегрегации. Следовательно, на пути к интеграции важно обеспечить полную защищенность потенциально уязвимых групп. Как следует из ОФС, в данный момент европейские власти более или менее справляются с этим. Из всех опрошенных около 15% респондентов были жертвами преступлений в течение последнего года; при этом немусульманские респонденты почти в два раза чаще (20%) являлись жертвами преступлений, чем мусульманские респонденты (11%). Около 23% из тех мусульман, которые были жертвами насилия, интерпретировали это как «преступление на почве ненависти (расовой, религиозной и др.)»; то же самое относится к 17% немусульман. Однако более значительное различие обнаруживается в том, сколько людей обратились в полицию по поводу такого рода преступлений: среди немусульман это 59%, а среди мусульман — лишь 36%. Можно сделать вывод, что требуются улучшения в методах фиксации преступлений на почве ненависти, и в связи с этим уже были предпри-

Таблица 11.
Статус жилья [MIE 2010: 140]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Собственность	8,3%	11,5%	9,9%
Собственность (ипотека)	9,7%	12,4%	11,1%
Частичная рента, частичная ипотека.	1,7%	1,1%	1,4%
Аренда муниципального жилья	36,8%	26,5%	31,7%
Аренда частного жилья	19,9%	29,3%	24,6%
Проживание с родственниками	20,4%	11,8%	16,1%
Бесплатное жилье	1,4%	1,7%	1,5%
Сквоттинг	0,1%	0,5%	0,3%
Другое	1,8%	5,2%	3,5%
Число респондентов	1110	1088	2198

Таблица 12.
Удовлетворенность муниципальным жильем [MIE 2010: 141]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень доволен	6,6%	3,9%	5,2%
В целом доволен	27,7%	23,9%	25,8%
Нейтральное отношение	18,2%	14,6%	16,4%
В целом недоволен	17,4%	16,5%	17%
Крайне недоволен	10,8%	9,2%	10%
Не знаю	19,2%	31,9%	25,5%
Число респондентов	1107	1087	2194

Таблица 13.
Уровень доверия к полиции [MIE 2010: 171]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Высокий	14,1 %	12,9 %	13,5 %
Довольно высокий	41,3 %	47,2 %	44,2 %
Недостаточный	33,7 %	28,5 %	31,1 %
Отсутствие доверия	8,6 %	9,6 %	9,1 %
Не знаю	2,3 %	1,9 %	2,1 %
Число респондентов	1109	1088	2197

няты некоторые инициативы. Так, в Копенгагене городской совет создал веб-сайт, посвященный преступлениям на почве ненависти; на этом сайте члены этнических, религиозных и др. меньшинств могут регистрировать подобные происшествия. Аналогичные меры были предприняты и в ряде других городов.

Уровень доверия к полиции зависит от целой совокупности факторов. Анализ материалов Европейского социального обзора (European Social Survey) показывает, что уровень доверия варьируется в различных европейских странах, и в целом «взрослые люди, по-видимому, больше доверяют полиции, чем молодежь, и женщины больше доверяют полиции, чем мужчины; работающие дома люди больше доверяют полиции, чем занятые в других областях, а безработные доверяют меньше, чем имеющие работу» [Kaariainen 2007: 424]. Что касается этнических и религиозных меньшинств, то здесь ситуация довольно благоприятная. Как правило, их представители доверяют полиции либо на том же уровне, что и рядовые граждане, либо даже в большей степени. Результаты опроса Фонда Сороса по данной тематике даны в табл. 13.

Как видно из результатов, уровень доверия к полиции среди мусульман и немусульман явля-

ется примерно одинаковым (55,4 % vs. 60,1 %); то же самое можно сказать и о степени недоверия к полиции (10,9 % vs. 11,5 %). В опросах Фонда Сороса также получила подтверждение тенденция, отмеченная в других исследованиях: женщины больше доверяют полиции, чем мужчины, а безработные доверяют меньше, чем имеющие работу. При этом нет существенной разницы между мусульманским и немусульманским населением. Интересно, что в некоторых городах уровень доверия к полиции среди мусульман оказался значительно выше, чем среди немусульман. При обсуждении данной проблемы в фокус-группе Гамбурга выяснилось, что большее доверие к полиции со стороны иммигрантов связано с тем, что иммигранты имеют отрицательный опыт контакта с полицией в родной стране, и при сравнении этого опыта с тем, что они получили в Германии, действия немецкой полиции, разумеется, оцениваются ими как заслуживающие доверия. Мусульманский респондент комментирует ситуацию следующим образом: «Большинство имеют мигрантское происхождение и в их родной стране они, на самом деле, не испытывали доверия к полиции. Поэтому у них формируется позитивное отношение к немецким полицейским». Этот вывод согласуется с результатами, согласно кото-

Таблица 14.
Удовлетворенность действиями полиции [MIE 2010: 173]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень доволен	7,4 %	5,5 %	6,5 %
В целом доволен	35,3 %	33,2 %	34,3 %
Нейтральное отношение	23,5 %	27,1 %	25,3 %
В целом недоволен	18,7 %	17 %	17,8 %
Крайне недоволен	11,4 %	11,6 %	11,5 %
Не знаю	3,7 %	5,6 %	4,6 %
Число респондентов	1109	1089	2198

рым мусульмане, родившиеся за рубежом, доверяют полиции больше, чем мусульмане, родившиеся в данной стране (15% vs. 11%). В дополнение к предшествующему опросу приведем также опрос, посвященный удовлетворенности действиями полиции (см. табл. 14). Как можно видеть, мусульманские респонденты здесь тоже демонстрируют довольно высокие результаты.

6.5. Этническое и религиозное профилирование. Высокая степень доверия к полиции и высокая удовлетворенность деятельностью полиции со стороны мусульман вовсе не означает, что полиция относится одинаково к представителям разных этносов и конфессий. Дискриминация в данной области является одной из важных общеевропейских проблем. Для обозначения дискриминации со стороны властных структур часто используется понятие «этнического профилирования» (или «религиозного профилирования»). В данном случае под «профилированием» понимается использование в отношении определенной группы лиц принудительных мер, которые базируются не на объективной характеристике ситуации, а на распространенных предрассудках и обобщениях, опирающихся на этнический, религиозный или иной фактор. Чаще всего этнорелигиозное профилирование применяется офицерами полиции, когда они решают, кого остановить на улице, у кого спросить документы, кого обыскать и кого арестовать. Оно может являться как результатом расистских взглядов одного индивидуума, так и общей институциональной тенденцией, характеризующей полицию. Европейская ситуация больше подходит под вторую характеристику. Помимо материалов ОФС, по данной проблеме имеется также подробное исследование Фонда Сороса за 2009 год [Ethnic Profiling 2009].

В результате работы с фокус-группами выяснилось, что почти 10% респондентов подвергались дискриминации со стороны полиции. Из них примерно треть были жителями Антверпена или Берлина (17% и 13% соответственно); наименьшая доля приходится на Лестер (3%). При этом мужчины подвергались дискриминации в два раза чаще, чем женщины. Другой важный вывод, полученный исследователями из Фонда Сороса, заключается в том, что этнорелигиозное профилирование не является ответной реакцией на события 11 сентября или другие теракты. Свидетельства ясно говорят о том, что полиция была вовлечена в этнорелигиозное профилирование задолго до того, как появилось ощущение террористической угрозы со стороны мусульман. Однако после 11 сентября 2001 года степень дискриминации

в данной области стала расти значительными темпами. В Британии азиаты в 3 раза чаще стали подвергаться расспросам и обыскам после 2001 года и в 5 раз чаще — после лондонских терактов 2005 года. В Германии активно проводится массовая проверка этнических меньшинств во всех местах, исключая территории крупных мечетей. Во Франции и Италии за последние годы отмечен значительный рост проверочных рейдов в мечети (чаще всего, они не имеют под собой оснований). Стоит также отметить специальное исследование, посвященное полицейским проверкам в Париже, которое было проведено в 2009 году специалистами из Фонда Сороса [Profiling Minorities 2009]; при тщательном изучении более 500 полицейских проверок выяснилось, что подавляющее большинство из них основаны на внешнем виде человека, а не на его поведении или действиях; темнокожие останавливались в 6 раз чаще белых французов, а люди с арабской внешностью — в 7,6 раз чаще.

Таким образом, современную ситуацию в данной области можно охарактеризовать как «истерию по поводу ислама». Не удивительно, что молодые участники фокус-групп настойчиво подчеркивали эту проблему в дискуссиях. Как афористично высказался молодой респондент из Антверпена, «если ты мусульманин, то ты виновен, пока не доказано обратное» [Antwerp 2011: 104]. Приведем также яркий пример, описанный гамбургской респонденткой: «Мой брат только заканчивал гимназию, и ему было 18 или 19 лет. Он носил бороду. Как-то раз он шел по подземному переходу вместе со своими одноклассниками и нес рюкзак, набитый книгами. Контролеры спросили его имя, поскольку он забыл паспорт. Другие ребята подтвердили, что его зовут именно так. Мой брат понял, что контролеры с беспокойством смотрят на его рюкзак. В тот момент, когда он открыл рюкзак, они испугались и отпрыгнули в сторону. Мой брат показал им книги, но они не поверили и отвели его в полицейский участок. Он подвергся оскорблениям из-за террористических атак 11 сентября, а также из-за его бороды и цвета кожи» [MIE 2010: 182].

6.6. Выводы. Одной из важных проблем в жилищной сфере остается сравнительно высокий уровень сегрегации этнорелигиозных меньшинств. Мусульмане в 3 раза чаще проживают в районах с доминирующим этническим или религиозным меньшинством; они в 4,5 раза чаще проживают рядом с представителями той же религии, но при этом большинство из них (56,4%) все-таки живут в окрестностях со смешанным населением. Другой проблемой является бедность мусуль-

Таблица 15.

Насколько сильным является ваше ощущение принадлежности к району? [МІЕ 2010: 70]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень сильное	28,1 %	27,8 %	27,9 %
Довольно сильное	42,5 %	44 %	43,3 %
Не особо сильное	19,7 %	20,4 %	20,1 %
Слабое	7,3 %	6 %	6,6 %
Не знаю	2,3 %	1,8 %	2,1 %
Число респондентов	1110	1088	2198

Таблица 16.

Насколько сильным является ваше ощущение принадлежности к городу? [МІЕ 2010: 71]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень сильное	29,9 %	36,6 %	33,2 %
Довольно сильное	42,3 %	39,7 %	41 %
Не особо сильное	19 %	18,7 %	18,8 %
Слабое	6,7 %	4 %	5,3 %
Не знаю	2,1 %	1,1 %	1,6 %
Число респондентов	1110	1087	2197

Таблица 17.

Насколько сильным является ваше ощущение принадлежности к стране? [МІЕ 2010: 72]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень сильное	24,4 %	35,9 %	30,1 %
Довольно сильное	36,9 %	35,6 %	36,3 %
Не особо сильное	25,1 %	20,4 %	22,8 %
Слабое	10,1 %	6,4 %	8,3 %
Не знаю	3,4 %	1,7 %	2,5 %
Число респондентов	1110	1088	2198

Таблица 18 а.

Ощущаете ли вы себя британцем / французом / и т. д.? [МІЕ 2010: 73]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	49 %	77,1 %	63 %
Нет	51 %	22,9 %	37 %
Число респондентов	1105	1087	2192

Таблица 18 б.

Считают ли жители этой страны вас британцем / французом / и т. д.? [МІЕ 2010: 73]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	24,5 %	74,8 %	49,5 %
Нет	75,5 %	25,2 %	50,5 %
Число респондентов	1101	1084	2185

манских районов, она оказывает негативное влияние на интеграцию меньшинств. Несмотря на это, подавляющее большинство опрошенных мусульман (90%) довольны районом проживания. При этом мусульмане выступают за этнически смешанные районы и являются противниками сегрегации; этническое и религиозное многообразие они видят залогом сохранения собственной идентичности и успешной интеграции. Проводимые на муниципальном уровне мероприятия по борьбе с сегрегацией являются неоднозначными, и они требуют улучшения. Стоит также отметить, что мусульмане в 6,5 раз чаще сталкиваются с разнообразными формами дискриминации на рынке жилья.

В данный момент европейские власти справляются с обеспечением безопасности этнорелигиозных меньшинств. Однако требуются улучшения в методах фиксации преступлений на почве ненависти. Представители меньшинств проявляют высокую степень доверия по отношению к полиции; в некоторых городах этот показатель оказался значительно выше среди мусульман, чем среди немусульман. Мусульмане также в целом удовлетворены действиями полиции. Тем не менее отмечаются факты дискриминации на этнической и религиозной почве — этнорелигиозное профилирование. Ситуацию, сформировавшуюся после событий 11 сентября 2001 года и ряда европейских терактов, можно охарактеризовать как «истерию по поводу ислама». Ситуация в данной области требует улучшения.

7. Самоидентификация и социальное положение.

7.0. В данном разделе мы коснемся таких важных тем, как самоидентификация мусульман (чувство принадлежности к району, городу, государству и культуре), сплоченность и взаимодействие жителей района, политическая активность мусульман и их репрезентация в СМИ. Все эти темы напрямую связаны с проблематикой интеграции.

7.1. Ощущение принадлежности. В рамках ОФС подробно исследовано ощущение принадлежности мусульман к тому или иному региону (район, город, страна и др.), а также связь мусульман с европейской культурой. В *табл. 15* даны результаты опроса, касающегося ощущения принадлежности мусульман и немусульман к району проживания. Как можно видеть, ощущение принадлежности к району является довольно высоким, и оно не зависит от религии.

В Таблице 16 представлены данные по принадлежности к городу проживания. Результаты

мусульман сопоставимы с теми, которые касаются района проживания; в противоположность этому, немусульмане сильнее ассоциируют себя с городом, чем с районом проживания.

Когда мы обращаемся к проблеме государственной принадлежности, то возникает более сложная картина. Результаты соответствующего опроса даны в *табл. 17*. Как мы видим, большинство мусульман (61,3%) и немусульман (73%) устойчиво ассоциируют себя с государством проживания. Немусульмане склонны подчеркивать «очень сильную» принадлежность (36% vs. 24%), а немусульмане чаще, чем мусульмане, подчеркивают «не особо сильную» и «слабую» принадлежность (36% vs. 27%). Из анализа материалов по отдельным городам становится ясно, что мусульмане в целом ощущают принадлежность к району и городу сильнее, чем принадлежность к государству; немусульмане же сильнее ощущают принадлежность к государству, чем принадлежность к району или городу.

Важное открытие исследователей из Фонда Сороса заключается в том, что необходимо различать государственную (или гражданскую) принадлежность и принадлежность к культуре страны. Это различие иллюстрируется следующим высказыванием одного из мусульманских респондентов: «Чтобы ощущать себя немцем, нужно быть этническим немцем, поэтому я не могу ощущать себя немцем, я — гражданин Германии». В отличие от гражданской принадлежности, культурная принадлежность подразумевает самоидентификацию в качестве «немца», «британца», «француза» и т.д. В *табл. 18 (а)* представлены результаты опроса по культурной принадлежности. Очевидно, число мусульман, идентифицирующих себя с культурой данной страны, существенно меньше, чем число немусульман (49% vs. 77,1%). При этом, как следует из *табл. 18 (б)*, подавляющее большинство мусульман убеждены в том, что другие носители данной культуры не считают их частью своей культуры. Участник фокус-группы из Лестера комментирует свое убеждение следующим образом: «Нет, они не видят в нас британцев. Но это еще не все: даже дети наших детей не будут для них британцами, и неважно, сколько пройдет поколений; мне страшно из-за того, что они никогда не будут видеть в нас британцев... Мне иногда кажется, что, проявляя толерантность к нам, они еще больше отдаляются от того, чтобы принять нас, ведь между толерантностью и полным принятием имеется существенное различие» [Leicester 2010: 43].

Таблица 19.

Жители этого района охотно помогают друг другу? [МІЕ 2010: 243]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью согласен	14,5 %	14,7 %	14,6 %
Согласен	59,4 %	59,3 %	59,3 %
Не согласен	16,1 %	14,3 %	15,2 %
Полностью не согласен	4,4 %	2,7 %	3,5 %
Не знаю	5,6 %	9 %	7,3 %
Число респондентов	1110	1089	2199

Таблица 20.

Жители этого района, имеющие разное происхождение, хорошо уживаются друг с другом? [МІЕ 2010: 61]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью согласен	13,3 %	11,4 %	12,3 %
Согласен	55,7 %	55,3 %	55,5 %
Не согласен	18,1 %	19 %	18,6 %
Полностью не согласен	3,6 %	4,0 %	3,8 %
Не знаю	7,9 %	8,6 %	8,3 %
Число респондентов	1109	1089	2198

Таблица 21.

Кому можно доверять в районе проживания? [МІЕ 2010: 63]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Большинству людей	21,4 %	35,8 %	28,5 %
Некоторым людям	45,9 %	44 %	45 %
Близким знакомым	26,3 %	17,4 %	21,9 %
Никому	6,4 %	2,7 %	4,6 %
Число респондентов	1093	1072	2165

Таблица 22.

Жители этого района придерживаются единых ценностей? [МІЕ 2010: 67]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью согласен	4 %	3,1 %	3,6 %
Согласен	34,8 %	25 %	29,9 %
Не согласен	39,3 %	41,8 %	40,6 %
Полностью не согласен	10,6 %	13,4 %	12 %
Не знаю	11,4 %	16,6 %	14 %
Число респондентов	1109	1088	2197

Несмотря на общие низкие результаты, имеет место широкое варьирование по отдельным городам. Города с наибольшим числом мусульман, считающих себя частью местной культуры, — это Лестер (82%), Лондон (72%), Амстердам (59%), Марсель (58%), Антверпен (55%); самые низкие показатели — в Гамбурге (22%) и Берлине (25%). Таким образом, самый высокий уровень принадлежности к местной культуре отмечен в Британии, а самый низкий — в Германии (что, вероятно, объясняется традиционно сильной связью турок с их родиной). Как показано в ОФС, имеется строгая корреляция между уровнем образования, наличием работы и ощущением культурной принадлежности, при этом, однако, степень религиозности (активная практика, внешние атрибуты и т. д.) не влияет на ощущение культурной принадлежности. Из этого можно заключить, что религиозность сама по себе не препятствует формированию культурной идентичности на местной основе. По мнению респондентов, барьеры создаются в основном из-за языка, этничности и иммигрантского бэкграунда.

7.2. Сплоченность. Сотрудниками Фонда Сороса была изучена специфика совместного проживания в районах со смешанным населением, а также в районах с доминирующими этническими меньшинствами. Были проведены опросы по таким темам, как желание помогать друг другу, наличие конфликтов, уровень доверия, общие ценности и др. Результаты в целом оказались неоднозначными: существуют как позитивные тенденции, говорящие о высокой степени социальной сплоченности, так и негативные показатели, говорящие о необходимости дальнейшего развития в данной сфере.

Самые позитивные результаты были получены в опросах о взаимопомощи и качестве совместной жизни. Результаты первого опроса даны в *табл. 19*, а результаты второго — в *табл. 20*. Мы видим, что подавляющее большинство мусульман и немусульман согласны с тем, что люди из одной окрестности охотно помогают друг другу (73,9% vs. 74%) и что люди из одной окрестности хорошо уживаются друг с другом (69% vs. 66,7%). Важно, что здесь нет существенного различия между результатами мусульман и немусульман. Это говорит, с одной стороны, об удовлетворенности мусульман жизнью в районе, а с другой стороны — о высокой степени участия. Стоит, однако, отметить, что, согласно результатам другого опроса, респонденты менее склонны считать, что жители их района связаны тесными узами друг с другом (45,8% — согласны, 43,2% — не согласны).

Уровень доверия к соседям в целом довольно высок. Результаты опроса по этой теме даны в *табл. 21*. Около 73,5% респондентов считают, что жителям их района можно доверять. При этом немусульмане значительно чаще считают, что большинству жителей района можно доверять, чем мусульмане (35,8% vs. 21,4%); в свою очередь, мусульмане чаще считают, что следует доверять малому числу людей или вообще не доверять никому (32,7% vs. 20,1%). Полученные результаты согласуются с другими материалами, в частности с докладом, подготовленным Министерством внутренних дел Великобритании; согласно этому докладу, мусульмане значительно меньше доверяют жителям района, чем рядовые граждане [Kitchen et al. 2005]. Ответы мусульман не зависят от пола и места рождения, но зависят от возраста: взрослые люди в 2,5 раза чаще склонны доверять окружающим, чем молодые мусульмане. Ответы мусульман также зависят от этнического и религиозного состава населения: чем больше людей того же этноса и той же религии проживают в данном районе, тем больше доверие мусульман к окружающим людям; то же самое характерно и для немусульман. Таким образом, в обеих группах наименьшее доверие выражено к районам со смешанным населением. Стоит также отметить, что уровень доверия к соседям значительно различается по городам: наибольшие показатели были получены в Амстердаме, Роттердаме, Лестере и Стокгольме; наименьшие — в Марселе и Лондоне.

Фундаментом интеграции в рамках ЕС выступают общие ценности, которые должны разделяться как иммигрантами, так и гражданами принимающего общества. Проблеме общих ценностей были посвящены два опроса. Результаты одного из них даны в *табл. 22*. Как мы видим, большинство респондентов (52,6%) считают, что жители их района не придерживаются единых ценностей; мусульмане больше склонны считать, что у жителей района имеются общие ценности, чем немусульмане (38,8% vs. 28,1%). Несмотря на преобладание скептической точки зрения по отношению к общим ценностям, в другом опросе было показано, что в действительности как мусульмане, так и немусульмане выделяют одни и те же ценности в качестве наиболее значимых для страны их проживания; кроме того, эти ценности соответствуют фундаментальным ценностям ЕС. Респондентов просили выделить четыре ценности, которые, по их мнению, наиболее важны для проживания в стране. Оказалось, что с точки зрения большинства респондентов принципиальное значение име-

Таблица 23.

Самые важные ценности для жизни в этой стране [МІЕ 2010: 68]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Уважение к закону	64,3 %	54 %	1300
Толерантность к людям	37,4 %	49,9 %	956
Свобода слова и выражения	49,5 %	61,5 %	1217
Уважение ко всем религиям	51,6 %	29,1 %	889
Справедливость и честность	28,7 %	36,9 %	719
Знание государственного языка	33 %	31,4 %	707
Уважением ко всем этносам	31,2 %	28,5 %	655
Равенство возможностей	41,3 %	44,1 %	937
Гордость за страну, патриотизм	8,5 %	12,4 %	229
Голосование на выборах	19,2 %	21,4 %	445
Свобода от дискриминации	27,7 %	27,4 %	605
Число респондентов	1110	1085	2195

Таблица 24.

Вы голосовали на последних федеральных выборах? [МІЕ 2010: 190]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	51 %	69,1 %	60 %
Нет	49 %	30,9 %	40 %
Число респондентов	1110	1089	2199

Таблица 25.

Вы голосовали на последних муниципальных выборах? [МІЕ 2010: 190]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	51,2 %	65,8 %	58,4 %
Нет	48,8 %	34,2 %	41,6 %
Число респондентов	1110	1089	2199

Таблица 26.

Уровень доверия к правительству [МІЕ 2010: 198]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Высокий	5,6 %	4,7 %	5,1 %
Довольно высокий	23,6 %	26,4 %	25 %
Недостаточный	37,3 %	41,1 %	39,2 %
Отсутствие доверия	24,1 %	22,1 %	23,1 %
Не знаю	9,4 %	5,7 %	7,6 %
Число респондентов	1109	1089	2198

Таблица 27.

Уровень доверия к парламенту [МІЕ 2010: 197]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Высокий	6 %	5,2 %	5,6 %
Довольно высокий	26,8 %	35,4 %	31,1 %
Недостаточный	38,8 %	38,4 %	38,6 %
Отсутствие доверия	15,3 %	13,4 %	14,4 %
Не знаю	13 %	7,5 %	10,3 %
Число респондентов	1108	1087	2195

ют свобода слова, уважение к закону и равенство возможностей. Интересно, что уважение к вере и толерантность оказались для мусульман более значимыми ценностями, чем для немусульман. Результаты опроса даны в *табл. 23*.

7.3. Политическая активность. Политическая активность, то есть вовлеченность в политическую деятельность и институты, является показателем социальной интеграции. Большое значение здесь имеет ощущение собственной вовлеченности в гражданский процесс, чувство влияния на политические решения местного и общенационального уровня. Между тем, одной из проблем остается ограниченная представленность мусульманского населения на выборах; из семи государств, исследованных Фондом Сороса, в шести право голоса на федеральных выборах принадлежит только гражданам государства. Исключением является Великобритания, где правом голоса обладают граждане британского Содружества, а также Кипра, Мальты и Ирландии. В Бельгии и Дании иммигрантам позволено участвовать в муниципальных выборах. Существующая ситуация предполагает, что значительная часть европейских мусульман не могут принимать участие в федеральных выборах¹⁵. В разных городах отмечена разная доля политически активного мусульманского населения. Более 80% исследованных мусульман Антверпена, Лестера, Роттердама, Стокгольма и Лондона могут принимать участие в федеральных и муниципальных выборах; более 80% мусульман Копенгагена могут принимать участие в муниципальных выборах, но лишь 52% — в федеральных. Низкие показатели были зафиксированы в Париже (41%), Берлине (51%), Гамбурге (57%) и Марселе (66%). В некоторых городах отмечены инициативы по расширению права голоса для мусульман на муниципальных выборах, но они не везде находят поддержку у городских властей.

Чтобы стать полноценным элементом политического процесса, право голоса должно получить реализацию в виде непосредственного участия в голосовании. Показатели явки мусульманских избирателей значительно разнятся по городам. В Амстердаме коренные голландцы гораздо чаще ходят на выборы, чем марокканцы или турки. В Лестере, напротив, самые высокие показатели отмечены среди этнических меньшинств. На избирательную активность

мусульманского населения может влиять дискурс исламских духовных лидеров, и он также неоднороден: встречается как отрицательная оценка гражданской активности, так и положительная оценка, вплоть до утверждения о том, что участие в выборах является обязанностью мусульманина (к первой точке зрения склонны представители радикальных и асоциальных направлений, ко второй — официальные репрезентативные организации). В *табл. 24* и *табл. 25* даны результаты опроса по поводу участия в голосовании. Как мы видим, мусульмане характеризуются в целом меньшей политической активностью, чем немусульмане.

Сотрудниками Фонда Сороса также был исследован уровень доверия мусульманского населения к правительству и парламенту. Результаты опроса даны в *табл. 26* и *табл. 27*. В целом мусульмане демонстрируют меньшее доверие к власти, чем немусульмане, но результаты обеих групп сопоставимы. Интересно, что среди мусульманских респондентов отмечена большая неопределенность: ответ «не знаю» давался ими почти в два раза чаще.

Мусульмане пока еще слабо представлены в органах власти и в политическом поле, однако степень их репрезентации значительно выросла за последние годы и, по-видимому, в дальнейшем она будет расти. В 2005 году в парламент Великобритании прошли 4 кандидата с мусульманским бэкграундом, а в 2010 году — уже 8 кандидатов (6 лейбористов и 2 консерватора); кроме того, с 2010 по 2012 год сопредседателем Консервативной партии была мусульманка Саида Варси. В 2009 году в немецкий бундестаг прошли 20 кандидатов с мусульманским бэкграундом, а на последних выборах в земле Северный Рейн-Вестфалия мусульманской партии удалось впервые добиться положительного результата: «Альянс за мир и справедливость» («Bündnis für Frieden und Fairness») смог получить два мандата в муниципальном собрании. Но этот случай является исключительным. Общая тенденция заключается в том, что мусульманские кандидаты по всей Европе выдвигаются в рамках основных политических партий и очень часто скрывают свою идентичность. Они стремятся показать, что они представляют своих избирателей, а не особую этническую или религиозную группу. Французский сенатор, член социалистической партии Самия Гали замечает по этому поводу: «Я не хочу, чтобы меня воспринимали через призму моего происхождения... Давайте лучше говорить об образовании, медицине и строитель-

¹⁵ По оценкам исследователей Фонда Сороса, около трети мусульман, проживающих в странах ЕС, не имеют гражданства.

стве жилья». Стремление скрыть свою идентичность связано с традициями секуляризма и универсализма, которые формируют политическое поле. Любая демонстрация религиозной принадлежности может дискредитировать кандидата в глазах нерелигиозного или либерально настроенного большинства. Как замечает один из участников фокус-группы: «Если ты не религиозен, то твоя позиция будет рассматриваться как нейтральная, но если ты придерживаешься какой-либо религии, будь то ислам, христианство или иудаизм, ты не будешь рассматриваться как беспристрастный» [Copenhagen 2011: 208]. Стоит добавить, что хотя политические партии обычно дистанцируются от религиозных групп, все же они охотно идут на контакт с представителями религиозных или этнических меньшинств во время предвыборных кампаний; в частности, в ОФС отмечаются многочисленные инициативы со стороны ведущих европейских партий, направленные на налаживание контакта с этно-религиозными меньшинствами.

7.4. Масс-медиа. Средства массовой информации играют важную роль в распространении мнений и оценок, касающихся ислама, в создании образа ислама и мусульман, а также в освещении разнообразных областей жизни, так или иначе связанных с деятельностью мусульман. Тема «Европейские СМИ и мусульмане» чрезвычайно хорошо представлена в литературе, поэтому мы коснемся ее лишь вкратце.

Из многочисленных исследований, мониторингов, опросов и др. видно, что европейские СМИ имеют тенденцию изображать ислам в крайне негативном ключе, ассоциируя его с агрессией, терроризмом, угнетением женщин и нежеланием интегрироваться. Известно, что еще до событий 11 сентября 2001 года ислам в Великобритании представлялся как угроза для общества и его ценностей, а также ассоциировался с девиантностью и иррациональностью [Poole 2009; Richardson 2004]. Аналогичные характеристики доминировали в шведских новостных сообщениях за 1991–1995 годы, касавшихся ислама [Larsson 2007: 37]. Ситуация стала еще хуже после терактов 11 сентября. Из обзора печатных СМИ за 2000–2008 годы, проведенного К. Муром и коллегами, следует, что «основная часть новостей о британских мусульманах — примерно 2/3 — сфокусирована на мусульманах как на угрозе (в связи с терроризмом), проблеме (из-за различия ценностей) или на том и другом (исламский экстремизм в целом)»; при этом интересно, что лишь в 2008 году «сообщения, посвященные про-

блеме религиозных и культурных различий (32%), стали преобладать над сообщениями о терроризме (27%)» [Moore et al. 2008: 21, 3].

Анализ фокус-групп показал, что их участники очень озабочены представленным в СМИ образом ислама. Выражалось недовольство как чрезмерной популяризацией данной темы, так и постоянными негативными коннотациями. Лондонские респонденты высказали следующие соображения: «В центре внимания СМИ только «мусульманские экстремисты»; для улучшения ситуации необходимо разбираться с позицией среднего мусульманина и с его потребностями, но это невозможно сделать, если мусульмане не будут проявлять активность за пределами этнических меньшинств»; «Почему масс-медиа намеренно игнорируют мусульман, когда мусульмане делают что-либо позитивное? Мы вносим вклад в экономику, в систему здравоохранения, мы способствуем улучшению ситуации здесь, но СМИ всегда изображают мелкие проблемы, в которых они склонны обвинять мусульман. Почему так? Почему они не могут говорить о мусульманах в позитивном ключе?» [London 2012: 152]. Представляется, что объяснение сложившейся ситуации должно быть комплексным, при этом не последнюю роль здесь должен играть факт, тонко подмеченный Изабель Ригони: сами СМИ обусловлены институциональным контекстом и капиталистической системой, то есть у них всегда имеется необходимость привлекать большую аудиторию посредством сенсаций и «горячих тем».

В рамках исследования Фонда Сороса выяснилось, что респонденты подчеркивают важное различие между местными и федеральными СМИ в освещении ислама и мусульман. Местные СМИ в большей степени ориентированы на локальные сообщества, в том числе на этнические меньшинства; они не склонны представлять мусульман как гомогенную группу. Особенно сильно эта специфика подчеркивалась участниками фокус-групп из Лондона, Лестера и Копенгагена. Лондонский респондент высказал следующую мысль: «У нас нет проблем с местными СМИ, у нас с ними очень хорошие отношения. Они выполняют свои обязанности ответственно и этично. Что касается федеральных СМИ, то вы прекрасно знаете эту ситуацию. Они всегда изображают нас как фундаменталистов, террористов и экстремистов... Местные СМИ вовлечены в общее дело с нами, и они изображают нас так, как и должно быть, но вот с федеральными СМИ настоящая беда» [London 2012: 151]. Респондент из Лестера выразил интересную идею о том, что теплота отношения со стороны мес-

тных медиа обусловлено прагматическими факторами: «Местным СМИ нужна клиентура, им нужны люди из округа, которым можно было бы продать продукт... Например, в Лестере есть газета «Leicester Mercury», и если редакторы хотят, чтобы ее покупали, им следует быть осторожными в том, как они подходят к предмету обсуждения» [Leicester 2010: 116].

Помимо благоприятной ситуации на уровне местных медиа, отмечены позитивные сдвиги и в других направлениях. Власти стали проявлять большую заинтересованность в проблеме представительства этнических и религиозных меньшинств в СМИ. В качестве реакции на однобокое мейнстримовое освещение ислама стали появляться локальные инициативы по созданию более благоприятного образа ислама (газеты, радио, блоги и др.). Отмечается также рост этнического разнообразия среди работников мейнстримовых СМИ. Наконец, как свидетельствуют материалы исследовательской группы «Миноритимедиа», в последние годы значительно выросло число мусульманских СМИ. Все это позволяет говорить о тенденции к преодолению однобокого освещения ислама и о начале формирования «мусульманской публичной сферы» в европейском медиадискурсе.

7.5. Выводы. Взаимопомощь и взаимное приращение находятся на высоком уровне; степень доверия к соседям также довольно высока, но среди мусульман часто развито недоверие к соседям. Мусульмане и немусульмане придерживаются примерно одинаковых фундаментальных ценностей, но при этом часто считают, что у их соседей иные приоритеты. Можно сделать вывод, что ощущение ценностного единства не имеет принципиального значения, когда речь идет о хороших соседских отношениях и взаимопомощи.

Политическая активность мусульман является более низкой, чем политическая активность немусульман; среди мусульман, имеющих право голоса, лишь половина ходят на выборы. Уровень доверия к правительству и парламенту незначительно ниже среди мусульман, чем среди немусульман. Приверженцы ислама слабо представлены в органах власти и на политическом поле, но степень их репрезентации растет. При этом они действуют преимущественно в рамках политического мейнстрима.

Европейские масс-медиа предпочитают изображать ислам в крайне негативном виде, ассоциируя его с агрессией, терроризмом, угнетением женщин и нежеланием интегрироваться. Но респонденты подчеркивают принципиальное различие между местными и федеральными СМИ: мес-

тные СМИ ориентированы на локальные сообщества, в том числе на этнические меньшинства, и в них ислам представлен в позитивном виде. Отмечены позитивные сдвиги и в других направлениях, что свидетельствует о формировании самостоятельной мусульманской сферы в европейском медиадискурсе.

8. Перспективы ислама в Европе

Материалы отчетов Фонда Сороса, а также другие современные исследования, позволяют составить общее представление о текущем положении мусульман в странах «первого эшелона исламизации» ЕС. Вопреки распространенному мнению, мусульмане не живут в Европе «параллельной жизнью» и не формируют «параллельное общество». В некоторых сферах они действительно менее активно включены в общественную жизнь, но наличие положительных тенденций, свидетельствующих о перспективах роста вовлеченности мусульман. Важным барьером для этого выступает дискриминация по религиозному и этническому признаку. Однако уровень дискриминации не является катастрофически высоким, и прилагаются серьезные усилия для того, чтобы минимизировать данный фактор. На муниципальном, федеральном и национальном уровнях ведется активная работа в этом направлении. Стоит отметить, что по целому ряду опросов мусульмане показывают приблизительно те же результаты, что и немусульмане. Например, это касается таких важных опросов, как «Удовлетворены ли вы муниципальным жильем?», «Доверяете ли вы полиции?», «Удовлетворены ли вы действиями полицией?», «Какие ценности наиболее важны для жизни в этой стране?», «Доверяете ли вы правительству?», «Доверяете ли вы парламенту?», «Уважаются ли в школах разные религиозные традиции?» и др. Все это позволяет говорить о том, что социальный и гражданский статус мусульман в этих сферах близок к статусу среднего коренного жителя. В тех же областях, где он еще далек от среднего, налицо явная тенденция к приближению.

При оценке перспектив ислама в Европе необходимо учитывать следующие факторы: 1) положение мусульман в сфере образования, на рынке труда, их жилищные условия, модель расселения, социальную защищенность, ощущение принадлежности, идентификацию, политическую активность, представленность в масс-медиа и др.; эти проблемы довольно подробно освещены нами в главах 4–7, и основной вывод заключается в том, европейские страны постепенно преодолевают этап сегрегации этнорелигиозных меньшинств и вступают в эпоху, когда меньшинс-

тва будут активно интегрироваться в социальную действительность; 2) демография европейского ислама; этот вопрос вкратце рассмотрен нами в главе 2, основной вывод заключается в том, что численность мусульманского населения будет расти (за счет иммиграции и высокого коэффициента фертильности), но здесь не предвидится резких скачков, так что исламизация Европы идет умеренными темпами; 3) стратегия европейской политики по поводу интеграции; эта проблема рассмотрена нами в главе 3, интеграция понимается как динамический процесс взаимного приспособления, в который вовлечены как иммигранты, так и принимающее общество; так понятая интеграция подразумевает модификацию принимающего общества и отсутствие полной ассимиляции иммигрантов, и именно с этим долгосрочным проектом связаны все инициативы, предпринимаемые на уровне Евросоюза; 4) политический контекст; этот вопрос частично затронут в главе 3, но мы не стали останавливаться на политических партиях и проблемах представительства, так как данный вопрос напрямую не касается основной темы исследования; можно предположить, что даже резкая реорганизация политического поля в отдельных государствах (скажем, возрождение светского национализма) не сможет повлиять на базовую интеграционную стратегию, действующую на уровне Евросоюза.

Итак, с учетом данных обстоятельств попытаемся обрисовать перспективы европейского ислама. Разумеется, при прогнозировании невозможно учесть все факторы, особенно глобального типа, поэтому наша проекция должна рассматриваться как наиболее вероятный сценарий эволюционного развития событий. Рассмотренные материалы позволяют сразу отбросить несколько абсолютно неправдоподобных проекций. Например, невероятным сценарием является «модель Еврабии», предложенная Жизель Литман [Littman 2005]. Согласно этой модели, Европа в ближайшее время будет поглощена мусульманами, что является частью намеренной европейской политики, ориентированной на союзнические отношения с арабскими странами в противоборстве США и Израилю. Ввиду своей конспирологичности, данная теория пользуется дурной славой в академических кругах, и как мы видим из авторитетных демографических проекций, представленных центром «Пью», на то есть все основания¹⁶. Среди дру-

гих невероятных концепций можно упомянуть модель правового плюрализма и модель автономий. Согласно первой модели, будет введена дифференциация правовых норм для разных групп; мусульмане тогда могли бы получить особые права, которые ограничивали бы их в сравнении с основной частью населения. Ясно, что «богатый» в данном отношении исторический опыт Европы делает невозможным что-либо подобное. Согласно второй модели, мусульманам будет предоставлена региональная автономия. Разумеется, для всех стран «первого эшелона исламизации» это также абсолютно неправдоподобный сценарий. Можно привести еще множество экстравагантных теорий, но сейчас нет необходимости на них останавливаться. Попробуем рассмотреть реальные сценарии развития событий.

Первый сценарий мы бы обозначили как «подъем национализма». Речь идет преимущественно о светском национализме, но в каких-то случаях он может приобретать и религиозные коннотации (например, немецкий протестантизм vs. ислам или христианская нация vs. ислам). Ультраправая националистическая политика будет проявляться в жестких иммиграционных ограничениях и в мерах, стимулирующих активную интеграцию или, точнее, ассимиляцию этно-религиозных меньшинств (разумеется, это требует официального закрепления дискриминирующих факторов); в конечном счете, такая политика может привести к стабилизации доли мусульман на уровне 6–8% или даже к сокращению их числа. Пока что данный сценарий расходится с глобальной стратегией европейских политиков, но для него имеются некоторые косвенные предпосылки.

Социальные опросы свидетельствуют о высоком уровне недовольства и страхе перед складывающейся ситуацией. Современный европеец еще недостаточно «обработан» идеологически, чтобы добровольно приветствовать мультикультурализм и радоваться тому, что его родная культура подвергается фатальным трансформациям. Европейским идеологам потребуется еще немало времени, чтобы воспитать нового «мультикультурного» европейца, и этот процесс будет проходить крайне болезненно. Один из симптомов — это поддержка правых и ультраправых партий, которые с 1980-х годов устроили свое представительство в парламентах европейских государств (см. подробнее об этом [Givens 2005]). Так, в Нидерландах правая «Партия свободы» на выборах 2010 года заняла третье место, набрав 15,5% голосов; крайне правая «Австрийская партия свободы» на федеральных выборах 2008 года

¹⁶ Впрочем, в политической делегитимизации Израиля, поддерживаемой европейскими странами, нет ничего невероятного; это могло бы стать следствием усиления мусульманского электората в обозримом будущем.

набрала 17,5% голосов, при этом на муниципальных выборах 2010 года в Вене она набрала 27% голосов; бельгийская правая партия «Фламандский интерес» на последних выборах получила 7,76%. Другим обстоятельством, которое делает возможным подъем национализма, является экономический кризис. Европа вступила в длительный период стагнации, который будет сопровождаться ростом безработицы и падением уровня жизни. Это может способствовать росту общего недовольства, поискам «внешнего врага» и социальным потрясениям.

Подъем национализма в глобальном масштабе является реалистичным сценарием, но, по нашему мнению, его вероятность не слишком высока. Несмотря на явный рост правых и ультраправых в Европе, их представительство все еще остается ограниченным, и они далеки от того, чтобы формировать мейнстрим современной политики. Учитывая исторический опыт Европы, сложно представить ситуацию, при которой ультраправые вообще стали бы мейнстримом. Что касается экономического фактора, то в долгосрочной перспективе резкое ограничение иммиграции не является желательным сценарием для Европы, поскольку европейское население сильно стареет, и европейская экономика нуждается в иммигрантах. Разумеется, правая и ультраправая политика потребовала бы отказа от либеральных интеграционных и иммиграционных стратегий, что также вряд ли возможно, учитывая общеевропейский идеологический климат.

Вторая перспектива европейского ислама может быть обозначена как «консервация нынешнего состояния». В рамках этой модели интеграция перейдет в длительный вялотекущий процесс, который очень слабо будет затрагивать (если вообще будет) быт и социальное положение мусульман; иначе говоря, этнорелигиозные меньшинства как бы «повиснут» между сегрегацией и полноценным включением в гражданское общество: они по-прежнему будут составлять второсортное общество, останутся объектом многочисленных форм дискриминации, будут представляться в негативном ключе в СМИ и т. д. Этот вариант может рассматриваться как результат компромисса между современной политической конъюнктурой и получающими популярность правыми партиями. Прежняя «интеграционная» риторика, конечно, сохранится, но конкретные действия будут предприниматься менее активно. Экономическая стагнация может также поспособствовать «замораживанию» проекта интеграции. Этот сценарий реален, но он не кажется нам

слишком правдоподобным. Главный аргумент здесь — демографический. Мусульманское население растет в процентном отношении (ср. также возрастную структуру), и его сложно сдерживать в границах гетто, не считаясь с его мнением.

Между этими двумя сценариями возможны пограничные варианты, которые сочетали бы в себе элементы первого и второго сценария. Безусловно, при наличии политической воли и социального запроса замедлить и даже остановить исламизацию Европы возможно. Но нам представляется, что такое развитие событий маловероятно — прежде всего, по идеологическим соображениям. Мы бы оценили шансы этих моделей на 15%: итого — 30% на две модели. Остальные 70% приходятся на третью модель, которую мы обозначаем как «десегрегация и умеренная интеграция». Эта модель представляется нам наиболее реалистичной.

Модель «десегрегации и умеренной интеграции» предполагает, что современные тенденции сохранятся, и они приведут, с одной стороны, к изменениям внутри европейского ислама, а с другой стороны — к модификации европейского общества (что и предполагает логика «интеграционного процесса», согласно идеологам ЕС). Социальная интеграция будет активно продвигаться, по меньшей мере, еще несколько десятилетий. Мы сейчас находимся на ранней стадии данного процесса. Для мусульман это будет означать не ассимиляцию, но, скорее, приспособление к реалиям европейской жизни. Вероятно, на выходе мы получим умеренный и более либеральный вариант ислама, который слабее связан с этнокультурными корнями. Та форма «евроислама», которую проповедует Тарик Рамадан, вполне соответствует такому «исламу будущего»: она предполагает сочетание европейской идентичности, западного образа жизни, активной гражданской позиции с исламским универсализмом. Можно с уверенностью сказать, что полная ассимиляция мусульман невозможна, так что следует ожидать интеграцию с сохранением религиозной идентичности. Сейчас наиболее прогрессивно этот подход реализуется в Великобритании, о чем свидетельствуют результаты некоторых исследований. Так, по опросу за 2012 год, 86,4% мусульман Британии ощущают себя британцами, 83% гордятся тем, что они британцы, 82% хотят жить в поликультурном обществе; но при этом лишь 7% называют в качестве своей главной идентичности британскую, 81% же думают о себе, в первую очередь, как о мусульманах. Религиозная идентичность, безусловно, останется доминирующей

(как у большинства религиозных людей), но чувство патриотизма и принадлежности к европейской культуре будет расти.

Из модели «умеренной интеграции» следует, что европейское общество также будут ожидать важные перемены. Вот уже несколько десятилетий мы находимся в точке «абсолютного максимума» либерализма — доведенной до абсурда политкорректности и «свободы-от» (которая легитимизирует освобождение человека даже от пола). Можно предположить, что рост числа мусульман и рост их влияния будет сопровождаться возрождением консерватизма и морали. Вряд ли через 20–30 лет мы сможем наблюдать гей-парады в центре Лондона, и едва ли мэр Берлина сможет открыто заявлять о своей гомосексуальной ориентации во время предвыборной кампании. Вероятно, де-юре подобные негласные правила никак не будут закреплены, но де-факто они будут существовать в сознании электората (ср. с ситуацией в России). Это будет сопровождаться демографически обусловленным ростом религиозности и усилением политических позиций мусульманского электората, что хорошо описано в работе Эрика Кауфмана. Таким образом, через несколько десятилетий мы должны увидеть консервативную Европу, отошедшую от гипертрофированного либерализма и поставленную в рамки традиционных ценностей. В этом случае мы будем свидетелями рождения новой европейской идентичности, запрос на которую имеется уже сейчас.

Данный прогноз относится, прежде всего, к странам мусульманской иммиграции. Предполагается, что эти страны будут подтягивать менее исламизированные государства Европы по следующей логике развития: гастарбайтеры => сегрегация => десегрегация и умеренная интеграция => активная роль в формировании повестки дня и новой идентичности. Ситуация со странами, которые являются носителями традиционного ислама, не вполне ясна. В некоторых из них (например, Польша, Литва, Латвия) традиционный ислам, представленный преимущественно татарами, вымывается иммигрантами. В других странах (например, Албания, Босния и Герцеговина, Россия) позиции традиционного ислама сильны, и там вряд ли предвидятся серьезные изменения.

Итак, модель «десегрегации и умеренной интеграции» должна привести к росту консерватизма и формированию новой европейской идентичности, характер которой еще не вполне ясен. Может возникнуть вопрос: если эта модель отвечает нынешней интеграционной стратегии,

то почему она приведет к результатам, которые не соответствуют ожиданиям европейских политиков? На самом деле, в этом нет ничего удивительного. У европейских политиков отсутствует реалистичное представление о том, чем является «мультикультурное общество с равным уважением прав всех граждан»; например, никто не сможет объяснить, как в таком обществе будут сосуществовать разнообразные «правовые» формы содомии, чья легитимизация является заслугой европейской культуры, с не менее «правовыми» формами исламской практики, которая ничего подобного не приемлет и всячески этому противится. Модель совместного «мирного» жития в рамках мультикультурного общества является утопией, поскольку она пытается универсализировать некоего «чистого субъекта», «универсального гражданина», согласного признавать право другого на пропаганду гомосексуализма, смену пола, поедание свинины (или говядины), займы под процент или рисование карикатур на Мухаммеда и Христа. Но реально такой «чистый гражданин» нигде не встречается, ибо даже западный человек «нечист», и за западным гражданином стоит определенная идентичность — в чем-то христианская, в чем-то историческая — иначе чем объяснить тюремные сроки за мнение, пусть и ошибочное, о том, что Холокоста не было? Универсальный гражданин мультикультурной утопии — это не тот, кто признает права человека (ведь реально никто знает каковы пределы этих «прав»), а тот, кому в наибольшей мере все равно и кто готов закрывать глаза на все, что напрямую не касается его личных интересов. «Чистый субъект» мультикультурализма и вообще всего либерализма — это латентный европеец. Вероятно, иллюзия «мультикультурного общества», в котором граждане априори индифферентны друг к другу, а, по сути, отчуждены друг от друга, является главным воздушным замком современной европейской идеологии — той идеей, которая ведет теперь уже старую Европу к самоаннигиляции.

Список литературы

- ABHP 2004 — Office for Standards in Education. Achievement of Bangladeshi heritage pupils. HMI 513, London, HMSO, 2004.
- Agenda 2008 — Renewed Social Agenda: Opportunities, access and solidarity in 21st century Europe. Brussels, 2008 // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0412:FIN:EN:PDF>
- Amsterdam 2010 — Muslims in Amsterdam. At Home in Europe Project, Open Society Institute,

New York–London–Budapest, 2010 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-amsterdam-report-en-20101123_0.pdf

Antwerp 2011 — Muslims in Antwerp. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York–London–Budapest, 2011 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-antwerp-en-20110913_0.pdf

Copenhagen 2011 — Muslims in Copenhagen. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York–London–Budapest, 2011 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-copenhagen-en-20110428_0.pdf

Berlin 2010 — Muslims in Berlin. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York–London–Budapest, 2010 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-berlin-corrected-en-20100527_1.pdf

Berthoud, Blekesaune 2007 — *Berthoud R. Blekesaune M.* Persistent employment disadvantage, DWP Research Report No. 416, Norwich, Department for Work and Pensions, 2007.

Bolt et al. 2008 — *Bolt G., van Kempen R., van Ham M.* Minority Ethnic Groups in the Dutch Housing Market: Spatial Segregation, Relocation Dynamics and Housing Policy // *Urban Studies* 45 (7).

Clarke, Drinkwater 2007 — *Clarke K. Drinkwater S.* Ethnic minorities in the Labour Market: Dynamics and Diversity. York: Joseph Rowntree Foundation, 2007.

Conclusions 2007 — Conclusions of the Council and the Representatives of the Governments of the Member States on the strengthening of integration policies in the European Union by promoting unity in diversity. 2807th Justice and Home Affairs Council meeting, Luxembourg, 12 and 13 June 2007 // http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressData/en/jha/94643.pdf.

Decision 2005 — Council Decision of 12 July 2005 on Guidelines for the employment policies of the Member States // *Official Journal of the European Union*, L 205/25, 6 August 2005.

Decision 2008 — Decision No. 1983/2006/EC of the European Parliament and of the Council of 18 December 2006 concerning the European Year of Intercultural Dialogue, 2008 // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:412:0044:0050:EN:PDF>

EPIA 2008 — Council of the European Union. European Pact on Immigration and Asylum, 24 September 2008 // <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/08/st13/st13440.en08.pdf>

ET 2009 — Council conclusions of 12 May 2009 on a strategic framework for European cooperation in education and training ('ET 2020') // http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/educ/107622.pdf

Ethnic Profiling 2009 — *Ethnic Profiling in the European Union: Pervasive, Ineffective,*

and Discriminatory. New York: Open Society Institute, 2009 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/profiling_20090526.pdf

Eurobarometer 2012 — Discrimination in the EU in 2012. Special Eurobarometer 393 // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_393_en.pdf

Givens 2005 — *Givens T.* Voting Radical Right in Western Europe. Cambridge University Press, 2005.

Hamburg 2010 — Muslims in Hamburg. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York–London–Budapest, 2010 // <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-hamburg-en-20100629.pdf>

Handbook on Integration 2010 — Handbook on Integration for policy-makers and practitioners. Third edition, April 2010 // http://ec.europa.eu/ewsi/UDRW/images/items/doc1_12892_168517401.pdf

Heath et al. 2008 — *Heath A., Rothon C., Kilpi E.* The second generation in Western Europe: Education, Unemployment, and Occupational Attainment // *Annual Review of Sociology* 34. P. 211–235.

Heckmann 2008 — *Heckmann F.* Education and the Integration of Migrants Challenges for European Education Systems Arising from Immigration and Strategies for the Successful Integration of Migrant Children in European Schools and Societies. NESSE Analytical Report 1 for Directorate General Education and Culture, 2008.

JHA 2004 — Council of the European Union. Press Release. 2618th Council Meeting. Justice and Home Affairs. Brussels, 19 November 2004 // http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/82745.pdf

Kaariainen 2007 — *Kaariainen J. T.* Trust in the Police in 16 European Countries: A Multilevel Analysis // *European Journal of Criminology* 4. P. 409–435.

Kenway, Palmer 2007 — *Kenway P., Palmer G.* Poverty among ethnic groups how and why does it differ? York: Joseph Rowntree Foundation / New Policy Institute, 2007.

Kitchen et al. 2005 — *Kitchen S., Michaelson J., Wood N.* Citizenship Survey: Community Cohesion Topic Report, Department of Communities and Local Government, London, 2006.

Larsson 2007 — *Larsson G.* Muslims in EU Cities: Preliminary Research Report and Literature Review — Sweden. Budapest: Open Society Institute, 2007.

Leicester 2010 — Muslims in Leicester. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2010 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-leicester-20110106_0.pdf

Littman 2005 — *Bat Ye'or.* Eurabia: The Euro-Arab Axis. Fairleigh Dickinson University Press, 2005.

London 2012 — Muslims in London. At Home in Europe Project. New York–London–Budapest: Open Society Institute, 2012 // <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/muslims-in-london-20120715.pdf>

- Marseille 2011 — Muslims in Marseille. At Home in Europe Project. New York–London–Budapest: Open Society Institute, 2011 // <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-marseille-en-20110920.pdf>
- MIE 2010 — Muslims in Europe: A Report in 11 EU Cities. At Home in Europe Project. New York–London–Budapest: Open Society Institute, 2010 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-europe-20110214_0.pdf
- Modood 2006 — *T. Modood*. Ethnicity, Muslims and higher education entry in Britain // *Teaching in Higher Education* 11 (2), 2006.
- Moore et al. 2008 — *Moore K., P. Mason P., Lewis J.* Images of Islam in the UK: The Representation of British Muslims in the National Print News Media 2000–2008. Cardiff School of Journalism, Media and Cultural Studies, Cardiff, 2008.
- Paris 2012 — Muslims in Paris. At Home in Europe Project. New York–London–Budapest: Open Society Institute, 2012 // <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/muslims-in-paris-20120720.pdf>
- Pew 2011 — The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010–2030. Pew Research Center, Forum on Religion and Public Life, 2011 // http://www.pewforum.org/uploadedFiles/Topics/Religious_Affiliation/Muslim/FutureGlobalMuslimPopulation-WebPDF-Feb10.pdf
- Poole 2009 — *Poole E.* Reporting Islam: Media Representations of British Muslims. London, 2009.
- Profiling Minorities 2009 — Profiling Minorities. A Study of Stop-and-Search Practices in Paris. New York: Open Society Institute, 2009 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/search_20090630.Web.pdf
- Richardson 2004 — *Richardson J.* (Mis)representing Islam: The racism and rhetoric of British broadsheet newspapers. John Benjamins Publishing Company, 2004.
- Rotterdam 2010 — Muslims in Rotterdam. At Home in Europe Project. New York–London–Budapest: Open Society Institute, 2010 // <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-rotterdam-report-en-20101119.pdf>
- Schonwalder, Sohn 2009 — *Schonwalder K., Sohn J.* Immigrant Settlement Structures in Germany: General Pattern and Urban Levels of Concentration of Major Groups // *Urban Studies* 46 (7). P. 1439–1460.
- Smets, den Uyl 2008 — *Smets P., den Uyl M.* The Complex Role of Ethnicity in Urban Mixing: A Study of Two Deprived Neighbourhoods in Amsterdam // *Urban Studies* 45 (7). P. 1439–1460.
- Sylva et al. 2004 — *Sylva K., Melhuish E., Sammons F., Siraj-Blatchford I., Taggart B.* Effective provision of preschool education (EPPE) project: Final Report, DfES, London, 2004.
- Yearbook 2009 — Nielsen J. (ed.). Yearbook of Muslims in Europe. Vol. 1. Leiden–Boston: Brill, 2009.
- Yearbook 2010 — Nielsen J. (ed.). Yearbook of Muslims in Europe. Vol. 2. Leiden–Boston: Brill, 2010.
- Zegers de Beijl 2000 — *Zegers de Beijl R.* (ed.). Documenting discrimination against migrant workers in the labour market. A comparative study of four European countries. Geneva: ILO, 2000.
- Zimmerman et al. 2008 — *Zimmerman K.F. et al.* Study on the Social and Labour Market Integration of Ethnic Minorities, IZA Research Report. 2008. № 16 // http://www.iza.org/en/webcontent/publications/reports/report_pdfs/iza_report_16.pdf

МУСУЛЬМАНЕ В ЕВРОПЕ: ОТЧЕТ О ЖИЗНИ ЕВРОПЕЙСКИХ МУСУЛЬМАН В 11 ГОРОДАХ ЕС

Т. Чодхури

*Ph.D., научный сотрудник Даремского университета, главный эксперт проекта
«Наш дом — Европа» Фонда Сороса*

Данный отчет подготовлен с помощью сравнительного анализа материалов, собранных в 11 городах в семи европейских странах. В нем демонстрируются общие тенденции и даются рекомендации на местном, национальном и международном уровнях, в том числе для Европейского союза (ЕС) и международных организаций. В этом докладе не рассматривается в целом положение всех мусульман в городах, а скорее дается перманентный набросок образа жизни мусульманских общин в отдельных кварталах Амстердама, Роттердама, Антверпена, Берлина, Гамбурга, Копенгагена, Лестера, Лондона, Марселя, Парижа и Стокгольма. Основная часть работы — это характеристика главных тенденций, касающихся жизни мусульман в Европе: граждан и мигрантов, уроженцев и недавно прибывших. Мусульмане представляют собой многообразное и постоянно растущее население, и они ставят перед Европой важнейшую задачу, а именно: как обеспечить равные права и возможности для всех в условиях быстро растущего культурного многообразия.

Миф: мусульмане не хотят интегрироваться, они хотят жить отдельно от остального населения.

Реальность:

• Исследования Фонда Сороса бросают вызов мифу о сегрегации и отчуждению и показывают гораздо более позитивную картину интеграции на местном уровне. Большинство мусульман и немусульман идентифицируют себя с городом и страной, где они живут. У 61 % мусульман есть сильное чувство принадлежности к стране, и 72 % имеют сильное чувство принадлежности к горо-

ду. В Антверпене, например, более 90 % респондентов выразили «очень сильное» или «достаточно сильное» ощущение местной принадлежности.

• Тем не менее 50 % всех мусульманских респондентов, которые отождествляют себя со страной, где они живут, считают, что они в целом не рассматриваются в качестве принадлежащих к этой стране.

Миф: потребности и интересы мусульман и немусульман очень сильно отличаются.

Реальность:

• Потребности и опыт мусульман и немусульман в значительной степени совпадают. Во всех 11 городах ежедневная обеспокоенность связана с необходимостью повышения качества образования, улучшения жилищных условий, обеспечения чистоты улиц, борьбой с антиобщественным поведением и преступностью.

• Мусульмане хотят жить в смешанных, а не отдельных районах. Мусульманские родители обеспокоены последствиями сегрегации своих детей, дискриминацией на рынке жилья, в результате которой для них ограничен выбор места жительства. Они обеспокоены тем, что городские программы обновления в некоторых городах, направленные на создание более смешанных районов, вытесняют самых обездоленных людей.

• Как мусульмане, так и не мусульмане, проживающие в смешанных районах, любят эти районы и гордятся ими. Большинство людей чувствуют, что их среда обитания является местом, где люди готовы помогать и доверять друг другу, и где люди из разных слоев общества хорошо ладят друг с другом.

Миф: мусульмане не участвуют в политической и общественной жизни.

Реальность:

• Мусульмане, которые имеют право голоса, принимают активное участие в местной гражданской и политической жизни. Большинство мусульман, которые имеют право голоса, голосуют на местных и национальных выборах.

¹ *At Home In Europe Project. Muslims in Europe — A Report on 11 EU Cities: Findings and Recommendations. Open Society Institute, 2010 // (http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/findings-recommendations-20091215_0.pdf). Данный отчет подготовлен специалистами из Фонда Сороса, и он представляет собой резюме более детального отчета «Мусульмане в Европе»; подробный анализ последнего дан в работе Сергея Борода в этом сборнике.*

Молодые мусульмане в большей мере, нежели пожилые, чувствуют, что они могут влиять на некоторые решения на местном уровне: 56% из числа людей в возрасте до 20 лет, считают, что они могут влиять на принятие решений на местном уровне.

- Более 70% имеющих право голоса мусульман проголосовали на местных и национальных выборах.

- Почти половина опрошенных мусульман (47%) были вовлечены, в той или иной форме, в гражданские процедуры в прошлом году.

- Политические партии, основанные на этнической и религиозной идентичности, не получили поддержки мусульманских избирателей, но увеличилось число мусульман на политических должностях ведущих партий, при этом они сталкиваются с дополнительными контрольными вопросами и вопросами об их происхождении.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОODY ПО ГЛАВНЫМ РЕГИОНАМ

Идентичность

«Я действительно чувствую себя в Лестере как дома. Мы большая семья. Я чувствую, что Лестер — мой дом» (Британско-азиатская женщина в возрасте 20–29 лет, анкета респондента).

- Мусульмане чувствуют сильную связь с районом их проживания и городом — в большей степени, чем со страной. Более 55% от общего числа респондентов из 11 городов ответили положительно на вопрос: «Неужели люди из разных слоев общества уживаются здесь?».

- Из тех, кто идентифицирует себя со страной проживания, 50% считают, что они не воспринимаются как принадлежащие этой стране и обществу в целом.

- 50% мусульманских респондентов (по сравнению с 9% немусульман) сообщили, что хотя бы раз испытали дискриминацию в связи с религиозной принадлежностью течение последних 12 месяцев. Более одной пятой мусульман часто испытывали религиозную дискриминацию за последние 12 месяцев.

Образование

«На ком лежит ответственность? Так ли это, что ответственность за воспитание детей лежит на родителях? Несет ли школа ответственность? Или городской совет? Ответственность лежит на всех. Каждый должен делать свою работу. Мы вносим свой вклад дома, а школа делает свою работу. Мы несем

совместную ответственность». (Марокканская мусульманская женщина в возрасте 40–49 лет, участник фокус-группы, Амстердам).

- Мусульмане хотят более этнически-смешанных школ, и родители обеспокоены тем, что сегрегация негативно влияет на перспективы ребенка.

- Некоторые мусульманские школьники продолжают страдать от предрассудков и низкого уровня ожидания со стороны учителей.

Изменения на местном уровне

В Амстердаме образовательные и социальные учреждения разработали инновационную информационно-пропагандистскую программу для молодых учащихся, в том числе мусульман, которые находятся в риске выпадения из образовательной системы. В рамках программы «8 на 8» тренеры предлагают советы, поддержку и направление деятельности ученикам с 8 утра до 8 часов вечера.

Рынок труда

«В Германии дела обстоят хуже для женщин в чадре. Они могут найти работу только в секторе услуг (и то если повезет). Они не могут работать в секторах, требующих интеллектуальных способностей. Для них очень трудно найти хорошую работу» (Фокус-группа, Берлин).

- Многие мусульмане работают на маргинальных и низкооплачиваемых работах, что приводит к созданию изолированной или параллельной трудовой жизни.

- Мусульманин почти в три раза чаще является безработным, чем немусульманин, 19,8% мусульман, участвовавших в опросе Фонда Сороса, являются безработными, по сравнению с 6,8% немусульман.

- Женщины подвергаются дискриминации на рынке труда, если они носят хиджаб.

Изменения на местном уровне

В Лестере агентство по трудоустройству «Джоб центр плюс» пригласило работодателей в местные общинные центры, храмы и мечети, чтобы они могли оценить барьеры, возникающие из-за образа жизни меньшинств. Когда разрабатывается новый торговый центр, агентство выставляет его на «роуд-шоу», чтобы продемонстрировать новых работодателей сообществу.

Жилье

«Я люблю эту область из-за ее жителей: среди людей существует хорошая атмосфера, и они обычно хорошо ладят друг с другом. Люди уважают и помогают друг другу при любом случае» (Малийская женщина в возрасте 30–39 лет, вопрос-анкета, респондент, Париж).

• Мусульмане хотят жить в смешанных общинах, бросая вызов предрассудку о том, что географическая концентрация мусульман отражает их желание жить обособленно.

• Дискриминация на жилищном уровне ограничивает доступность жилья для мусульман Европы.

Изменения на местном уровне.

В Копенгагене в рамках городской политики интеграции подчеркивается, что главной целью должна быть борьба с проблемой уязвимых районов; борясь с безработицей и социальными проблемами, эта политика делает государственное жилье более привлекательным: «положительный побочный эффект будет заключаться в большем спросе на государственное жилье».

Здравоохранение и социальные услуги

«Медицинское обслуживание в Германии находится на высочайшем уровне. Да благословит Аллах его. Мы не смогли найти подобные виды услуг в Турции. Я очень довольна этим» (Фокус-группа, Берлин).

• Респонденты сообщили о высоком уровне удовлетворенности от услуг здравоохранения, которые они получают. Заявления о дискриминации и несправедливом обращении встречаются редко, большинство респондентов считают, что врачи и клиники уважают потребности людей разных вероисповеданий.

Изменения на местном уровне.

Сообщество Уолтхэм Форес Фейт Форум внедрило систему «здоровья проповедников». Центральная задача этой программы заключалась в выявлении и подготовке местных религиозных представителей мусульманской, христианской и сикхских общин, чтобы с помощью их положения как религиозных лидеров передавать важные сообщения о здоровье своих прихожан.

Порядок и безопасность

«Если вы африканец, вы всегда можете подвергнуться предвзятому к себе отношению, и некоторые полицейские руководствуются определенными взглядами в своих действиях относительно вас. В тот единственный раз, когда я был зарегистрирован в полиции, офицер буквально швырнул документы, удостоверяющие мою личность! Несмотря на это, я чувствую себя хорошо интегрированным, и я счастлив, что получил французское гражданство» (Француз сенегальского происхождения в возрасте 30–39 лет, анкета респондента, Париж).

• Несмотря на общий высокий уровень доверия к правоохранительным органам (58%), имеет место низкий уровень доверия среди молодых мусульман европейского происхождения, сталкивающихся с наибольшим притеснением и несправедливыми нападениями в свой адрес со стороны полиции.

• Поведение мусульман и немусульман сильно различается, когда речь идет о преступлениях на почве ненависти, то есть о преступлениях на почве дискриминации. В целом только 36% мусульман сообщают о таких преступлениях в полицию, тогда как среди немусульман — 59%.

Изменения на местном уровне.

В Берлине, контакты между полицией и ассоциацией мечетей продвигаются за счет развития «соглашения о сотрудничестве». В 2003 году местная полиция в районе Нойкельн вместе с местной ассоциацией мечетей начали программу под названием «ТИК» (Передача межкультурной компетенции). Программа направлена на партнерство и сотрудничество персонала мечетей и офицеров полиции из различных районов с целью разработки принципов взаимоотношений полиции с мусульманами.

Вовлеченность и гражданство

«Я бы хотел, чтобы меня воспринимали как немца, но не в плане этническом или по крови, а как гражданина этой страны; я также хотел бы, чтобы меня принимали с учетом моей специфической идентичности, моего мировосприятия и моих богатых перспектив» (мужчина немецко-турецкого происхождения в возрасте 40–49 лет, анкета респондента, Берлин).

• Многие мусульмане, которые не являются гражданами ЕС, остаются не вовлеченными в гражданскую жизнь; особенно это характерно для Германии и Франции, где многие мусульмане не имеют права голосовать на местных выборах, несмотря на то что живут там достаточно долго.

• Политические партии, основанные на этнической и религиозной идентичности, не получили поддержки мусульманских избирателей.

• Возрастает число мусульман, которые борются за политические посты в основных партиях, но они сталкиваются с дополнительным вниманием и вопросами, касающимися религиозной принадлежности.

• Мусульмане и немусульмане имеют одинаковый уровень доверия в органах местного самоуправления и учреждениях, но мусульмане имеют значительно более низкий уровень доверия в парламенте.

- Респонденты, участвующие в этнических и религиозных гражданских организациях значительно больше доверяют своим городским советам, чем те, кто участвует в смешанных организациях; подчеркивание важности таких групп местными политиками приводит к большей уверенности и росту интеграции.

Медиа

«Мы должны привлечь людей в журналистику, ввести их в новое поле и изменить мышление. Я думаю, что возможности есть, и нам стоит взяться за них, чтобы наши общины стали принимать более активное участие» (Фокус-группа, Лестер)

- В среднем, респонденты считают мусульманские местные СМИ более сбалансированными, справедливыми, чем национальные СМИ.

- Мусульманские респонденты считают, что непропорционально большое освещение мусульманского вопроса в СМИ в различных европейских странах способствовал упрочению стереотипов и предвзвешенности.

- В целом отрицательное освещение в СМИ также стало импульсом для физических лиц, гражданского общества и общественных организаций, которые ответили более активным участием в дискуссиях и сосредоточили внимание на необходимости поощрения и поддержки мусульман, работающих в средствах массовой информации.

Изменения на местном уровне.

В Бельгии сеть общественного телевидения VRT имеет многоплановый устав, согласно которому эта сеть, являясь общественным СМИ, должна отражать разнообразные позиции населения. Усилия по повышению степени представленности на телевидении молодых людей из этнических меньшинств способствовали созданию во Фландрии программы *Rwina*, транслируемой по VRT. Однако была также замечена критика, заключающаяся в том, что программа воспроизводит некоторые стереотипы, касающиеся ислама.

Основные рекомендации.

На муниципальном уровне:

- Города должны проводить политику восстановления районов, чтобы обеспечить доступным жильем всех, создав места с этнически смешанным населением.

- Городские власти должны найти способы поддержания этнического и религиозного многообразия в областях; они должны обеспечить такие условия, чтобы мусульмане не страдали от дискриминации и предвзвешенности и спокойно выбирали, где им жить.

- Местные политики должны развивать муниципальные кампании, которые подчеркивают общую идентичность в качестве эффективного способа повышения сплоченности. Амстердам, Антверпен, Копенгаген и еще три города инициировали такие кампании, приведшие к хорошим результатам.

- Местные политики должны рассмотреть возможность создания школ, предприятий, и рабочих мест, предназначенных для повышения уровня взаимодействия между различными этническими и религиозными группами в обществе.

На национальном уровне:

- Национальные должностные лица должны принять во внимание результаты OSI исследования, согласно которым имеются общие предпочтения для смешанных районов, и обеспечить условия, при которых не было бы дискриминации, создающей препятствия для выбора жилья. Чиновники должны проводить политику восстановления городов, при которой для всех обеспечивался бы доступ к жилью, и политику восстановления районов с высоким разнообразием национальностей.

- Национальным властям следует рассмотреть вопрос о реформировании государственного закона для долгосрочных приезжих из стран третьего мира. Это должно происходить таким образом, чтобы натурализация стала желанной целью поселения (как это происходит в США, Канаде и Австралии) и чтобы двойное гражданство было доступным.

- Национальные власти должны рассмотреть вопрос о расширении прав голосующих на местных выборах, включая всех тех, кто долгосрочно поселился в стране; это следует сделать для того, чтобы решить проблему демократической легитимности политиков в тех районах, где преобладают группы населения, не имеющие гражданства.

На уровне Европейского союза:

- ЕС должен поощрять принятие принципов равного обращения, чтобы уменьшить дискриминацию по религиозному и идеологическому признаку в области образования, жилья, транспорта, а также товаров и услуг. Важно, чтобы меры по борьбе с предвзвешенностями и стереотипами получили общественную поддержку.

- Европейские статистические агентства и проектные группы должны собрать точные данные по меньшинствам, чтобы обеспечить научно-обоснованную политику при решении проблемы интеграции и при борьбе с дискриминацией.

- ЕС должен развивать связи между городами для обмена информацией и совместных практик по сбору образовательных данных о студентах из меньшинств.

МУСУЛЬМАНЕ В ЕВРОПЕ: РАЗЛИЧНЫЕ СООБЩЕСТВА, ОДИН ДИСКУРС? АНАЛИЗ ПЕРСПЕКТИВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

К. Горак-Сосновска

Ph.D., доцент кафедры социологии Варшавской школы экономики, сотрудник кафедры арабских и исламских исследований Варшавского университета

Существует старая польская поговорка, «każda pliszka swój ogonek chwali»², означающая, что каждый подчеркивает свои достоинства. То, что автор является представителем страны с 40 тысячным мусульманским населением (общая численность населения — около 38 млн граждан), ставит его в сложное положение. Европейские научные круги не могут уделять равное внимание мусульманам Польши, Франции, Великобритании и Германии. Почти все страны старого Европейского Союза имеют больше мусульманского населения, чем имеется в Польше, либо большую долю мусульман (как правило, оба аспекта совпадают). С другой стороны, в Боснии и Герцеговине, а также в Албании имеется достаточно высокий процент мусульман, но они также находятся на периферии европейского дискурса об исламе.

Цель этой главы — обсудить причины, по которым территория Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) практически не представлена или слабо представлена в европейском дискурсе об исламе и мусульманах. Глава начинается с краткого рассмотрения этнической структуры стран Центральной и Восточной Европы и ее влияния на восприятие других людей, в частности мусульман. Затем в статье исследуются возможные связи между различными мусульманскими общинами по всей Европе. Наконец, в ней затрагиваются различные исследования, посвященные жизни мусульман в Центральной и Восточной Европе, — их ограничения и проблемы. Понятие Центральной и Восточной Европы используется как в узком, так и в широком смысле. В первом

случае это относится, прежде всего, к странам Вышеградской группы (то есть Чехия, Венгрия, Польша и Словакия). В широком смысле это понятие также будет охватывать крупную часть Центральной и Восточной Европы, которая включает в себя славянские и финно-угорские страны бывшего советского блока.

Изучение мусульман Центральной и Восточной Европы

Более пристальный взгляд на распределение мусульман в Европе обнаруживает белое пятно, которое простирается от Финляндии, на севере, через страны Прибалтики и Вышеграда к Молдове и Румынии, на юго-востоке. Ни в одной из этих стран число мусульман не превышает 100 тысяч человек, или в среднем 1% от общей численности населения. В то же время, большинство из этих стран имеют очень долгую историю взаимодействия с исламом и мусульманами, датирующуюся с X века, то есть всего лишь через 300 лет после того, как ислам впервые появился на Европейском континенте в Аль-Андалусе и Сицилии. Так, в Венгрии встречались бесермены, которые, вероятно, прибыли из Средней Азии в X веке и оставались мусульманами до тех пор, пока большинство из них не были насильственно крещены, в результате чего сообщество исчезло в XIII веке.

Начиная с XIV века, татары-липки, прибывшие с монголами, заселяли части Литвы, Польши, Беларуси, Украины и Румынии. В XIX веке небольшие общины татар мигрировали также в Латвию и Эстонию, но на этот раз из Европы. Татары были очень разнообразной группой, и вскоре они адаптировались к местному образу жизни. Экзогенные браки (в прошлом), языковая ассимиляция и ограниченная роль религии в частной сфере — вот лишь несколько примеров их интеграции и даже ассимиляции в местные культуры. За исключением Крымского ханства (1441–1783), которое было самым долговременным татарским государством в Европе, а также за исключением нескольких случаев восстаний (например, восстание польско-литовских татар

¹ Górak-Sosnowska K. Muslims in Europe: different communities, one discourse? Adding the Central and Eastern European perspective // Górak-Sosnowska K. (ed.). Muslims in Poland and Eastern Europe: Widening the European Discourse on Islam. Warszawa, 2011. P. 12–26. Катажина Горак-Сосновска является доцентом кафедры социологии Варшавской школы экономики, а также доцентом кафедры арабских и исламских исследований Варшавского университета (см. сайт: <http://waw.academia.edu/KG%C3%B3rakSosnowska>).

² Буквально: «Каждая трясогузка хвалит свой хвост».

в Польше в 1672 году), они всегда оставались верны своим европейским принимающим странам, которые вскоре стали их родиной. В европейской истории они, в основном, всегда упоминались в качестве воинов, которые боролись за независимость Польши и поддерживали Наполеона в войне против России [Maréchal 2003: 17].

В Чешской Республике, Словакии и Молдове присутствие мусульман является новым феноменом, и, как новички, они должны были трудиться, чтобы получить признание и институализацию их религии. Словакия, по-видимому, является единственной европейской страной, в которой нет мечетей [Macháček 2010: 307]. В Молдове мусульманская община только что была официально признана государством, это шаг, который, несмотря на несколько спорных моментов, свидетельствует об улучшении политического климата для развивающихся мусульманских общин [Radio Free Europe 2011].

Юго-восточная часть Европы намного разнообразнее, когда речь идет о численности мусульман в составе населения. В Хорватии, Словении и Сербии доля мусульман не превышает 3%, в то время как в Албании и Косово практически каждый придерживается ислама. Сюда относятся как исламизированное автохтонное население, например помаки в Болгарии, албанцы или боснийцы, так и турецкое население, которое обосновалось на Балканах после отступления армии Османской империи в XIX веке. Мусульманское население на Балканах очень разнообразно, и оно часто внутренне разделено по этническому или языковому признаку. Религия не всегда играет роль решающего фактора идентичности. Часто эта роль отводится языку, как и в случае с косовскими албанцами или мусульманами Санджака в Черногории. Кроме языка важна и этническая принадлежность, как в случае с македонским мусульманским населением, в котором численно преобладают албанцы, но также турки, торбеши (славянский язык) и цыгане-мусульмане [Kandler: 601–604].

Даже беглый взгляд на мусульманские общины в Центральной и Восточной Европе показывает их большое разнообразие, при этом ислам и автохтонный характер являются их единственным общим знаменателем. Более того, здесь вряд ли найдется хоть какое-то сходство с мусульманскими общинами старого Европейского Союза, которые также крайне разнородны. Попытки объединить Центральную и Восточную Европу и западноевропейских мусульман достаточно рискованны или очень сложно реализуемы. Перспективы мусульманского иммигранта

или гражданина западноевропейского государства трудно связать с перспективами мусульманского коренного жителя, чья семья проживает на протяжении веков в своей деревне или городе Центральной или Восточной Европы. Расхождение отражается, например, в социальной дистанции между татарами и мусульманскими иммигрантами в Польше, которые имеют собственную организацию, разные цели и конкурируют друг с другом за то, чтобы представлять ислам [Górak-Sosnowska 2010]. Татары имеют историческое превосходство как появившиеся первыми в Польше, и их религиозное объединение является официальным представителем ислама в Польше³; иммигранты, с другой стороны, численно превосходят татар, по крайней мере, в трижды, а некоторые из них (особенно арабы) имеют лучший доступ к религиозным источникам.

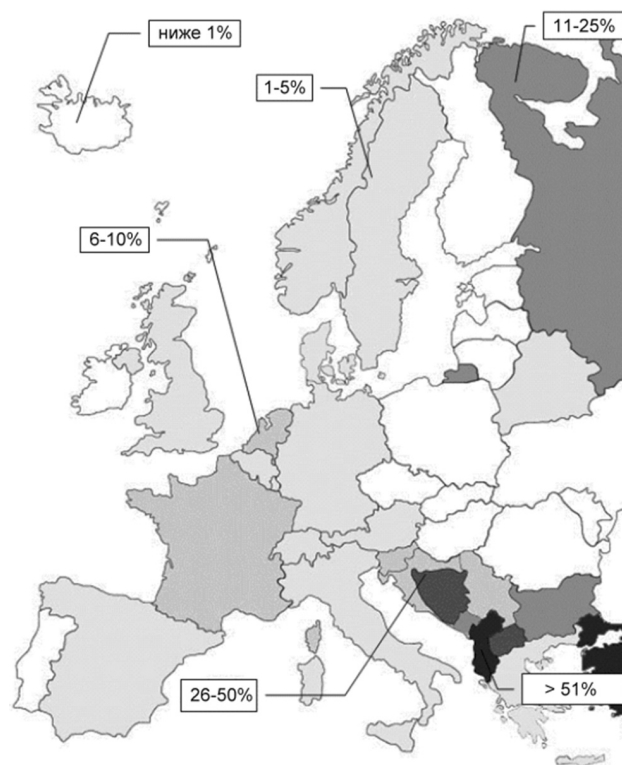

Рис. 1. Число мусульман в европейских странах [Górak-Sosnowska 2009: 55].

³ Точнее говоря, в 2003 году Министерством внутренних дел было зарегистрировано еще одно мусульманское религиозное объединение. Речь идет о Мусульманской лиге Польши, организации, представляющей в основном интересы иммигрантов. Важен тот факт, что Мусульманская лига является официальным представителем ислама в Польше в соответствии с Законом 1936 года об отношении государства к мусульманским религиозным союзам (DZ. U. Nr 30, poz. 240), однако правовой статус Мусульманской лиги до сих пор неясен (см.: [Nalborczyk 2005], а также [Nalborczyk 2011] и [Pędziwiatr 2011]).

Аналогичная напряженность наблюдается и в Литве — здесь преобладает «этнический литовский ислам», который признан государством. Приезжие из мусульманских стран воспринимаются как конкуренты в гонке за государственным финансированием, но, прежде всего, они бросают вызов местной религиозной практике, которая рассматривается арабами как «неисламская» [Racius 2001: 182]. Стоит отметить, что мусульманская иммиграция не всегда приводила к столкновениям с местным населением. Болгария может служить примером этого [Zhelyazkova 2004: 2]. Иммигранты составляют там меньшинство внутри мусульманской общины, и ее этническое (турки, помаки, цыгане, татары и др.) и конфессиональное (суннитское большинство, шииты, алевиты, суфии и др.) разнообразие способствует поглощению иммигрантов. Руководитель совета муфтиев является представителем всех мусульман Болгарии, независимо от их этнической принадлежности [Merdjanova 2010: 63].

Расхождение между «своими» мусульманами и мусульманами-иммигрантами в Центральной и Восточной Европе также отражается и на позиции широкой общественности. По данным опроса, проведенного в Литве⁴, 39% респондентов не хотели бы иметь мусульман по соседству, но только 17% будут возражать против татарского соседа. Около 11% болгар вступили бы в брак с арабом, но 22% не возражали бы против брака с болгарским мусульманином; также вопросы о социальной близости болгарских мусульман набрали почти вдвое больше положительных ответов, чем вопросы о социальной близости арабов [Pamrogov 2009: 30ff]. В Польше подобных исследований не проводилось, но раскол между «нашими старыми мусульманами» и «теми» иммигрантами замечен в дискурсе СМИ [Górak-Sosnowska 2010]. Интересно, что «настоящие» мусульмане обычно вызывают более негативное отношение, чем надежно идентифицируемые автохтонные мусульмане (например, татары, болгарские мусульмане). Это означает, что стереотип «своих» мусульман построен иначе, чем стереотип «иммигранта», особенно в отношении роли религии. Так, в соответствии с приведенным выше исследованием, когда дело доходит до стереотипов «арабского» и «болгарского» мусульманина, то первый обычно воспринимается, как религиозный, фанатичный и богатый, а второй — тру-

долобивый, энергичный и любезный [Pamrogov 2009: 95–97]. В глазах общественности религиозность вообще не является отличительной чертой болгарских мусульман.

Смещенный дискурс и другие мусульмане

Разделение между иммигрантами и автохтонными мусульманами затронуло другую особенность этнической структуры стран Центральной и Восточной Европы. В отличие от Западной Европы, Центральная и Восточная Европа никогда не была популярным местом для иммиграции. В самом деле, большинство стран данного региона являются международными поставщиками рабочей силы. У стран Центральной и Восточной Европы никогда не было колоний, поэтому там отсутствует историческая связь с каким-либо неевропейским регионом. После Второй мировой войны эта территория стала более изолированной от внешнего (то есть западного) мира. Даже если эти страны поддерживали связь с другими социалистическими и коммунистическими государствами из Африки и Азии, то они привлекли в итоге лишь ограниченное число иммигрантов. Чаще всего это были молодые люди, которые приехали в Центральную и Восточную Европу, чтобы учиться. Многие из них остались после окончания учёбы, женились на местных женщинах, и в настоящее время принадлежат к среднему классу или к верхушке общества. После развала советского блока в 1989 году Центральная и Восточная Европа открыли свои границы, но тогда наблюдался только незначительный поток иммиграции. Государства были слишком слабыми и уязвимыми, чтобы привлечь иностранцев, в то время как социалистическое прошлое не было таким уж отягощающим фактором. Также Центральная и Восточная Европа находилась географически слишком далеко от большинства мусульманских стран, чтобы стать прибежищем для нелегальных мигрантов.

Присоединение к Европейскому Союзу (ЕС) некоторых стран ЦВЕ в 2004 и 2007 годах способствовало умеренному росту иммиграции. По сравнению со старым Европейским союзом, новые члены ЕС имеют более низкий ВВП на душу населения и могут обеспечить лишь слабую социальную поддержку для иностранцев. Славянские и финно-угорские языки вряд ли известны за пределами Центральной и Восточной Европы и России, в то время как знание английского или французского языков в странах ЦВЕ ниже, чем в западной части континента. Это ограничивает профессиональные возможности иностранца только физической работой (где нет необходимости общаться)

⁴ Я хотела бы поблагодарить следующих людей за доступ к источникам на славянских и финно-угорских языках: Лиляну Бугалийските (Литва), Инну Симонову (Латвия), Даниэлу Стойка (Румыния) и Дэница Видолова (Болгария).

Таблица 1.

Этническая структура Центральной и Восточной Европы

Источник: Государственный Департамент США (2011), а также оценки из различных Интернет-ресурсов.

	Страна	Доминирующая нация (%)	Другие значительные этнические и национальные группы (%)	Мусульмане (%)
Страны бывшего СССР	Чешская республика	Чехи (94)	Румыны (2), Словаки (2), Силезцы, Поляки, Немцы, Украинцы	0.1
	Венгрия	Мадьяры (90)	Румыны (4), Немцы (3), Сербь (2)	0.2
	Польша	Поляки (98)	Немцы, Украинцы,	0.1
			Белорусы, Литовцы	
	Словакия	Словаки (86)	Венгры (10), Румыны (2)	0.1
	Беларусь	Белорусы (81)	Русские (11), Поляки (4),	0.5
			Украинцы (2)	
	Эстония	Эстонцы (69)	Русские (26), Украинцы (2)	0.3
	Латвия	Латвийцы (60)	Русские (28), Белорусы (4),	0.4
			Украинцы (3), Поляки (2)	
	Литва	Литовцы (85)	Поляки (6), Русские (5)	0.2
	Украина	Украинцы (78)	Русские (17)	0.6
	Босния и Герцеговина	Боснийцы (48)	Сербь (34), Хорваты (15)	40.0
Бывшая Югославия	Хорватия	Хорваты (90)	Сербь (5)	1.3
	Косово	Албанцы (88)	Сербь (7), Горанцы (3), Румыны (2)	90.0
	Македония	Македонцы (64)	Албанцы (25), Турки (4),	29.0
			Румыны (3)	
	Черногория	Черногорцы	Сербь (32), Боснийцы (8),	18.0
		(43)	Албанцы (5)	
	Сербия	Сербь (83)	Венгры (4), Боснийцы (2)	3.2
	Словения	Словенцы (83)	Хорваты (2), Сербь (2)	2.4
Другие	Албания	Албанцы (99)	Греки (1)	99.0
	Болгария	Болгары (84)	Турки (9), Румыны (5)	12.2
			Украинцы (8), Русские (6),	0,2
	Молдова	Молдоване (76)	Гагаузы (4), Болгары (2),	
			Румыны (2)	
	Румыния	Румыны (90)	Венгры (7)	0.2

или международными компаниями (где каждый общается на иностранном языке). Относительно низкая привлекательность данного региона по сравнению с Западной Европой имеет значение не только для мигрантов-мусульман, но и для любых мигрантов не-европейцев.

В *Табл. 1* приводится обзор этнической структуры стран Центральной и Восточной Европы. Вышеградские государства являются наиболее однородными, с этническим большинством, составляющим от 86% (Словакия) до 98% (Польша). В бывших республиках СССР существуют доминирующие этнические группы, наряду со значительным русским меньшинством (от 5% в Литве до 28% в Латвии). Население бывшей Югославии является смешанным, хотя существуют доминирующие группы в каждой стране. Другие балканские государства в значительной степени однородны, однако встречаются и весьма многочисленные меньшинства в каждой стране (за исключением Албании). Отметим, что все остальные национальные группы берут свои корни из соседних стран или местных этнических общин (например, горани, гагаузы, цыгане). Ни в одной из стран Центральной и Восточной Европы нет значительного внешнего меньшинства, достаточно многочисленного для того, чтобы упомянуть его в цитируемой выше статистике.

Страны Центральной и Восточной Европы находятся на более ранней стадии столкновения с «другими» (при условии, что это линейный процесс) в сравнении с их западными коллегами. Большинство «других» являются гражданами соседних стран и часто пользуются статусом национального меньшинства. Существуют коренные этнические группы, которые жили на одном месте в течение веков и стали хорошо знакомы представителям основного общества, или даже влились и стали частью местной культуры. «Далеким другим», то есть приезжие из стран со значительным культурным своеобразием, начали пребывать лишь недавно, и их число по-прежнему невелико. За исключением стран Вышеграда, другие страны Центральной и Восточной Европы легко можно квалифицировать, как мультикультурные, однако это, своего рода, пограничная мультикультурность, которая не обязательно приводит к большей терпимости по отношению к «далеким другим».

Прямой контакт с «далекими другими», то есть с неевропейскими народами, ограничен. В то же время, косвенный контакт — особенно через средства массовой информации — сопоставим с зафиксированным на остальной территории Европы. Дискурс СМИ об исламе сфокусирован

на международной политике и общей ситуации в Западной Европе. Очень редко можно встретить информацию о местных мусульманских общинах. Дискурс Центральной и Восточной Европы об исламе в большинстве случаев является смещенным, то есть он относится к народам и событиям за пределами ЦВЕ, безотносительно к местным реалиям. Мнения зрителей Центральной и Восточной Европы (за исключением Балкан) об исламе, таким образом, формируется из внешних источников. Обычно, хорошо интегрированные и спокойные местные мусульмане становятся жертвами этого «смещенного» дискурса. Страх надвигающихся кампаний по «Евразии» и «прекращению исламизации»[□], прижившийся на плодотворной земле в государствах ЦВЕ, похоже, относится к внешней и нереальной угрозе: во-первых, страны Центральной и Восточной Европы не достигнут в ближайшей (или даже отдаленной) перспективе уровня иммиграции, аналогичного тому, который существует в старом Европейском Союзе; во-вторых, у автохтонного мусульманского населения никогда не возникнет никаких серьезных проблем, социальных или идеологических. Старая волна иммиграции из социалистических мусульманских стран уже хорошо интегрирована в общество, а новоприбывшие иммигранты вряд ли представляют проблему (на самом деле, никто не может утверждать, что они принадлежат к низшим социальным слоям, поскольку еще не были проделаны адекватные исследования данного вопроса). Кроме того, пока не существовало никакой угрозы радикального ислама. Ситуация на Балканах немного другая, так как ислам там включен в политику и национальную идентичность.

Таким образом, можно утверждать, что среднестатистический житель Центральной и Восточной Европы никогда не встречал «настоящих» мусульман (в связи с их малым количеством и из-за ограниченной возможности выезжать за границу), и не слышал о каких-либо проблемах, вызванных местным мусульманским населением. Тем не менее, если задать вопрос о национальной симпатии или антипатии, то респондент определенно укажет на мусульман как на неприятную группу. В Литве мусульман ставят на 4-е место, как наименее желательных этнических или религиозных соседей, они оказались лучше только чеченцев (которые также являются мусульманами), Свидетелей Иеговы и цыган [Etninių tyrimų institutas 2010: 3]. В Румынии люди указывают на огромную социальную дистанцию между румынами и арабами или цыганами, и единс-

Таблица 2.
Этапы взаимоотношений между исламом и Европой
(адаптировано из [Allievi 2009: 10–12]).

№	Фаза	Описание
1	Ислам и Европа	С зарождения ислама до начала 16 века, противостояние и обмен между Европейскими странами и исламским миром.
2	Европа и Ислам	Европейское доминирование в исламском мире, включая колониальное присутствие.
3	Ислам в Европе	Трудовая миграция из мусульманских стран в Европу, начавшаяся после Второй Мировой Войны.
4	Ислам Европы	Консолидация мусульманских сообществ и интеграция в европейские общества; Формирование мусульманского среднего класса, находящегося на границе между Европой и родной страной, и рождение уникальной идентичности
5	Европейский Ислам	Создание уникального европейского ислама, который отличается от ислама в мусульманских странах и который основан на «огражданвании». Его формы зависят от мусульманского и немусульманского окружения.

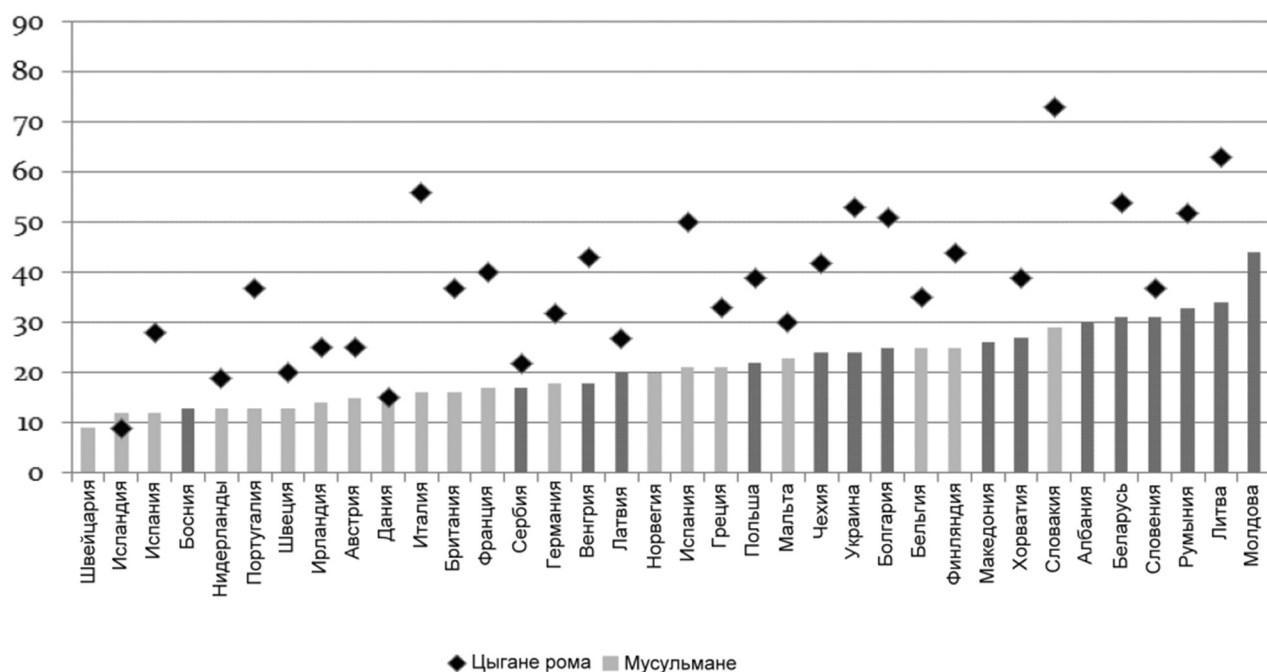

Диаграмма 1.
Европейцы, которые были бы против соседа-мусульманина, % [European Values Study 1999]

твенным значительным отличием является то, что они более негативно настроены к арабам, посещающим Румынию, и цыганам, проживающим в Румынии [TOTEM 2010: 13]. Кроме того, арабы являются наименее приятной группой иммигрантов (данные свидетельствуют о том, что они в два раза менее привлекательны, чем азиаты и жители Южной Америки [Alexe, Paunescu 2011: 124]).

В Латвии около 38% людей считают, что мусульманам должно быть отказано во въезде в страну, а 44% желают видеть мусульман в стране только в качестве туристов [Pilsoniskās izglītības Centrs 2010: 12]. В Польше, по данным ежегодных опросов CBOS, арабы уже много лет — наравне с румынами — занимают последнее место в списке предпочтительных национальностей [ОМС 2011].

Это можно было бы назвать «платонической исламофобией» — негативное отношение к несущему мусульманам [Górak-Sosnowska 2006]. Одно из немногих сравнительных исследований на эту тему, «Исследование европейских ценностей», четко показывает разницу между негативным отношением к мусульманам в странах Центральной и Восточной Европы и в старом Европейском Союзе. Данные относятся к 1999 году, то есть до террористических атак 9/11 на Всемирный торговый центр, которые коренным образом изменили западное восприятие ислама (не говоря уже о европейских терактах в Лондоне и Мадриде), и до вступления в ЕС ряда стран Центральной и Восточной Европы, которое должно было повлиять на отношение к «другим». К этому времени, однако, старый Европейский Союз уже стал домом для многочисленных мусульманских общин и испытал первые проблемы, связанные с ростом исламского присутствия. Западный дискурс об исламе вряд ли был распространен в Центральной и Восточной Европе. Тем не менее, разница между этими двумя регионами очевидна.

Ограничить это повествование только мусульманами было бы несправедливо. В график были добавлены, для сравнения, данные о цыганском народе рома. Эти две тенденции взаимосвязаны — то есть общества, которые приветствовали бы мусульманских соседей, также более открыты и для цыган, по сравнению с обществами, которые высказались против мусульманских соседей. Аналогичное расхождение между Центральной и Восточной Европой и Западной Европой видно в случае с другими меньшинствами, включенными в исследование, не только в этническом или религиозном аспектах; например, к меньшинствам также относятся геи, люди с психическими заболеваниями или ВИЧ-инфицированные люди. Отсутствие опыта взаимодействия с «другими» может являться одним из факторов укрепления растущего страха перед разнообразием.

Различные Европы, различные мусульмане

История контактов между Европой и исламским миром восходит к зарождению ислама в VII веке. За 14 веков модели взаимоотношений и позиции колебались. Стефано Аллиеви иллюстрирует это путем разделения истории европейско-исламских отношений на пять этапов. Два из них составляют вместе более одного тысячелетия. Три последних относятся к нескольким десятилетиям. Фазы не одновременны, так как их течение зависит от страны и поколения мусульман.

Европейские страны с относительно короткой историей мусульманской иммиграции (например, Италия, Испания), в которых большинство мусульман имеют статус иммигрантов, находятся в третьей фазе. Страны с развитой институционализацией ислама (например, Великобритания, Франция) находятся в четвертой фазе. Европейский ислам, как представляется, будет следующей фазой.

По-видимому, фазы отображают отношения между исламом и только старым Европейским Союзом. Можно было бы приписать монгольское нашествие, которое с XIII века привело к татарским поселениям в Восточной Европе, к первому этапу, но к какой фазе отнести 600-летнее присутствие татар в Восточной Европе? Восьмимиллионное мусульманское население на Балканах — иммигранты, прибывшие в Европу между XIV и XIX веками [Parzymies 2005: 25] — появилось гораздо раньше, чем трудовые иммигранты в Западной Европе, но они также не включены ни в какую фазу. Несмотря на длительное присутствие в Европе, большинство из мусульманских общин ЦВЕ также не должны включаться в фазу 5, так как они либо населяют мультикультурные страны бывшей Югославии, которые после многих лет конфликтов и разделов находятся в процессе переговоров и определения своей национальной идентичности (Косово, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина), либо выступают меньшинствами, населяющими страны, которые находятся в процессе строительства нации, что косвенно влияет на положение мусульман (Болгария; [Kandler 2005: 598]). В других странах Центральной и Восточной Европы можно говорить о мусульманских гражданах, но их присутствие (в плане количества) является ограниченным, то же самое можно сказать об их влиянии на общественную жизнь и политику.

Несмотря на эти факты, было бы ошибкой утверждать, что мусульманское присутствие в Центральной и Восточной Европе, особенно на Балканах, не является вариантом европейского ислама. Если бы определение европейского ислама, сделанное Аллиеви, было более обширным (то есть не основывалось на концепции гражданства, но представлялось гораздо шире, чем принятие определенного правового статуса), то можно было бы смело считать, что европейский ислам это не проект, а реальность. Ограничение европейского ислама только старым Европейским Союзом помогает поддерживать и претворять в жизнь образ ислама как «другого», стоящего

в стороне от коллективной исторической памяти Европы и просто не принадлежащего ей [Larsson, Račius 2010: 352f].

По-видимому, слишком поспешным и слишком поверхностным будет утверждение о том, что отсутствие мусульман ЦВЕ в европейских исследованиях по исламу вызвано исключительно спецификой конструирования «исламского другого». Также это не может объясняться ограниченной численностью мусульман или политической закрытостью данного региона до 1989 года (хотя государства ЦВЕ, вне зависимости от принадлежности к Европейскому Союзу, находятся на периферии Европы — по крайней мере, с западноевропейской точки зрения). В гораздо большей степени, по-видимому, это вызвано ограниченным доступом к исследованию мусульман в странах Центральной и Восточной Европы.

Причиной отсутствия темы центрально-европейского и восточноевропейского ислама в мейнстриме исследований является отсутствие доступа к соответствующей литературе и полевой работе. Полевые исследования требуют свободного владения славянскими и финно-угорскими языками, а знание английского языка значительно ниже в Южной и Восточной Европе в сравнении с Западной⁵. Местный проводник был бы также весьма желателен, поскольку доступ к мусульманским общинам в некоторых странах ЦВЕ может быть ограничен, в связи с их малым числом или из-за их жизни в закрытых сельских общинах, в которых с подозрением относятся к посторонним. В странах Центральной и Восточной Европы, где имеет место маргинализация исламского населения, достаточно проблемно вообще найти мусульман. Нельзя встретить мусульманина просто на улице, хотя статистически один человек из тысячи придерживается ислама. Мусульмане также могут посчитать новые исследования скучными, не захотеть заполнять опросники или давать интервью. Это также связано с новой тенденцией в написании диссертаций об исламе по общественным и гуманитарным наукам. Существует множество интернет-запросов от студентов,

которые стремятся найти мусульманских респондентов для своих работ. В Польше имеются несколько «дежурных мусульман» — татар, обращенных и иммигрантов — на которых обычно ссылаются, если эссе должно быть закончено к сроку, или статья должна быть срочно написана. Иногда случается, что мусульмане искажают информацию, или их слова потом искажаются в средствах массовой информации; многие из них стесняются говорить с исследователями или журналистами. Хороший способ получить информацию — это найти инсайдера. Тем не менее это требует установления многочисленных контактов. Среди групп, доступ к которым сравнительно прост, можно отметить чеченских беженцев, поскольку они остаются в центрах для беженцев и относительно многочисленны (примерно 5 тысяч человек в Польше).

Литература о местной мусульманской общине (если таковая имеется) публикуется в основном на родных языках, и, следовательно, вряд ли доступна для иностранных ученых. В результате, ислам ЦВЕ продвигается по всему миру и на Западе, лишь парой исследователей, которые интересуются этой частью мира⁶, или людьми с Востока, которые живут на Западе⁷. Сейчас Центральная и Восточная Европа включена в более широкие рамки исследований автохтонных мусульманских общин — татар (Балтийские страны, Польша, Беларусь) и тюркских народов (Балканы, Венгрия). Прорыв был сделан ежегодным журналом «Мусульмане в Европе» (Brill, вып. 1, 2, 2010–2011). В первом томе представлены профили всех европейских стран, при этом две из шести статей во втором томе относятся к проблемам Центральной и Восточной Европы (исламское образование в Болгарии и на Балканах).

⁶ См., например: *M. Neuburger*. The Orient within: Muslim minorities and the negotiation of nationhood in modern Bulgaria. Cornell University Press, 2004; *K. Ghodsee*. Muslim Lives in Eastern Europe: Gender, Ethnicity and the Transformation of Islam in Postsocialist Bulgaria. Princeton University Press, 2009; *G. Larsson* (ed.). Islam in the Nordic and Baltic countries. Routledge, 2009. История восточных и юго-восточных мусульманских сообществ была детально исследована и задокументирована Т. Норрисом в его книгах: *Islam in the Balkans: Religion and Society Between Europe and the Arab World*, University of South Carolina Press, 1993; *Islam in the Baltic: Europe's Early Muslim Community*, Tauris Academic Studies, 2009; *Popular Sufism in Eastern Europe*, Routledge, 2011.

⁷ См. например: *A. Minkov*. Conversion to Islam in the Balkans. Brill, 2004; *G. Nonneman, T. Niblock, B. Szajkowski* (eds.). Muslim Communities in the New Europe. Ithaca Press, 1997; *A. Eminov*. Turkish and other Muslim minorities in Bulgaria. Routledge, 1997.

⁵ Если не считать Хорватию и Словению, то знание английского языка в странах ЕС из Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы колеблется между 11 % (Латвия) и 23 % (Эстония, Румыния). В Хорватии 41 % респондентов заявили, что они могут поддержать разговор на английском языке, а в Словении — 34%. В ЕС₂₅ среднее число людей, владеющих английским, составляет 30% [Eurobarometer 2006: 144].

Просмотрев литературу по Центральной и Восточной Европе и по западным мусульманам, можно сделать вывод о том, что имеющиеся подходы существенно различаются. Западный подход фокусируется на миграционных исследованиях, в то время как Восточный — на этнографии и истории. На формирование такого акцента влияет сам предмет исследования. В случае с мусульманскими иммигрантами и их детьми, решающее значение имеет изучение процессов интеграции и аккультурации, а также институционализации ислама и возникновения мусульманской идентичности. Вопрос заключается в том, как традиционные культуры адаптируются к светским и либеральным реалиям запада. Проблемы, которые ставятся при исследовании автохтонных мусульман Центральной и Восточной Европы, совсем иные: на каком языке они привыкли говорить, как менялось их чувство этнической и национальной принадлежности на протяжении веков, каково их отношение к недавно начавшейся миграции из мусульманских стран. Ядро составляет не столько вопрос об аккультурации, сколько вопрос о сохранении традиций. Западный постмодернизм это не проблема, не точка отсчета, поскольку он еще не проник во многие области ЦВЕ; он, конечно, является угрозой для мусульман, но не более чем для любой другой религиозной группы.

К тому же, модели религиозности в Центральной и Восточной Европе и у мусульман-иммигрантов являются разными. Это наиболее ярко отражено в напряженности отношений между татарами и мусульманскими общинами иммигрантов в Польше [Górak-Sosnowska 2010b] и Литве [Račius 2001]. Сосуществование было мирным и взаимовыгодным до конца 1990-х годов, когда автохтонные мусульмане помогали товарищам по вере найти свое место в Центральной и Восточной Европе с ее многообразием сообществ, в то время как иммигранты (в основном из арабских стран) помогали автохтонным мусульманам с религиозным образованием. Арабский язык никогда не был родным ни для одной из местных мусульманских общин ЦВЕ, а так как они жили вдалеке от исламского мира и на протяжении многих лет имели ограниченную связь с международной уммой, то даже элементарные знания арабского являлись редкими, не говоря уже о понимании оригинального текста Корана. Это часто относилось и к местным религиозным ученым, которые были далеки от того, чтобы свободно говорить на арабском языке. Таким образом, новоприбывшие мусульмане открыли доступ к религиозным

источникам, которые были незнакомы мусульманам Центральной и Восточной Европы. Однако этот первоначальный симбиоз скоро превратился во взаимное поучение. На автохтонный ислам ЦВЕ повлияла местная христианская и славянская культура. Это находит отражение как в некоторых ритуалах и практиках, так и в ограничении религиозности частной сферой. Как объясняет Кристен Годси:

«В повседневной жизни существует мало болгар, которые бы называли себя мусульманами и воздерживались от напитков или свинины, и обычно игнорировали бы различные практики, связанные с бытом мусульман. Сторонники «ортодоксального» ислама связывают эту слабость с местной мусульманской культурой, в которой присутствует недостаток образования и отсутствует критичность мышления по поводу того, что значит быть мусульманином в Болгарии» [Ghodsee 2010: 19].

«Ортодоксальный» ислам, который Годси имеет в виду и который известен в Болгарии как арабский ислам, или «истинный» ислам, — это салафитские/ваххабитские практики, навязанные автохтонным мусульманам Болгарии. Это, конечно, вызывает сопротивление среди местного населения. Подобный ислам «импортирован», и поэтому он чужд; очевидно, он не будет работать в европейских условиях. Как объяснил один из польских татар:

«Я не в восторге от арабской исламской культуры, потому что у меня она ассоциируется с религией классов, принадлежащих арабам. Это не очень хороший опыт, поэтому я часто не принимаю участие в подобных практиках. Арабы навязывают нам свою интерпретацию религии, они говорят нам, что разрешено, а что нет... Арабы совсем не понимают, что мы живем в Польше, что у нас XXI век. Они из другого мира. Я мусульманин, мои предки были мусульманами, но я держусь подальше от арабов, потому что они не понимают нас» (цит. по [Górak-Sosnowska, Łyszczarz 2009]).

Даже если «ортодоксальный» ислам и пытается найти опору в старом Европейском союзе, социальные установки в ЦВЕ совершенно иные и вряд ли сопоставимы. Это не борьба против светских обычаев западных мусульман, но война против фольклора и «невежества» мусульман Центральной и Восточной Европы. Фактически, секуляризм мусульман Центральной и Восточной Европы несет на себе печать народного фольклора и ассимиляции в местной славянской или финно-угорской культуре, и он не свободен от этничнос-

ти; такую же печать несет эволюция религиозности второго и последующих поколений иммигрантов-мусульман на Западе [Mandaville 2002: 24]. Таким образом, европейский ислам Центральной и Восточной Европы является этническим, и он далек от того, чтобы быть универсалистским; на Западе же ислам ориентирован на универсализм, и, следовательно, он отделен от этнических и национальных элементов.

Возникает вопрос: сопоставимы ли эти две группы вообще? Исследователи из Центральной и Восточной Европы отчасти находятся в лучшем положении, потому что они еще могут применять западную методологию для изучения случаев недавней мусульманской иммиграции или современных автохтонных мусульман. Это, однако, очень трудно делать, так как не существует достаточной научно-исследовательской базы. Исследователям Центральной и Восточной Европы легче идти по хорошо проторенному пути и обращать внимание на то, что всегда являлось приоритетным — например, изучение этнологии и истории местных мусульман.

Заключение

Хотя Центральная и Восточная Европа разработала свою уникальную модель европейского ислама, в которой автохтонные мусульманские общины вносят свой вклад в местную и национальную культуру, такая структура вряд ли может быть перенесена на западноевропейские реалии. Противоположный сценарий кажется гораздо более вероятным, а именно: что странам ЦВЕ придется частично использовать опыт Западной Европы для того, чтобы управлять своими мусульманскими общинами иммигрантов и решать проблемы, которые наиболее часто встречаются в Европе, такие как дискриминация в отношении мусульман, негативное освещение в СМИ, институционализация ислама.

В то же время, опыт взаимодействия ЦВЕ со своим мусульманским населением определенно может обогатить западный дискурс об исламе. Он не только показывает то, чем европейский ислам являлся на протяжении веков, но и бросает вызов подходу детерминизма, согласно которому именно ислам препятствует интеграции мусульман в жизнь западного общества. Гораздо более вероятно, что социально-экономические условия мусульманских иммигрантов накладываются на очень слабый культурный уровень, и все это тянет их вниз по социальной лестнице.

В то время как мусульмане Западной Европы хорошо известны в Центральной и Восточной

Европе, как для исследователей⁸, так и — через средства массовой информации — для широкой публики, мусульмане ЦВЕ практически ничего не сделали для пробуждения интереса к ним в западных научных кругах. С другой стороны, динамично развивающиеся исследования мусульман в Европе и обширная литература по этой теме заставили нескольких западных исследователей продвинуться дальше на Восток. Совместные проекты, которые сочетают Западную, Центральную и Восточную Европу и их взгляд на ислам и мусульман, могут быть выгодны обеим сторонам; с их помощью можно построить дополнительный мост между двумя частями европейского континента.

Список литературы

- Alexe, Paunescu 2011 — Alexe, I., Păunescu, B. (2011). Study on the Immigration Phenomenon in Romania. The Aliens' Integration into the Romanian Society. Funda-ia Soros România.
- Allievi 2009 — Allievi, S. (2009). Conflicts over mosques in Europe. Policy issues and trend. NEF Initiative on Reform and Democracy in Europe, Alliance Publishing Trust.
- CBOS 2011 — CBOS (2011). 'Stosunek Polaków do innych narodów'. BS/13/2011.
- Etninių tyrimų institutas 2010 — Etninių tyrimų institutas (2010). 'Lietuvos socialinių tyrimų centro Etninių tyrimų instituto užsakymu atliktos visuomenės nuomonės apklausos rezultatų sąžalga'. Vilnius.
- Eurobarometer 2006 — Eurobarometer (2006, February). 'Europeans and their Languages', 243, http://ec.europa.eu/education/languages/pdf/doc631_en.pdf
- European Values Study 1999 — European and World Values Surveys four wave integrated data file, 1981–2004, vol.20060423, 2006. Surveys designed and executed by the European Values Study Group and World Values Survey Association. File Producers:

⁸ Например, в Польше имеются, по меньшей мере, семь научных книг о мусульманах в Западной Европе, написанных польскими авторами: A. Parzymies (ed.). Muzułmanie w Europie. Warszawa, 2005; K. Górak Sosnowska, K. Pędziwiatr, P. Kubicki (eds.). Islam i obywatelskość w Europie. Warszawa, 2006; M. Nowaczek-Walczak. Życie codzienne w muzułmańskim Mardycie. Warszawa, 2012; K. Pędziwiatr. Od islamu imigrantów do islamu obywateli: muzułmanie w krajach Europy Zachodniej. Kraków, 2005; M. Widy. Życie codzienne w muzułmańskim Paryżu. Warszawa, 2005; M. Zawadewicz. Życie codzienne w muzułmańskim Londynie. Warszawa, 2008; I. Kielan Glińska. Muzułmanie w laickiej Francji. 1974–2004. Kraków, 2009; A. Nalborczyk. Zachowania językowe imigrantów arabskich w Austrii. Warszawa, 2003.

ASEP/JDS, Madrid, Spain and Tilburg University, Tilburg, the Netherlands. File Distributors: ASEP/JDS and GESIS, Cologne, Germany. <http://www.europeanvaluesstudy.eu/evs/>.

Ghodsee 2010 — Ghodsee, K. (2010). Muslim Lives in Eastern Europe: Gender, Ethnicity, and the Transformation of Islam in Postsocialist Bulgaria. Princeton University Press.

Górak-Sosnowska 2010a — Górak-Sosnowska, K. (2010a). Organizacje muzułmańskie w Polsce. In: Instytucje religijne w krajach Unii Europejskiej. Wybrane problemy. E. Firlit (ed.). Warszawa: Szkoła Główna Handlowa w Warszawie.

Górak-Sosnowska 2010b — Górak-Sosnowska, K. (2010b, 26th March). 'Dlaczego NIE chcemy meczetu?' Arabia.pl, <http://www.arabia.pl/content/view/292659/132/>.

Górak-Sosnowska, Kubarek 2009 — Górak-Sosnowska, K. & Kubarek, M. (2009). Islamimaaailmas. Didaktiline materjal keskkooliõpetajatele. Eesti Arengukoostöö & Eesti Välispolitika Institut.

Górak-Sosnowska, Łyszczař 2009 — Górak-Sosnowska, K. & Łyszczař, M. (2009). (Un)islamic consumers? The case of Polish Tatars. In: Muslim Societies in the Age of Mass Consumption: Politics, Culture and Identity between the Local and the Global. J. Pink (ed.). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Górak-Sosnowska 2006 — Górak-Sosnowska, K. (2006, 23rd January). 'Platoniczna islamofobia?' Arabia.pl, <http://www.arabia.pl/content/view/282077/2/>.

Kandler 2005 — Kandler, H. (2005). Südost und Osteuropa. In: Islam in der Gegenwart. Entwicklung und Ausbreitung Kultur und Religion, Staat, Politik und Recht. W. Ende & U. Steinbach (eds.). München: C. H. Beck.

Macháček 2010 — Macháček, Š. (2010). Czech Republic. In: Yearbook of Muslims in Europe. J. Nielsen and al. (ed.). Vol. 1. Leiden: Brill.

Mandaville 2002 — Mandaville, P. (2002). Europe's Muslim Youth: Dynamics of Alienation and Integration. In: Islam in Europe and the United States. S. Hunter & H. Malik (eds.). Washington: Center for Strategic and International Studies.

Maréchal 2003 — Maréchal, B. (2003). From Past to Present. In: Muslims in the Enlarged Europe. B. Maréchal, S. Allievi, F. Dassetto, J. Nielsen (eds.). Vol. 2. Leiden: Brill.

Merdjanova 2010 — Merdjanova, I. (2010). Bulgaria. In: Yearbook of Muslims in Europe. J. Nielsen and al. (ed.). Vol. 1. Leiden: Brill.

Parzymies 2005 — Parzymies, A. (2005). Wprowadzenie. In: Muzułmanie w Europie. A. Parzymies (ed.). Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Dialog.

Pilsoniskās izglītības centrs 2010 — Pilsoniskās izglītības centrs (2010). 'Etniskā daFādība un lēmumu pieņemšana: poli tiķu un minoritāšu dialogs'. Rīga.

Radio Liberty 2011 — Radio Liberty (2011) // http://www.rferl.org/content/moldova_recognition_of_muslims_angers_conservatives/24177283.html.

TOTEM 2010 — TOTEM & Institutul NaFional pentru Studierea Holocaustului din România "Elie Wiesel" (2010, November). 'Sondaj de opinie'.

US State Department 2011 — US State Department (2011). Background notes, <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/in dex.htm>.

Zhelyazkova 2004 — Zhelyazkova, A. (2004). Immigrants from the Near and Middle East in Bulgaria. Sofia: International Centre for Minority Studies and Intercultural Relations.

ЧЕРЕЗ ЛАБИРИНТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: МУСУЛЬМАНЕ ГЕРМАНИИ ПЫТАЮТСЯ НАЙТИ СВОЙ ПУТЬ МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ, НАЦИОНАЛИЗМОМ И ЕДИНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ¹

М. Энгелбрехт

*Ph.D., эксперт Немецкого федерального управления
по миграции и проблемам беженцев*

1. Введение.

Иногда краткосрочные контакты с мусульманами действительно могут привести к ошибочным представлениям, но самой большой ошибкой в данном случае было бы считать их однородным сообществом. Действительно, есть ряд общих, непререкаемых величин, включающих, например, совместное почитание пророка, Коран и некоторые формы ортопраксии, которые составляют то, что можно назвать основополагающими характеристиками людей, считающих себя мусульманами. Но если посмотреть чуть глубже этих общих основ, сразу начинается бесконечный процесс интерпретаций, мнений и дискуссий о том, *что* представляет собой подлинное ядро комплексной социальной системы. Как и в случае с носителями христианских представлений, меньшая часть мусульман являются «религиозными знатоками», большая же часть состоит из «неспециалистов» (если использовать терминологию Вебера [Weber 1980: 327f])².

Как и в любой другой религии, духовные элементы и структуры смешиваются в исламе с местными традициями и с идеями национализма (с тех пор как получила развитие концепция современной нации [Anderson 1991]). В данной статье рассматриваются текущие проблемы мусульман Германии и делается попытка найти общий базис на уровнях идентичности и организации. В силу того, что турецкие иммигранты составляют 78% от числа всех мусульман Германии [Brettfeld, Wetzel 2007: 86] и оказывают определяющее воздействие на ситуацию, все доводы и аргументы

будут, в первую очередь, касаться именно этой категории людей; лишь частично будут затрагиваться немецкие мусульмане-сунниты и мусульманам с другими корнями. В силу ограниченности объема, данная статья содержит лишь самые базовые пункты анализа сложной ситуации.

2. Исторические корни ислама.

Для понимания исторических корней современного положения ислама в Германии, нужно начать с развала Османской империи. Как и в других европейских многонациональных монархиях, взаимная лояльность различных этнических групп, входящих в состав империи, была основана на крепком сочетании династии и религии. После окончания Первой мировой войны Ататюрк и его последователи смогли с помощью силы и военного мастерства возглавить новое государство, появившееся на «обломках» Османской империи (ср., например, [Seufert, Kubaseck 2006], [Schiffauer 2000: 41–47]). Чтобы привить по-прежнему гетерогенному населению [Zentrum für Türkeistudien 1998] новую идентичность «турецкой нации», говорящей на государственном турецком языке, пришлось провести практически «культурную революцию» [Seufert, Senocak 2006: 32]; для этого потребовалась повсеместная государственная пропаганда национализма. Поначалу религия выполняла роль контрсилы модернизации, и она находилась под строгим федеральным контролем специально установленного департамента, который назывался «Diyanet İşleri Reisliği» [Schiffauer 2000: 44]. Несколько «частных» исламских организаций были созданы в рамках ответной реакции на подобную политику, некоторые из них впоследствии обосновались в Германии (ср., например, [Zentrum für Türkeistudien 1997]). И все же суннитскому исламу было суждено вскоре вернуться в политику, но уже в качестве дополнительной опоры для новой хрупкой идентичности (ср., например, [Seufert 1997]). Позднее, с пробуждением ислама после иранской революции, религия в целом восстановила свои позиции на поли-

¹ Engelbrecht M. Through the Maze of Identities: Muslims in Germany Trying to Find Their Way Between Religion, Traditionalism, Nationalism and the Question of Organisation // Kreienbrink A., Bodenstein M. (eds.). Muslim Organisations and the State — European Perspectives. Beiträge zu Migration und Integration, Band 1, 2010 (pp. 151–168).

² Вебер делает различие между религиозными «знатоками», то есть людьми, для которых религия составляет основу их жизни и биографии, и «неспециалистами», то есть людьми, в чьей жизни и биографии можно найти (иногда даже очень много) религиозные элементы, но эти элементы не формируют, в конечном счете, жизненную основу.

тической арене, и она остается там до сегодняшнего дня, являясь наиболее спорным компонентом (ср., например, [Houstein 2006]).

В 1961 г. немецкие власти инициировали контролируемое государством трудовую миграцию из нескольких средиземноморских стран, включая Турцию (ср. для последующ. [Goldberg et al. 2004]). Большинство турецких иммигрантов приезжали из восточных неразвитых сельских районов. Не являясь изначально ни этнически, ни религиозно единым сообществом, эти люди были скреплены лишь низким уровнем образования, работой в низкооплачиваемых областях, а также постоянным чувством отчужденности от того общества, в которое они попали. В сравнительно короткое время они стали разбиваться на группы в соответствии с их возможностями и готовностью адаптироваться к новой ситуации. В течение последних десятилетий средний класс иммигрантов сильно развился и стал частью немецкой культурной и политической жизни. Бизнесмены с иммигрантскими корнями сделали существенный вклад в развитие германской экономики. Но не все иммигранты смогли хорошо устроиться. Большая часть приезжих так и не смогли освоить немецкий язык на должном уровне, и их компетенция ограничилась общением на немецком в повседневных ситуациях; этот факт оставил примерно треть нового поколения иммигрантов без возможности получить какую-либо профессию [Goldberg et al. 2004: 31ff.]. Несмотря на структурный регресс, с которым столкнулись иммигранты, решающую роль сыграл субъективный фактор, тесно связанный с человеческими взглядами на мир: «В современных обществах большая часть образовательного влияния на детей принимается теми институтами, которые практикуют интегрирующее воздействие и транслируют культурную компетентность, а также доминирующие социальные нормы и законы. Турецкие семьи видят в этом частичную потерю образовательного влияния — фактор, который может привести к возникновению оппозиции на их стороне. Противясь этому, родители иммигрантов могут развивать амбивалентное отношение к немецким образовательным институтам и к получению более высокого уровня профессиональной квалификации их детьми» (см. [Goldberg et al. 2004: 30–31]; по поводу мотивов, скрывающихся за амбивалентностью взглядов ср. главу 4) ³.

Иммигранты приехали в страну, лишенную какой-либо внутренней структуры, связанной с религией. Постепенно большинство смас-

теренных, в основном турецких мечетей, находящихся в домах и фабричных зданиях, были отнесены к одной из больших турецких организаций [Schiffauer 1997: 190–211]. Эти организации (для более подробного описания см. [Zentrum für Turkeistudien 1997] или [Dietrich 2006]) предлагали иммигрантам большой выбор услуг: религиозные курсы, литературу (на турецком языке), совместные паломничества, организацию погребения в Турции и т. д. Вторым, но менее очевидным эффектом было то, что эти организации (все они имели свои штаб-квартиры в Турции) начали обрабатывать потоки иммигрантов в соответствии с турецким политическим дискурсом.

Помимо турецких организаций, на территории страны развивались многочисленные мелкие религиозные группы; чаще всего они создавались другими иммигрантами и немецкими новообращенными. Так, например, была создана организация ZMD (Центральный комитет мусульман в Германии), члены которой успешно выступали в качестве переводчиков и посредников между мусульманами и германским обществом, а также преуспевали в организации маленького, но «влиятельного» мусульманского дискурса на немецком языке; тем не менее, данная организация оказалась слабой, она так и не смогла заручиться достаточной поддержкой у турецких иммигрантов.

Со времени первой волны иммигрантов немецкое общество изменило свое отношение к приезжим в двух основных аспектах. Во-первых, и власть, и общество в последние десятилетия с неохотой начали признавать, что иммигранты приехали в Германию, чтобы остаться здесь жить. Во-вторых, то, что последние двадцать лет было принято считать «проблемой гастарбайтеров», вскоре после иранской революции изменилось и всплыло уже под названием «проблема интеграции ислама» [Schneider 2005: 67].

3. Современное состояние мусульманских моделей.

В то время как старые исследования в основном сводились к изучению турецких иммигрантов (ср. [Zentrum für Turkeistudien 2005]), более современные данные могут быть получены из исследований, изучающих мусульман любой этнической принадлежности, включая немецких новообращенных [Brettfeld, Wetzel 2007] ⁴.

³ Если эксплицитно не указано иное, то все цитаты из немецких источников были переведены автором.

⁴ При сравнении данные исследований 2005 года, в которых изучались турецкие иммигранты, и материалы исследований 2007 года, которые охватывали мусульман всех национальностей, дают одинаковые тенденции развития — преобладание турецкого ислама в Германии.

Таблица 1. Значение религии в повседневной жизни, % [Brettfeld, Wetzel 2007: 114f]

Вопрос	Абсолютно незначима	Скорее незначима	Достаточно значима	Очень значима
Насколько значимой в повседневной жизни лично для вас является религия?	6,1	12	32	49,9 *

* Подобные показатели часто заставляют исследователей ошибочно причислять большинство мусульман к религиозным «знатокам», используя вышеупомнутый термин Вебера. Но этого не следует делать. Данные числа говорят о желании людей жить в религиозно упорядоченном мире (не обязательно государстве) и постигать соответствующий опыт. Но, как показал Вебер, человек может не быть «знатоком» в мире, полностью упорядоченном в соответствии с религиозными принципами.

Таблица 2. Ряд мнений по некоторым вопросам, касающимся ислама в Германии, % [Brettfeld, Wetzel 2007: 116, 118, 176, 177]

	Я полностью не согласен	Я по большей части не согласен	Я, в общем-то, согласен	Я полностью согласен
Я верю, что Коран — это, действительно, божественное откровение	6,6	4,5	9,4	79,6
Угроза, которую представляет западный мир, оправдывает силовую защиту мусульман	46,7	15	20,4	17,9
Важно адаптировать изучение ислама к условиям современного мира	11,8	8,6	25,4	54,1
Акты террористов-смертников во имя Аллаха являются грехом и оскорблением Бога	4,7	2,7	7,8	84,8
Закон должен запретить мусульманам менять свою религию	58,7	11,5	7,2	22,3

Согласно одному из таких опросов, уровень религиозности представлен следующими цифрами:

Но как было сказано ранее, за этим поверхностным единообразием скрывается большое количество совершенно разных мнений по поводу каждого существенного вопроса. Об этом свидетельствует следующая таблица:

Глядя на социальные структуры, скрывающиеся за данными мнениями, можно выявить некоторые связи между религиозными и другими факторами:

— «замечено, что интеграция в «принимающее» общество... осложняется различными проблемами, масштаб которых коррелирует со стро-

гостью религиозных границ в этом обществе» [Brettfeld, Wetzel 2007: 139];

— недостаток интеграции [Brettfeld, Wetzel 2007: 149] и образования [Brettfeld, Wetzel 2007: 147] идут рука об руку с внутренней неготовностью к принятию демократических ценностей;

— язык играет ключевую роль в интеграции: те, кого можно назвать интегрированными в общество, показывают хороший уровень владения немецким языком [Brettfeld, Wetzel 2007: 93–98].

Большинство мусульман до сих пор не считают себя немцами и сохраняют тесную связь со своей родной страной [Brettfeld, Wetzel 2007: 93]. Цифры также показывают, что данная тенденция может

Таблица 3. Ключевые положения для интеграции, % [Brettfeld, Wetzel 2007: 99].

	Я полностью не согласен	Я, в общем-то, не согласен	Я согласен по большей части	Я полностью согласен
Приезжие в Германию должны сохранять свою культуру	1,6	4	22,8	71,6
Иммигранты, приезжающие в Германию, должны адаптировать свое поведение к немецкой культуре	7,9	9,5	37,2	45,4
Различные этнические группы должны жить отдельно, дабы избежать проблем	76,4	14,6	4,9	4,1

сохраняться одновременно с идущим процессом интеграции в новую социальную среду, и она не обязательно подразумевает самоизоляцию.

4. Точки опоры для конструкции мусульманской идентичности.

Очевидно, связь между религией и интеграцией является неоднозначной. Хотя имеется взаимосвязь между хорошей интеграцией и низким уровнем религиозности [Brettfeld, Wetzel 2007: 138–139], но отсюда вовсе не следует, что тот, кто религиозен — непременно с трудом интегрируется. Религия не является неструктурированным полем, и существуют определенные комплексные системы во взглядах иммигрантов, которые помогают или затрудняют интеграцию. Основываясь на результатах многочисленных исследовательских проектов, осуществленных в последние годы (ср., например, [Engelbrecht 2006], [Karakasoglu-Aydin 2000], [Kelek 2002], [Klinkhammer 2000], [Tietze 2001] и др.), можно определить некоторые «точки опоры» перманентного формирования религиозной и духовной идентичности ⁵.

4.1 Традиция vs. традиционализм.

Вместе с собой иммигранты привозят свои убеждения, привычки, традиции и взгляды, которые являются нормативными для них или хотя бы являлись таковыми в их родной стране. Можно сразу ответить на предполагаемое возражение

в связи с этим: совершенно нормально для мигрантов иметь позитивное отношение к своим традициям. Но бескомпромиссно настаивая на сохранении исконных традиций в совершенно ином обществе, они могут породить в результате традиционализм ⁶, который в долгосрочной перспективе приведет к созданию параллельного общества, подобного музею. Из этого вытекает одна из центральных и наиболее болезненных тем: какие из традиций иммигрантов являются полезными и обязательными, а какие — избыточными и даже вредными для жизни в Германии. Конечно, нет единого прямого пути, по которому передается духовное наследие от одного поколения к другому. В отношении иммигрантов, можно сказать, что передача происходит через целый комплекс источников. Некоторые из иммигрантов смешивают традиции отцов, некоторые, наоборот, следуют их традициям еще более строго, но большинство ищет некий компромисс, который, так или иначе, примиряет мир их отцов с их собственным. Стоит отметить, что набор опций растет или уменьшается в соответствии с лингвистическими способностями.

4.2 Универсализм.

Ключевой момент в этом вопросе — универсалистское понимание ислама. Как и христианство, ислам хочет быть религией для людей с любым цветом кожи, любой языковой принадлежностью

⁵ Сейчас нет возможности детально разбирать различные теории «идентичности», как аналитического, так и политического толка (например, о дискуссиях в Германии см. [Meuer 1997]). Хотя «идентичность» зачастую понимается как редкий и убывающий ресурс, который находится в постоянной опасности, все же в контексте нашей аргументации идентичность представляется открытым процессом интеграции и отбора одновременно на индивидуальном (биографическом) уровне и коллективном (дискурсивном) уровне.

⁶ Традиционалистский взгляд на «веру» выглядит, например, следующим образом: «Исламская вера не нуждается в реформации, изменениях или обновлениях... Теории некоторых радикалов, новообращенных и реформаторов абсолютно неверны. В Исламе нет места реформам... Реформы и изменения могут происходить только в испорченных религиях, людских идеологиях и учениях» [Bundesministerium des Innern 2006: 218] (цитируется «Milli Gazete» 9.9.2005: 4)

или национальностью. Не только многочисленные немецкие новообращенные, но также и молодое поколение турецких иммигрантов — чаще религиозных «знатоков» с хорошим знанием языка — склоняются к данной интерпретации. Как они сами отмечают: они ищут «настоящий» ислам под «традиционным». Молодая девушка во время опроса заметила, что «имеется тонкая граница между традицией и исламом. То, что не прописано в Коране — традиция. Многие традиции, конечно, могут быть хорошими, не все традиции отрицаются Кораном. Но если что-то открыто противостоит исламу, вам нужно этого избегать, хотя бы в отношении себя» [Klinkhammer 2000: 170]. Для многих мусульманских иммигрантов второго поколения концепт «настоящего» ислама предоставляет религиозные и духовные рамки, основываясь на которых они могут строить свое будущее, используя ценности предков и немецкого общества. В контексте общемировой исламской культуры, они пытаются найти новый путь между «современными» и «традиционалистскими» ценностями; дискуссии разгораются именно вокруг того, нужно ли следовать по пути этической «убеждения» или этической «ответственности», используя термины Вебера [Weber 1997: 328]. Можно сразу прокомментировать предполагаемые возражения: бескомпромиссная этика «убеждения» часто приводит к тому, что называют фундаменталистским отношением. Как правило, фундаменталистские позиции обнаруживаются в традиционалистском или националистическом исламском дискурсе, так что наиболее многообещающие модели того, как можно быть религиозным мусульманином в открытом обществе, обнаруживаются в универсалистском дискурсе, основанном на этике «ответственности» (ср., например, [Abou el Fadl 2001]).

4.3 *Нация vs. национализм.*

Вопрос о националистическом измерении в конструкциях идентичности второго поколения мусульман, скорее всего, затеряется в продолжительных и оживленных спорах о религиозном фундаментализме в Германии (об исторических корнях турецкого национализма см. пункт 2). Нужно уточнить, что для иммигрантов совершенно нормально — даже вплоть до 3-го и 4-го поколений — сохранять сильную связь с родиной своих предков. Но если осуждается приверженность новому государству и обществу, и делается вывод, что таковое служение может расцениваться как предательство страны предков, то имеются все основания говорить о губительном национализме.

В этом плане турецкий национализм существует как в светской форме (покоясь исключительно на концепта «нации», «культуры», «языка» и т. д.), так и в религиозной; последняя часто сочетается с традиционалистской версией ислама в вышеупомянутом смысле. Этот подход принял форму идеологии в виде «Турецко-исламского синтеза». Данная идеология пропагандируется турецкими правыми партиями, и она декларирует, что быть турком и быть суннитом-мусульманином — это как две стороны одной медали: ты никогда не сможешь быть только кем-то одним [Seufert 1997: 83ff]. Смешение национализма, традиционализма и религии также имеет сильный и разрушительный эффект на отношения между турецкими мусульманами и мусульманами других национальностей в Германии.

В плюралистичном сообществе, таком как сообщество мусульманских иммигрантов, существуют множество других религиозных (напр., мистицизм или эклектизм) и нерелигиозных (напр., экономика, молодежная культур) опор для формирования идентичности. Традиционализм, универсализм и национализм были описаны здесь более детально, так как они являются наиболее значимыми источниками возражений против следующей идеи: мусульмане ищут коллективную идентичность и организационную платформу в Германии.

5. Введение исламского религиозного обучения в школы как элемент конструирования идентичности.

В настоящий момент немецкий ислам входит в новую стадию: исламское религиозное образование на немецком языке скоро будет установлено в школах в ряде субъектов страны (ср., например, [Kiefer 2005], [Bauer et al. 2006], [Reichmuth et al. 2006]. Сразу по нескольким причинам это начинание обозначает изменение взаимоотношений между мусульманами и немецким обществом.

— Для большинства иммигрантов, родителей и детей, обнаружить их религию рядом с двумя изучаемыми христианскими конфессиями в качестве обязательного предмета, значит услышать долгожданный сигнал о публичном и официальном признании, и это поможет изгнать недоверие, которое значительная часть родителей чувствует по отношению к образовательной системе ⁷.

— В силу того, что предмет будут преподавать

⁷ Вопрос о том, насколько «правильным» является это обучение, все еще остается серьезным, и он требует постоянных примиренческих действий со стороны тех, кто пытается его ввести (см. [Behr 2006]).

на немецком, мусульманский дискурс усиливается в немецком языке. Для многих турецко-говорящих мусульман это будет чем-то вроде открытия, узнать о том, что о религии (их собственной и других) можно говорить и думать на немецком. Новый предмет также заставит турецких иммигрантов чаще контактировать с другими меньшими группами мусульман из других стран, эти контакты до настоящего времени практически не осуществлялись, так как представители других групп не посещали турецкие мечети из-за незнания турецкого языка.

— Вслед за введением исламского религиозного образования, как стандартного школьного предмета, научная мусульманская теология начнет развиваться параллельно, будучи вовлечена в академический дискурс, что позволит эволюционировать и релевантному немецко-мусульманскому дискурсу.

Все это усилит тенденцию к формированию универсалистской мусульманской идентичности, основанной на этике ответственности, которая позволит ей найти место в немецком обществе. Это развитие может встретить противодействия на нескольких фронтах: первый — это исламистские позиции, которые могут быть найдены в традиционалистском и универсалистском дискурсах и которые не готовы расстаться с идеей о контроле государства и общества с помощью механизмов ислама (ср. для Германии, например, [Bundesministerium des Innern 2006]). Второй фронт оппозиции — гораздо более влиятельный — исходит со стороны многочисленных дискурсов, не признающих ослабление границ между религией и (особенно турецким) национализмом. Данная идея усиливается двумя факторами. Первый: значительная часть иммигрантской группы поддерживает сильное влияние турецкой власти на религиозное образование, надеясь таким образом контролировать исламизм (ср. [Zentrum für Türkeistudien 2005: 59]). Второй фактор заключается в наднациональных структурах турецко-исламских организаций как таковых. «Структурный национализм» данных организаций — это, вероятно, самая большая проблема на пути становления ислама как самодостаточной религии в Германии.

Но даже несмотря на то, что очень сложно воспринимать различие внешних целей и стратегий официального «национального объединения» иммигрантов и их внутренних устремлений, опирающихся на эмоциональные связи с Турцией, в целом можно сказать, что дела все равно идут вперед. По всей Германии мусульмане

совершают постоянные организационные попытки развить и продвинуть самостоятельный ислам за пределы традиционалистских и/или националистских планов больших турецких организаций (ср. напр. Engelbrecht 2006 и Johansen 2006) ⁸. Необходимость конструктивного поворота в сторону германского общества и языка — это срочная мера, которая востребована не только со стороны Германии, но все чаще со стороны самих иммигрантов, особенно тех из них, которые оказались экономически успешными. Локальные официальные представители больших турецко-исламских организаций сталкиваются с дилеммой: поскольку они сами иммигранты (но не высланные из Турции), у них имеется необходимость сближения с коренным населением и овладения их языком, но, с другой стороны, их официальная задача как официальных представителей — поддерживать «функциональный национализм» своих организаций (не говоря уже о том, что в данном конфликте на карту поставлена их работа). Официальные представители постоянно сталкиваются с вопросом: действительно ли они хотят оставаться представителями «филиалов турецких партий или движений», или же они хотят стать частью самостоятельных организаций иммигрантов [Zentrum für Türkeistudien 1997:115].

В дальнейшей перспективе мусульманам (включая турецко-исламские организации) придется найти для себя решение проблемы «структурного национализма» на индивидуальном и организационном уровнях. Как подмечает Матиас Рохе, обстоятельства требуют «идущих снизу» инициатив — создания германо-исламских религиозных организаций: «Мусульмане смогут сформировать всеобъемлющую организацию, только если начнут с местного уровня, поднимаясь по ступеням вверх к уровню федеральному» [Rohe 2006: 85]. На данный момент подобные организации не могут представлять всех мусульман Германии ⁹, также они не могут функционировать как мусульманские квази-церкви: «Турецкие мечети часто посещаются турецкими мусульманами, там вряд ли можно встретить представителя другой национальности... причина этого в том, что церкви до сих пор выполняют функции патристических и культурных организаций» [Lemmen

⁸ Например, самая большая и влиятельная турецко-исламская организация в Германии до 2002 г. придерживалась позиции, что «турецкий ислам должен преподаваться только на турецком языке» [Kiefer 2005:211].

⁹ Далеко не все турецкие иммигранты, а точнее, не более 50% из них, чувствуют, что существующие турецко-исламские организации представляют их интересы.

2005: 184]. По этим и другим причинам перед официальными представителями все более явно встает необходимость участвовать в «идущих снизу» процессах. Смогут ли они повести за собой свои организации — это ключевой вопрос ближайших лет.

Список литературы.

Aboul el Fadl 2001 — *Ch. Abou El Fadl*. Speaking in God's Name. Oxford, 2001.

Anderson 1991 — *B. Anderson*. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1991.

Behr 2006 — *H. Behr*. Innere Heimat Islam. Antrittsvorlesung am 5. Dezember 2006, Friedrich-Alexander Universität Erlangen // (http://www.izir.uni-erlangen.de/docs/IZIR_H_Behr_Antrittsvorlesung.pdf)

Brettfeld, Wetzel 2007 — *K. Brettfeld, P. Wetzel*. Muslime in Deutschland. Integration, Integrationsbarrieren, Religion und Einstellungen zu Demokratie, Rechtsstaat und politisch-religiös motivierter Gewalt. Hamburg, 2007.

Bundesministerium des Innern 2006 — Bundesministerium des Innern. Islamismus. Berlin 2006.

Dietrich 2006 — *M. Dietrich*. Islamischer Religionsunterricht. Rechtliche Perspektiven. Frankfurt/Main, 2006.

Engelbrecht 2006 — *M. Engelbrecht*. Netzwerke religiöser Menschen // F. Straus, B. Hollstein (eds.). Qualitative Netzwerkanalyse. Wiesbaden, 2006 (pp. 243–266).

Goldberg et al. 2004 — *A. Goldberg, D. Halm, S. Faruk*. Die deutschen Turken. Munster, 2004.

Karakasoglu-Aydin 2000 — *Y. Karakasoglu-Aydin*. Muslimische Religiosität und Erziehungsvorstellungen. Frankfurt/Main, 2000.

Kelek 2002 — *N. Kelek*. Islam im Alltag. Islamische Religiosität und ihre Bedeutung in der Lebenswelt von Shulerinnen und Schülern türkischer Herkunft. Munster, 2002.

Kiefer 2005 — *M. Kiefer*. Islamkunde in deutscher Sprache in Nordrhein-Westfalen. Kontext. Geschichte, Verlauf und Akzeptanz eines Schulversuchs. Munster, 2005.

Klinkhammer 2000 — *G. Klinkhammer*. Moderne Formen islamischer Lebensführung. Marburg, 2000.

Lemmen 2005 — *T. Lemmen*. Wer kann für wen sprechen? Aktuelle Standortbestimmungen muslimischer Gemeinschaften in Deutschland // Herder Korrespondenz 59, 4/2005, pp. 182–187.

Meyer 1997 — *T. Meyer*. Identitäts-Wahn. Die Politisierung des kulturellen Unterschieds. Berlin, 1997.

Reichmuth et al.

2006 — *S. Reichmuth, M. Bodenstein, M. Kiefer* (eds.). Staatlicher Islamunterricht in Deutschland. Die Modelle in NRW und Niedersachsen im Vergleich. Munster, 2006.

Rohe 2006 — *M. Rohe*. Spezifische Rechtsprobleme des islamischen Religionsunterrichts in Deutschland // T. Bauer, L. Kaddor, K. Strobel (eds.). Islamischer Religionsunterricht. Hintergründe, Probleme, Perspektiven. Munster, 2006 (pp. 79–85).

Schiffauer 2000 — *W. Schiffauer*. Die Gottesmänner. Türkische Islamisten in Deutschland. Frankfurt/Main.

Schneider 2005 — *I. Schneider*. Muslime in der Diaspora — Probleme der Positionierung im säkular pluralistischen Staatswesen // Ch. Langenfeld, L. Volker, I. Schneider (eds.). Islamische Religionsgemeinschaften und islamischer Religionsunterricht: Probleme und Perspektiven. Gottingen, 2005 (pp. 61–72).

Seufert 1997 — *G. Seufert*. Café Istanbul. Alltag, Religion und Politik in der modernen Türkei. München, 1997.

Seufert, Kubaseck 2006 — *G. Seufert, Ch. Kubaseck*. Die Türkei. Politik Kultur Geschichte. München, 2006.

Seufert, Senocak 2006 — *G. Seufert, Z. Senocak*. Aufklärung mit der >Sprache der Religion<? Ein Briefwechsel // L. Haustein, J. Satorius, Ch. Bertrams (eds.). Modell Türkei? Ein Land im Spannungsfeld von Religion, Militär und Demokratie, Gottingen, 2006 (pp. 28–50).

Tietze 2001 — *N. Tietze*. Islamische Identitäten. Hamburg, 2001.

Weber 1980 — *M. Weber*. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1980.

Weber 1997 — *M. Weber*. Politik als Beruf // M. Weber. Schriften zur Sozialgeschichte und Politik. Stuttgart, 1997 (pp. 271–339).

Zentrum für Türkeistudien 1997 — Zentrum für Türkeistudien. Türkische Muslime in Nord-rhein-Westfalen. Essen, 1997.

Zentrum für Türkeistudien 1998 — Zentrum für Türkeistudien. Das ethnische und religiöse Mosaik der Türkei und seine Reflexionen auf Deutschland. Munster, 1998.

Zentrum für Türkeistudien 2005 — Zentrum für Türkeistudien. Religiöse Praxis und organisatorische Vertretung türkischstämmiger Muslime in Deutschland. Ergebnisse einer telefonischen Befragung. Essen, 2005.

МУСУЛЬМАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ГЕРМАНИИ¹

А. Мухаматчина

магистрантка Восточно-Европейского института
Свободного университета Берлина

Старое и новое.

«Мусульмане, молоды, активны» — таков слоган одной из многочисленных мусульманских молодёжных организаций Германии, вполне точно отражающий общий настрой юных немецких мусульман. Количество инициатив, программ, объединений, организаций мусульманской молодёжи в ФРГ так велико, что они с трудом поддаются подсчёту или квалификации.

Наиболее влиятельными среди них по-прежнему остаются молодёжные проекты таких крупных исламских организации как «Турецко-исламский союз Президиума по вопросам религии» (DITIB), «Исламское сообщество Milli Görüş» (IGMG) или «Объединение исламских культурных центров» (VIKZ). Их главное преимущество — возможность привлекать молодое поколение через мечети. В рядах этих организаций числятся несколько тысяч юных мусульман. Например, около 15 000 молодых мусульман по всей Европе (80% в Германии) являются членами молодёжного отделения Milli Görüş — «Milli Görüş Jugend»².

Исследователи отмечают, однако, что интерес молодёжи к подобным проектам в последние десятилетия заметно спал. Важную роль сыграл тот факт, что традиционные организации недостаточно знакомы с реалиями молодых мусульман. В результате на их место приходят новые молодёжные инициативы, более точно отражающие интересы мусульманской молодёжи и ориентированные на их проблемы. В качестве примера такой новой инициативы можно назвать основанную в 1995 году организацию «Мусульманская молодёжь Германии». Основной упор эта организация делает не на поддержание связей между молодёжью и родиной их родителей, а на программы, которые могут помочь молодым мусульманам найти своё место в немецком обществе. Её цель — с помощью различных мероприятий укрепить немецко-мусульманское самосознание молодых мусульман, помочь им достичь успеха

в школе, профессии, семье и религиозных делах. На сегодняшний день в её мероприятиях принимают участие более 1000 молодых людей и её популярность только растёт³.

И хотя в сравнении с общим (несколько миллионным) числом мусульман в Германии количество членов мусульманских молодёжных организаций кажется не таким уж большим, тем не менее даже эта довольно небольшая группа людей своей деятельностью вносит огромный вклад в развитие немецкого общества и ислама в Германии⁴.

«Поп-ислам»

Характеризуя современную мусульманскую культуру Германии, немецкие исламоведы, вдохновлённые журналистом Юлией Герлах, стали говорить о движении «поп-ислам». Члены организаций, причисляемых к этому течению, характеризуются с одной стороны, как очень религиозные, но с другой стороны, не чуждые символам современной поп-культуры молодые люди. Гётц Нордбухс, исламовед интернет-портала «ufuq.de», характеризует представителей поп-ислама как «стремящихся к знаниям, хипповых мусульман, считающих себя исключительно немцами». К представителям этого движения он относит проект «Style Islam», мусульманскую социальную сеть «myumma.de», организацию «Мусульманская молодёжь Германии», форум «muslimaktiv.de», объединение «Islamische Denkfabrik» и частично интернет-сообщество «waymo.de» Центрального Совета Мусульман Германии⁵.

К движению «поп-ислам» относят также и новое, быстро развивающееся объединение «Lifemakers», созданное по образцу одноимённого движения в Египте. У этого движения нет жёсткой структуры, и в зависимости от местных условий в каждой стране она организована по-разному. Цель объединения проста: изменить мир

³ Ibid.

⁴ Nordbruch, Götz (2010). Religiosität und Zugehörigkeit: Junge religiöse Muslime in Deutschland // www.bpb.de/gesellschaft/migration/jugendkultur-islam-und-demokratie/65117/religiositaet-und-zugehoerigkeit-junger-muslime?p=all.

⁵ Schädler, Karin (2009). Neue Identitäten: Islam ist pop // www.taz.de/!46116.

¹ Статья написана специально для данного журнала. Алсу Мухаматчина является магистранткой Свободного университета Берлина.

² Dantschke, Claudia (2007). Die muslimische Jugendszene // www.bpb.de/politik/extremismus/islamismus/36402/jugendorganisationen?p=all.

в лучшую сторону. Его представители в Германии организуют обеды для бездомных, компьютерные курсы для безработной молодёжи и помогают престарелым людям. Популярность этого движения среди молодых мусульман и мусульманок в Германии объясняется тем, что оно даёт им возможность соединить их религиозные убеждения и гражданскую позицию воедино⁶.

Стоит отметить, что мусульмане и мусульманские организации неохотно используют понятие поп-ислам, так как считают, что оно звучит слишком поверхностно и не отражает их характер.⁷

Студенческие инициативы

Немаловажную роль в жизни современной исламской молодёжи Германии играют объединения мусульман-студентов при университетах. Их цель — защита прав студентов, исповедующих ислам. Подобные организации занимаются такими вопросами, как борьба с дискриминацией мусульман, выделение молельных комнат, внедрение халяльной продукции в меню университетских столовых и др. В 2007 году в Бонне был основан «Совет мусульманских студентов и академиков (RAMSA)», призванный объединить университетские сообщества мусульман разных городов Германии. В настоящий момент Совет включает в себя около 30 студенческих групп и объединений исламских академиков по всей Германии. Основные принципы работы Совета — солидарность, сплочённость и единство студентов-мусульман Германии⁸.

Правительственные инициативы

В то время как для обсуждения общих вопросов и проблем мусульман Германии правительством ФРГ была создана «Исламская конференция в Германии», дела исламской молодёжи стали темой специально для этого основанной «Молодой Исламской Конференции». Эта организация — совместный проект фонда «Mercator» и Университета Берлина им. Гумбольдта.⁹

В рамках этой организации на федеральном уровне и на уровне отдельных земель регулярно проходят встречи молодых мусульман в возрасте от 17 до 25 лет, семинары, ролевые игры

и молодёжные конференции на различные темы, в той или иной мере затрагивающие вопрос, какую роль мусульмане играют в немецком обществе. Участники встреч под опекой политиков стремятся создать идеальную модель плюралистического общества, в котором бы молодые мусульмане заняли достойное место. С этой целью они анализируют те проблемы и предрассудки, с которыми мусульмане сталкиваются в повседневной жизни и стараются найти наиболее приемлемые пути разрешения этих проблем¹⁰.

Основные направления деятельности

Среди основных направлений деятельности мусульманских молодёжных организаций можно выделить культурно-образовательные, развлекательные и социально-политические проекты, благотворительные проекты, а также инициативы, направленные на развитие межкультурного и межрелигиозного диалога. При мусульманских организациях числятся несколько сотен молодёжных спортивных команд (футбольных, баскетбольных, боксёрских, борцовских и проч.), литературных и музыкальных кружков, интернет-сообществ и других объединений по интересам. Молодёжные мусульманские организации иницируют многочисленные поездки, встречи, конференции, семинары, игры, дискуссионные клубы. При этом они стараются посвящать свои мероприятия как можно больше широкому спектру тем: от вопросов развития мусульманского кино до экологических проблем и проблем окружающей среды (этим занимается, например, проект «эко-мусульмане», цель которого — обратить внимание молодых мусульман на проблемы экологии и окружающей среды).

Организации салафитского толка

Особое место среди молодёжных мусульманских организаций занимают организации салафитского толка, отличающиеся особенно консервативными убеждениями. В последние годы, особенно с 2005 года, активность подобных организаций значительно возросла, они с особым усердием начали кампанию по привлечению новых членов. Свою миссионерскую деятельность они ведут как среди мусульманской, так и немусульманской молодёжи. Своими пламенными и в то же время доходчивыми речами салафитские деятели (среди которых особенно отмечают Пьера Фогеля и Абу Наги) привлекают молодых людей, переживающих сложные времена становления личности.

⁶ Fritzsche, Kerstin (2007). Der "Pop-Islam" kommt // www.fluter.de/de/gleichheit/buecher/5619.

⁷ Nordbruch, Götz (2010). Islamische Jugendkultur in Deutschland // www.goethe.de/ins/cz/prj/jug/the/gla/de6880048.htm.

⁸ RAMSA // www.ramsa-deutschland.org/RAMSA.

⁹ Junge Islamkonferenz // www.junge-islamkonferenz.de.

¹⁰ Ibid.

Для миссионерской деятельности салафиты зачастую используют людей, которые пользуются особым расположением у молодёжи. В последнее время они тесно сотрудничают с рэперами, которых удалось привлечь на свою сторону. Превращение этих «плохих парней» в преданных мусульман кажется для многих символом того, что выход есть из любых ситуаций¹¹.

Проводимые салафитами акции до сих пор, однако, не принесли их организациям особого успеха в поиске новых членов среди молодёжи. В настоящее время всего несколько тысяч мусульман могут быть отнесены к этому течению. Тем не менее, салафиты достигли хороших результатов на просторах интернета. По сравнению с другими движениями-представителями альтернативного толкования ислама их интернет-порталы наиболее привлекательны. Молодёжь, ищущая информацию об исламе в интернете, с большой долей вероятности может наткнуться на сайты салафитских сообществ¹².

Развитие немецко-исламского самосознания

Юные мусульмане Германии — хоть в большинстве своём и дети мигрантов с Ближнего и Среднего Востока и из Северной Африки, но уже настоящие немцы. Они свободно владеют немецким языком, выросли в Германии и считают её своей родиной. Тем не менее, утверждать, что мусульманская молодёжь ничем не отличается от своих сверстников, не связанных с исламским миром, тоже было бы ошибочно.

С одной стороны, молодые мусульмане, как и все другие члены немецкого общества, высоко ценят принципы демократии. Они не могут представить свою жизнь без свободы слова, собраний, СМИ. Им важно чувствовать себя частью гражданского общества. С другой стороны, им также важно ощущать себя частью мусульманского сообщества — частью мусульманской уммы — и следовать принципам ислама. И хотя до сих пор кто-то спорит о совместимости ислама и демократии, молодые мусульмане Германии своим существованием доказывают, что исламские и демократические принципы не исключают, а напротив — дополняют друг друга.

Так как ислам и исламская культура по-прежнему остаётся непонятной для многих граждан Германии, молодым мусульманам приходится активно работать над тем, чтобы изменить пред-

ставление остального населения о себе и об исламе. С этой целью мусульмане Германии проводят различные акции и кампании, призванные распространить правдивую информацию об исламе и мусульманах. Их целевая аудитория, однако же, — это не только граждане не мусульмане, но и сами мусульмане, и остальная мусульманская молодёжь, которая зачастую сама пребывает в неведение об основах своей религии.

Style Islam — «Стильный Ислам»

Одной из наиболее успешных (в том числе и коммерчески) инициатив по улучшению имиджа ислама, подпорченного в СМИ, стал запущенный в Германии проект «Стильный Ислам». Автор этого проекта Мели Кесмен основал собственную фирму, выпускающую продукцию (футболки, кофты, платки, ручки, кружки, украшения и др.) с такими слоганами как «Я люблю своего Пророка», «Читай Коран — заряжай свой иман», «Улыбайся — это сунна», «Молитва объединяет». Его целью было донести смысл ислама до молодёжи на простом и понятном ей языке, дать ей ориентир и уверенность в том, что исламский облик является стильным, модным, современным и позитивным¹³. Основатель компании назвал свой проект креативным ответом на провокационные акции против ислама и в одном из интервью заявил, что важным импульсом для развития его идеи стал карикатурный скандал 2005 года¹⁴.

Основанная в 2008 году фирма за четыре года сумела увеличить свой оборот в десять раз, благодаря интернет-магазину, приобрела популярность далеко за пределами Германии и даже открыла свои филиалы в Саудовской Аравии¹⁵.

Обучение

Развитие исламского самосознания у молодёжи кажется невозможным без исламской просветительской деятельности. Именно поэтому образовательные программы — важные составляющие молодёжных инициатив большинства немецких объединений. Интересно отметить, что в рамках многих образовательных курсов, предлагаемых молодёжными исламскими организациями, молодые мусульмане не только знакомятся со своей религией и интересно проводят время, но и обсуж-

¹¹ *Ibid.*

¹² Nordbruch, 2010. Islamische Jugendkultur in Deutschland.

¹³ Kesmen, Melih. StyleIslam // www.de.styleislam.com.

¹⁴ Ein Interview mit Melo, dem Macher von StyleIslam. com (2008). // www.islam.ch/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=21: ein-interview-mit-melo-dem-macher-von-styleislamcom&catid=21: zusammenleben&Itemid=17.

¹⁵ *Ibid.*

дают актуальные социальные и политические проблемы с точки зрения ислама и демократических основ, учатся быть активными и смелыми членами гражданского общества. При этом они приобретают знания и навыки, которые важны не только для их религии, но и пригодятся для школы, для университета, для работы в дальнейшем. В этом симбиозе отражается стремление молодёжных организаций не только укрепить в юных мусульманах их религиозное самосознание, но и воспитать их как активных граждан ФРГ¹⁶.

Межкультурный и межрелигиозный диалог

Межрелигиозный и межкультурный диалог — одно из наиболее важных направлений деятельности молодёжных мусульманских организаций Германии. Мусульманская молодёжь старается проводить как можно больше встреч с христианскими объединениями, представителями светских властей и неисламскими общественными организациями¹⁷. Причина в том, что межкультурные и межрелигиозные контакты помогают лучше понять себя и собственную религию. Подобные контакты также активно поддерживаются правительством ФРГ, так как они отвечают интересам страны, способствуя формированию крепкого плюралистичного общества. Среди приоритетных проектов можно отметить развитие диалога между молодыми мусульманами и иудеями. Их основная цель — разделить в восприятии молодых людей политическую и религиозную составляющие, которые так часто сплетаются в их сознании в связи с ближневосточным конфликтом.

Религиозность

Хотя религиозность — это такое понятие, которое сложно поддаётся измерению, многочисленные социологические опросы и статистические базы дают возможность составить нам некоторое представление о степени приверженности молодых мусульман к своей религии.

Проведённые в последние годы опросы показывают, что ислам играет особенную роль в жизни молодых мусульман, которые зачастую оказываются даже ещё более религиозными, чем их родители. Согласно проведённым в 2008 году исследованиям фонда Бертельсмана, к возрастной группе от 18 до 29 лет относится наибольшее количество «особенно религиозных мусульман». К тако-

му же итогу пришли и исследователи Центра Тюркологии, которые в 2008 году провели социологический опрос мусульман с турецкими корнями. Около 75 % 18–29 летних участников опроса назвали себя «скорее религиозными» или «очень религиозными» людьми. В то же время в возрастной группе от 45 до 59 лет подобные заявления были отмечены только у 60 % респондентов¹⁸.

В зависимости от возраста различается также образ жизни и мировоззрение мусульман. Молодые мусульмане, которые выросли, например, в Берлине или Штутгарте, не всегда разделяют традиции и взгляды своих родителей, бабушек и дедушек, выросших в Турции или Ливане. В отличие от старшего поколения, для которого принадлежность к исламскому сообществу была само собой разумеющимся, обусловленным самим фактом проживания в исламской стране, молодые мусульмане воспринимают это иначе. Для них, живущих в неисламском немецком обществе, их религиозная принадлежность в первую очередь определяется соблюдением определённых религиозных ритуалов и ношением исламской символики, а не страной проживания. Пост, молитва, платок, отказ от алкоголя, недозволенной в исламе пищи и поведения особенно ценятся молодым поколением в Германии как элементы исламского самосознания¹⁹.

Проведённое в 2009 году в трёх европейских странах исследование пришло к выводу, что значимость религии в повседневной жизни для мусульман в Германии выше, чем у их единоверцев в Великобритании и Франции. Для 82 % немецких мусульман ислам — это образ жизни. Ислам играет такую же важную роль в повседневной жизни только для 70 % мусульман Великобритании и Франции²⁰.

Самоопределение

Не существует однозначного ответа на вопрос о том, что важнее для молодых мусульман Германии: их религиозная община или государство. Согласно одному опросу, 59 % мусульман говорят, что чувствуют «сильную связь» со своей религиозной общиной. Подобное чувство связи с Германией, напротив, испытывают только 40 % опрошенных. Тем не менее, по сравнению с остальным населением это довольно высокий процент. Лишь 32 % всех немцев также чётко идентифицируют себя с Германией. Это значит, что чувство

¹⁶ Мусульманская молодёжь Германии // www.muslimische-jugend.de.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ Nordbruch, 2010. Religiosität und Zugehörigkeit.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ibid.*

принадлежности к Германии у мусульман выражено сильнее, чем у населения в целом. Это отражается также и в доверии, которое мусульмане испытывают к государственным институтам. В то время как 73 % немецких мусульман доверяют немецкому суду, в среднем, лишь 49 % немецкого населения считают, что на немецкий суд можно полностью положиться. В 2009 году 61 % мусульман выразили поддержку немецкому правительству, которое на то время поддерживали только 36 % немусульманского населения²¹.

Существование таких объединений, как «Мусульманская молодёжь Германии» или инициатив, как рабочая группа «Зелёные мусульмане» при партии «Союз 90 / Зелёные» в Северном Рейне-Вестфалии, указывает на то, что мусульмане хотят активно участвовать в политической жизни страны. Это также становится очевидным, например, и в преддверии выборов, когда исламские объединения стараются принять участие в политическом процессе. Например, на сайте молодёжного движения JUMA можно найти раздел, посвящённый участию представителей движения в проведении выборов 2011 года. В этом разделе опубликованы информация о ходе выборов, о работе молодых мусульман на избирательных участках, а также материалы интервью, проведённых участниками движения с представителями различных политических партий. В ходе интервью участники JUMA беседовали с партийными деятелями об отношении их партии к темам, непосредственно затрагивающим интересы молодого мусульманского населения, как то: роль ислама в государстве, исламофобия, исламофобия в интернете, высшее образование, обучение рели-

гиозных наставников, платок, молельные помещения в учебных заведениях. Ответы партийных представителей были записаны и упорядочены, так что каждый посетитель сайта перед выборами мог зайти на страничку сообщества, сравнить ответы политиков и выбрать партию, наиболее близкую к его или её позиции²².

Заключение

Молодые мусульмане, также как и их сверстники, находятся в поисках себя, путей самовыражения, единомышленников, поддержки и жизненных ориентиров. Их социальная и политическая активность выходит при этом на первый план, в то время как прошлое их родителей играет зачастую лишь второстепенную роль. Молодые мусульмане ощущают свою принадлежность и к исламу, и к немецкому обществу и не видят в этом противоречия. Напротив, пользуясь своими правами как члены немецкого общества, они стараются защитить свои интересы, в том числе и как мусульман.

Та лёгкость, с которой мусульманская молодёжь Германии совмещает религиозные взгляды и общественную деятельность, — ясный пример того, что ислам становится всё более «нормальным» явлением для немецкого общества. Пусть это и не означает, что споры и противоречия, касающиеся жизни мусульман в Германии, утихают, все же в политических и социальных дебатах молодые мусульмане уже стали равноправными участниками. Их прорыв в общественную жизнь предоставил им возможность защищать свои позиции, открыто высказывать своё мнение, критически оценивать себя и других.

²¹ *Ibid.*

²² JUMA // www.juma-projekt.de/juma-fragtparteien-antworten.

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРА ВО ФРАНЦИИ: ИСЛАМСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ¹

Б. Долгов

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра арабских исследований Института востоковедения РАН*

Арабо-мусульманская диаспора во Франции является самой многочисленной в Европе и составляет по разным оценкам свыше 5 млн чел. (население Франции на 2008 г. насчитывает 64,5 млн чел.). Большинство ее составляют выходцы из стран Магриба (свыше 82%). Часть французских мусульман восприняла европейские цивилизационные ценности. Тем не менее многие мусульмане привержены традициям своей религии и культуры. Они воспринимают ислам как основу своей цивилизационной идентификации. Мусульманская община во Франции располагает своими профессиональными, гуманитарными, просветительскими, политическими и религиозными организациями. В процессе социокультурного развития во французской мусульманской общине возникло несколько направлений восприятия и практики ислама. Некоторые мусульманские идеологи, как например, проживающий в Швейцарии профессор Фрибургского университета Тарик Рамадан², заяв-

ляют, что в Европе и, прежде всего, во Франции сформировался европейский ислам, или «европейская исламская культура, приверженцы которой остаются верными фундаментальным мусульманским принципам и в то же время адаптировались к европейской культуре. Они являются мусульманами по своей религиозной принадлежности и полноценными европейцами по своей культуре». Однако Тарик Рамадан подтверждает, что «речь идет не о создании «нового ислама», а о восприятии ислама в его изначальном подлинном динамизме и созидательности. Это позволяет его последователям интегрировать все то положительное, что выработали другие культуры, с которыми они соприкасаются. и, наряду с этим, критически подходить к тем аспектам, которые не соответствуют исламским ценностям» [Tarik Ramadan 2008: 67]. Во французской мусульманской общине есть последователи традиционного классического ислама, индивидуального ислама, движение светских мусульман. В то же время действуют неопундаменталистские течения.

Традиционный умеренный ислам исповедует большинство мусульман, в основном среднего и преклонного возраста. Его проповедуют официальные, если можно так сказать, мусульманские структуры, в частности имамы Большой парижской мечети³. Так например, профессор Иваз, ведущий преподаватель-теолог Мусульманского института при Большой парижской мечети в беседе с автором этих строк подчеркивал, что «француз-

¹ Б. В. Долгов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских исследований Института востоковедения РАН.

² Тарик Рамадан — внук Хасана аль-Банни, основателя египетской ассоциации «Братья-мусульмане» (основана в 1928 г.), является одним из идеологов концепции европейского ислама. Он автор ряда работ, в том числе по реформированию ислама. Тарик Рамадан известен как один из наиболее влиятельных и известных деятелей современной мусульманской мысли и исламистского движения. Он достаточно широко образован, владеет арабским, французским и английским языками, обладает ораторским искусством и харизмой, что привлекает на его лекции и выступления большое число мусульман, особенно молодежи. Тарик Рамадан, наряду с преподаванием во Фрибургском университете, имеет звание профессора и преподает исламологию в университетах Оксфорда, Роттердама и Киото. Кроме того Тарик Рамадан, совместно со своим братом Хани Рамадан является членом административного совета Исламского центра Женевы, основанного в 1961 г. Саидом Рамадан их отцом и соответственно сыном Хасана аль-Банни. Президентом административного совета Исламского центра Женевы является Айман Рамадан, старший брат Тарика Рамадана. Членами административного совета работают также два других брата Билаль и Ясир Рамадан, их сестра Арва Рамадан и их мать Вафа Рамадан, вдова Саида Рамадан. Тарик Рамадан и Хани Рамадан являются также официальными хранителями наследия Хасана аль-Банни и Саида Рамадан, в связи с чем Тарик и Хани Рамадан занимаются публикацией и распространением их работ, в частности при помощи издательства Тавхид, функционирующего в г. Лионе (Франция).

³ Большая парижская мечеть была основана в 1922 г. при содействии французских властей. Таким образом Франция хотела выразить свою признательность мусульманам, сражавшимся в рядах французской армии во время Первой мировой войны и принимавших участие в наиболее кровопролитных сражениях, а именно под Верденом в 1916 г. Мемориальный комплекс в память погибших солдат-мусульман, в частности был открыт на территории мечети президентом Ж. Шираком в 2006 г. Мечеть построена на участке земли площадью в 1 гектар, также предоставленном мэрией Парижа, и украшена минаретом высотой 34 м. При мечети функционирует Мусульманский институт, на двух факультетах которого студенты могут изучать теологические дисциплины и арабский язык [Аль-маахад аль-исламий ли-мисджид барис (Исламский институт Большой парижской мечети. Париж., 2008 г. С. 18)].

ские мусульмане в основной своей массе являются приверженцами классического ислама» (Беседа проф. Иваза с автором 13.01.2010). Касаясь светского характера Французской республики и возможного его противоречия с практикой ислама, профессор Иваз утверждал, что «светскость предоставляет всем религиям право исповедовать свою веру и в этом ее задача». В этом вопросе его позиция совпадает с мнением президента Франции, который, в частности, отметил, что «светскость гарантирует право каждого гражданина исповедовать свою религию, так же как и право быть атеистом. Светскость не является противником религий. Напротив, светскость — гарантия свободы совести каждого гражданина» [Nicolas Sarkozy 2004: 16].

Выразителем направления умеренного и традиционного ислама в известной мере является Французский совет мусульманского культа (ФСМК), создание которого было инициировано министром внутренних дел Жан-Пьером Шевенманом и реализовано в 2003 г. сменившим его в этой должности Николя Саркози ⁴. Президентом ФСМК является Мухаммед Муссауи. Он сменил на этом посту имама Большой парижской мечети Далиля Бубакера. Большая парижская мечеть имеет тесные связи с представителями алжирской диаспоры. Ряд французских исследователей полагает, что создание ФСМК явилось попыткой французских властей создать структуру, которая представляла бы большую часть французской мусульманской общины, чтобы таким образом осуществлялось бы более эффективное сотрудничество с ней и в известной мере контроль. В то же время мусульманские деятели Большой парижской мечети, в частности профессор Иваз, заявляют, что ФСМК «в большей степени выполняет техническую функцию. Он руководит организацией религиозной деятельности мусульман, но ни в коей мере не руководит мусульманской мыслью и не довлеет на нее. Никакая структура не может выражать мнение и выступать от имени всех мусульман». Тем не менее ФСМК стремится также быть своеобразным форумом, на котором французские мусульмане могли бы обсуждать как теологические вопросы, так и свои насущные проблемы. Официально ФСМК ставит перед собой следующие задачи: строительство мечетей; обустройство мусульманских кладбищ; организация мусульманских праздников; назначение имамов-духовников в лицеи, колледжи, больницы и тюрьмы; подготовка

имамов ⁵. Руководящими органами ФСМК являются Исполнительный совет ⁶ и Административный совет, состоящий из 43 членов ⁷.

Второй организацией, отражающей идеологию традиционного ислама, является Национальная федерация мусульман Франции (НФМФ). Она была создана в 1985 г. и имеет достаточно прочные связи с марокканской и турецкой общинами. НФМФ в то же время представляет собой своеобразного оппонента Большой парижской мечети и также имела определенную поддержку властей до создания ФСМК. Президентом НФМФ является известный во Франции мусульманский деятель Мухаммед Бешари, его вице-президент — Абдалла Буссуф, имам мечети в Страсбурге. НФМФ курирует несколько мечетей в пригородах Парижа и на востоке Франции. Руководство НФМФ в последнее время не раз выражало обеспокоенность по поводу «проявлений исламофобии у некоторых политических деятелей и у части французских СМИ». В своем заявлении «Нет «исламизации» насилия» НФМФ отвергает «какую-либо связь между исламом и насилием и терроризмом» и призывает к «диалогу между религиозными общинами с тем, чтобы способствовать созданию атмосферы толерантности и взаимного уважения между верующими всех конфессий». Необходимо отметить, что как между ФСМК и НФМФ, так и внутри их руководства идет борьба за лидерство в мусульманской общине, а также за возможность получать всяческую поддержку, в том числе финансовую, со стороны государственных структур. Так, например, в 2006 г. вице-президент НФМФ Абдалла Буссуф обратился в суд, обвиняя президента НФМФ Мухаммеда Бешари в фальсификации итогов выборов руководства НФМФ и в нецелевом использовании финансовых средств НФМФ. Однако суд обвинения не подтвердил.

⁵ www.portail-religion.com/FR/dossier/islam/pratique/institutions 17.12.2009

⁶ Исполнительный совет, возглавляемый его президентом, состоит (состав 2008 г.) из двух вице-президентов, соответственно представителей Союза исламских организаций Франции и Национальной федерации мусульман Франции, генерального секретаря, представителя Координационного комитета турецких мусульман Франции, генерального делегата, представителя Большой парижской мечети и казначея, представителя Союза исламских организаций Франции.

⁷ Места в Административном совете распределяются следующим образом (состав 2008 г.): Национальная федерация мусульман Франции — 19 мест; Большая парижская мечеть — 10 мест; Координационный комитет турецких мусульман Франции — 1 место; независимые члены — 3 места.

⁴ <http://www.portail-religion.com/FR/dossier/islam/pratique> 17.12.2009.

Достаточным влиянием во Франции пользуются последователи индивидуального ислама, который в известной степени можно охарактеризовать как «исламский протестантизм». Видный политолог и исламовед, специалист по европейскому исламу, в том числе по его радикальным направлениям, профессор Высшей школы социальных исследований в Париже (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales — EHESS) Фархад Кхосрокховар (Farhad Khosrokhavar) считает индивидуальный ислам во Франции «значительным социальным явлением». Индивидуальный ислам исповедует, в основном, молодое поколение мусульман. Они полагают, что приверженность религии, а именно мусульманской, является частным делом индивидуума, и в этом их позиция совпадает с общепринятым отношением к религии во французском обществе. Ведущий научный сотрудник EHESS, специалист по индивидуальному исламу Науфель Брахим (Naoufel Brahimi) в беседе с автором этих строк определил индивидуальный ислам как «продукт индивидуального «эго» индивидуума, его собственное субъективное восприятие ислама, который он исповедует». В этом плане, как считает Н. Брахим, исторические традиции Франции начиная с эпохи Просвещения и Французской революции 1789 г., так же как современные институты (школа, СМИ, общество в целом), проповедующие индивидуализм, способствуют распространению индивидуального ислама.

С 2003 г. во Франции стали создаваться мусульманские организации, приверженцы которых заявляли, что они придерживаются республиканских и демократических принципов. Движение светских магрибинцев (ДСМ) объединяет Французский совет светских мусульман (ФССМ) и Совет мусульман-демократов Франции (СМДФ). Основателем ФССМ является Амо Ферхати, занимающий также пост советника Государственного секретаря по перспективному развитию в правительстве Франции. Президент СМДФ Абдеррахман Дахман также активный политический деятель. Он, в частности, в 2006 г. был руководителем инициативной группы в поддержку президента Ж. Ширака. В руководство ДСМ входят такие известные общественно-политические деятели, как преподаватель и журналист Азиз Сахири, писатель Малек Шебель, член руководства президентской партии «Союз за народное движение» (СНД) Рашид Каси и бывший депутат европейского парламента Джида Таздэ. ДСМ выступает про-

тив исламского фундаментализма и позиционирует себя не только светским движением, но и, как заявляет генеральный секретарь ФССМ Зияд Гуджилль «наследниками идей Великой французской революции»⁸. Активисты ДСМ выступили с обращением «ко всем мусульманам-гражданам Франции, преданным идеалам мира, справедливости, свободы и светскости за просвещенный ислам, который полностью соответствует демократическим и республиканским принципам Франции». Среди 450 человек, подписавших это обращение, были такие видные фигуры, как муфтий Марселя Сухейб Беншейх, известная женщина-социолог Лейла Бабес, алжирский журналист Мухаммед Сифауи. Со своей стороны Азиз Сахири резко выступает против ортодоксального ислама, проповедующего скрупулезное следование «устаревшим мусульманским догмам». Он, в частности, заявляет: «Мы выступаем за просвещенный ислам, а не за ретроградный ислам, привнесенный из консервативных мусульманских стран». В свою очередь муфтий Сухейб Беншейх подчеркивает, что «светскость — это гарантия свободного религиозного выражения. Поэтому защита догмата светскости должна стать лозунгом последователей Движения светских мусульман. Как верующие мусульмане мы нуждаемся в духовности, что придает смысл нашему существованию».

Вопрос соответствия ислама французским республиканским принципам, по мнению Хошама Дауда, директора программы изучения Ближнего и Среднего Востока, профессора Дома наук о человеке в Париже (Maison des sciences de l'Homme — MSH), в настоящее время является достаточно актуальным во Франции и активно обсуждается как в общественных кругах, так и в СМИ (беседа автора с Х. Даудом 6.09.2010). Со своей стороны видный исследователь-ориенталист, профессор Национального центра научных исследований (Centre national des recherches scientifiques — CNRS) и Центра международных исследований (Centre d'études et de recherches internationales — CERI), член научного совета издания «African Affairs» и «Recherches internationales» Жан-Франсуа Байарт (Jean-Francois Bayart) в 2009 г. опубликовал свою книгу «Республиканский ислам» (L'Islam republicain), в которой он проводит сравнительное историко-социологическое исследование соотношения республиканских принципов и ислама в Иране, Турции и Сенегале.

⁸ <http://www.uejf.org/tohubohu/archives/numero6/dossier/jeu.html> 17.12.2009

Во французской мусульманской общине есть сторонники исламизма, пытающиеся использовать ислам в политических целях, а также приверженцы неомундментализма, ставящие своей целью объединение всех существующих исламских организаций в единую мусульманскую общину под своим руководством. Для данного течения характерно неприятие европейских ценностей и фактический отказ от интеграции. Представители неомундментализма являются также сторонниками стратегии коммюнитеризма, то есть движения за создание в районах компактного проживания мусульман своеобразных зон-коммюн (от франц. *commune*), где действуют мусульманские традиции и законы шариата. Имеются также приверженцы радикального исламизма, действующие полуподпольно, зачастую под руководством самопровозглашенных имамов в неофициальных мечетях или молельных домах, так называемый «ислам окраин и гаражей». Во Франции существует довольно большое количество исламских организаций, отражающих в той или иной степени идеологию вышеуказанных течений ислама. Наиболее значительными из них, официально зарегистрированными и действующими легально являются Союз исламских организаций Франции (СИОФ) и Партия мусульман Франции (ПМФ).

СИОФ создан в 80-е гг. XX века. Его председатель Фуад Алауи занимает также пост вице-президента ФСКМ. Ежегодно СИОФ проводит в пригороде Парижа на территории выставочного комплекса Бурже симпозиумы, называемые «Встречи мусульман Франции» (в 2010 г. он проходил со 2 по 5 апреля). На них обсуждаются проблемы, связанные с повседневной жизнью мусульманской общины, а также проходят дискуссии по теологическим вопросам, в которых выступают видные мусульманские деятели. Наиболее известными из них наряду с вышеупомянутым Тариком Рамаданом являются Ахмад Джабалла, придерживающийся в основном классической трактовки мусульманских священных текстов, и Тарик Убру, имеющий свою собственную концепцию развития ислама в Европе. Тарик Убру (род. в 1959 г.) считается одним из наиболее видных идеологов в мусульманских кругах, объединившихся в СИОФ. Тарик Убру развивает свои собственные достаточно оригинальные и амбициозные идеи по интерпретации коранических текстов. Разделяя основные положения идеологии «Братьев-мусульман», которые провозглашают каноны Корана и мусульманские ценности вечными и непреходящими, приемлемыми в любом

месте и любое время, Тарик Убру, тем не менее, считает важным освободить ислам от всего, что мешает «мусульманской мысли стать легитимной дочерью Запада» [цит. по: Brigitte Marechal 2009: 137]. Он призывает к такой интерпретации Корана, которая основывается на знании исторического и социального контекста, при котором возникли те или иные суры. Мусульманскую теологию, согласно Т. Убру, необходимо реформировать, «не порывая с ее принципиальными основами».

Что касается Партии мусульман Франции (ПМФ), то она была создана в начале 2000-х гг. Ее председателем является Мухаммед Латреш. Национальное бюро ПМФ находится в г. Страсбурге, имеется также региональное отделение в Париже. ПМФ была зарегистрирована в качестве политической партии в Страсбурге не случайно. Дело в том, что закон, регламентирующий отношения государства с религиозными организациями и запрещающий создание политических партий на религиозной основе, был принят во Франции в 1905 г. Страсбург, как известно, в тот период принадлежал Германии и соответственно этот закон здесь не действовал (и не действует до сих пор). В своей программе ПМФ ратует за сохранение традиционных семейных ценностей, в частности за «проведение государственной политики, направленной на поддержку французской семьи и сокращение аборт, число которых в последние годы достигает 250 тыс. в год»⁹. ПМФ требует предоставить равные для всех возможности для поступления в наиболее престижные вузы с тем, чтобы там «могли учиться не только молодые люди из привилегированных семей». ПМФ выступает также за увеличение государственного финансирования школьного образования и государственной поддержки неимущих семей с тем, чтобы «их дети также могли получить достойное образование». Программа ПМФ предполагает признание религиозных организаций «в качестве социальных партнеров» и реализацию стратегии коммюнитеризма. ПМФ резко критикует проекты «некоторых французских политиков-ассимиляционистов и СМИ, стремящихся навязать мусульманам обязательную ассимиляцию, модернизацию их религии и отказ от традиционных мусульманских ценностей в качестве условия признания их «хорошими гражданами».

Во Франции действуют также сторонники ассоциации Братьев-мусульман. Причем наряду с Союзом исламских организаций Франции

⁹ http://www.p-m-f.org/crbst_33.html 08.01.2010

(СИОФ) Братья-мусульмане проявляют все большую активность во французской мусульманской диаспоре. На такую тенденцию обращает внимание имам мечети Дранси (район Парижа) Хасан Шальгуми (Hassen Chalghoumi) в своей вышедшей в сентябре 2010 г. книге «За ислам Франции» (Pour l'islam de France). Имам Шальгуми довольно известная фигура во французской общественно-политической жизни. В частности, в период острой дискуссии в СМИ по поводу возможности ношения паранджи французскими мусульманками он активно выступал против этого. Он заявлял, что «наши жены и сестры должны обрести подлинное равноправие с мужчинами и найти свое место во французском обществе, в то время как ношение паранджи напротив изолирует их». Такая позиция имама вызывает ожесточенную критику, нападки и угрозы в его адрес со стороны ортодоксальных мусульман (имам вынужден пользоваться личной охраной). В своей книге имам Шальгуми пишет также об имеющем место, по его мнению, вмешательстве посольств некоторых исламских государств в религиозную жизнь французской мусульманской общины с целью усиления здесь своего влияния. Он отмечает, что с одной стороны, во Франции наблюдается определенный подъем антимусульманского расизма, с другой стороны, идет процесс радикализации части французских мусульман¹⁰.

В свою очередь вышеупомянутый профессор Фархад Кхосрокховар указывает, что в настоящее время мусульманское сообщество в Западной Европе и, в частности во Франции, условно можно разделить на три категории. Первая, представляющая примерно 80% французских мусульман, которые во многом восприняли европейские ценности и нормы поведения, фактически являются «не практикующими». Вторая категория, меньшая по числу (примерно 15%), представляет приверженцев неоконфуциозизма, т. е. эта категория мусульман интегрируется во французское общество, но не ассимилируется с ним. Они скрупулезно выполняют все то, что предписано мусульманской религией и хотят по примеру французской еврейской общины жить в мире на европейской земле, сохраняя в то же время свою исламскую идентификацию, отличную от секуляристской идентификации большинства французского населения. Причем в Британии, где ношение паранджи, бороды, тюрбана не воспринимается как нарушение общественных норм, данная

категория мусульман в большей степени интегрирована в общество. Однако во Франции, где законодательство и общественное мнение не так толерантно к внешнему проявлению религиозной идентификации, эта часть мусульман ведет достаточно обособленный образ жизни. К третьей категории (около 5%) относятся ортодоксальные фундаменталисты — неосалафиты и последователи движения *таблига*¹¹, которые отвергают европейские ценности, стремятся полностью отгородиться от «безбожного общества» и жить по законам шариата. Исключение из экономической и социальной жизни и соответственно высокий уровень безработицы части данной категории мусульман, особенно молодежи, геттоизация и ее частичная маргинализация способствует усилению влияния джихадистской идеологии. Около 1 тыс. из них по всей Франции являются членами закрытых и полуподпольных исламистских организаций, возможно представляющих потенциальную опасность.

Между различными течениями ислама во Франции идет противостояние. Это касается прежде всего Движения светских магрибинцев, которое ратует за модернизацию ислама, провозглашает демократические ценности и выступает против фундаменталистов и исламистов, представленных в основном Союзом исламских организаций Франции и Партией мусульман Франции. Так, один из известных сторонников светских магрибинцев Абд ан-Нур Бидар, преподаватель философии из Ниццы опубликовал «Манифест за европейский ислам», в котором он предлагает свое видение реформирования ислама. А. Бидар призывает всех своих единомышленников, исповедующих европейский ислам, «сплотиться на основе трех принципов, а именно: первое — реформировать каноны ислама, в том числе интерпретацию текста Корана в свете современной концепции соблюдения прав человека. Объявить недействительными все части священного Корана, которые входят в противоречие с ценностями индивидуальной свободы, равноправия полов, светскости, толерантности между народами и религиями. Подтвердить право каждого мусульманина самому выбирать принцип его мусульманской иден-

¹⁰ <http://www.leparisien.fr/sein-saint-denis-93/hassen-chalghoumi-u-10/09/2010>

¹¹ Таблиг ва даава (ар. — послание и призыв) — фундаменталистская исламистская ассоциация, проповедующая строгое соблюдение норм шариата. Основана в 1920-е гг. на территории современного Пакистана. В настоящее время в Западной Европе существует достаточно много организаций таблига с центром в Британии. Во Франции также функционируют отделения таблига, насчитывающие несколько десятков тысяч последователей.

тичности. А именно, быть соблюдающим полностью мусульманские законы или нет, быть верующим или нет. В связи с этим признать, что мусульманская идентичность может быть как религиозной, так и только культурной. Отказаться от всяких претензий на узурпирование идеи «правильного ислама» или «официального ислама», навязываемого имамами». Другой видный сторонник «просвещенного ислама» Абдель Ваххаб Меддеб, регулярно выступающий на радиостанции «Франс кюльтюр» (Французская культура), также ратует за модернизацию ислама. Об этом он, в частности, пишет в своей книге «Болезнь ислама» (*La maladie de l'islam*). А Меддеб видит одно из проявлений «болезни ислама» в антизападных идеях многих известных мусульманских деятелей. В своей книге А. Меддеб утверждает также, что во всех монотеистических божественных откровениях, в том числе в Коране, есть элементы «воинственности, фанатизма, угрозы». В качестве способа противодействия «болезни» А. Меддеб приводит отрывок из книги Вольтера «Трактат о толерантности» (*Traite sur la tolerance*), в котором подчеркивается, что «лучшим способом уменьшить число религиозных фанатиков является лечение этой болезни духа разумом, который должен медленно, но неминуемо просветить людей».

Что касается политики французских властей в отношении с мусульманской диаспорой, то она, как известно, представляла собой ассимиляционную модель, согласно которой иммигранты должны полностью воспринять французские республиканские принципы, в том числе светскость, французский язык и систему образования. В отличие от британской модели мультикультурализма представители мусульманской диаспоры не рассматриваются как национальное меньшинство, но считаются французскими гражданами с разной степенью ассимиляции (вид на жительство или французское гражданство). В то же время, как подтверждает заместитель директора Центрального бюро по взаимодействию с культами (*Bureau central des cultes* — ВСС) Министерства внутренних дел Франции г-н Бернар Годар, государство осуществляет взаимодействие с религиозными организациями на основе Закона об отделении церкви от государства от 1905 г. и никоим образом не вмешивается во внутреннюю жизнь легитимно действующих религиозных организаций. Необходимо отметить, что в 80-е гг. XX века термин «ассимиляция» был заменен на более политкорректный по отношению к иммигрантам термин «политическая интеграция».

Французские власти в последние годы прилагают значительные усилия для решения проблем, связанных с мусульманской диаспорой и ростом исламистских тенденций. В них можно выделить два направления, Первое — ужесточение законодательства и борьба с нелегальной иммиграцией, и второе — преодоление социальной маргинализации, обустройство и модернизация жилых кварталов, где проживают мигранты, борьба с проявлениями дискриминации. В рамках первого направления в результате принятых мер число нелегальных иммигрантов сократилось с 250–300 тыс. в год в 80–90-е гг. до 90 тыс. в год в 2000-е гг. Если из 150 тыс. заявлений в год на переселение во Францию в 80–90-е гг. было удовлетворено 142 тыс., то в 2000-е гг. из тех же 150 тыс. заявлений удовлетворено лишь 90 тыс. В 2006–2007 гг. было ужесточено законодательство в отношении воссоединения семей, введены генетические тесты для идентификации родства. Осуществляется выдворение нелегальных иммигрантов. Так если в начале 2000 гг. выдворялось примерно 12 тыс. нелегалов в год, то в 2009 г. было выдворено 30 тыс. В 2007 г. было создано Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и солидарного развития, которое осуществляет централизованную политику в отношении мигрантов. В рамках второго направления был принят закон, направленный против социальной сегрегации и дискриминации, согласно которому за их проявления на виновного может быть наложен штраф в размере до 25 тыс. евро. По инициативе президента Саркози были созданы специальные школы и интернаты для талантливых детей из иммигрантских семей. Осуществляется обустройство районов, в которых проживают мигранты, в том числе бесплатное выделение земли для постройки мечетей. Введен контракт иммиграции, согласно которому вновь прибывшие мигранты бесплатно проходят курс обучения французскому языку в объеме 400 часов и гражданского права и обязанностей в объеме 30 часов.

Необходимо также отметить высокую степень приверженности демократическим принципам и республиканским традициям большей части французского общества, в том числе толерантности по отношению к мусульманской диаспоре и искренней убежденности в возможности интеграции большинства ее членов во французское общество. В то же время вопрос конфессиональной принадлежности гражданина не является согласно социологическим опросам наиболее актуальным для французской общественности.

Так, в результате опросов, проведенных в январе 2010 г. в рамках дискуссии о национальной идентичности, степень значимости для французских граждан компонентов национальной идентичности распределилась следующим образом: на первом месте — права человека; на втором месте — французский язык; на третьем месте — система социального обеспечения. Что касается конфессиональной принадлежности, то этот компонент оказался на 12-м месте.

Восприятие и практика ислама, так же как и исламская идентификация имеют различные тенденции и не являются едиными во французском мусульманском сообществе. Видный французский специалист по исламу и исламистскому движению Оливье Руа полагает, что «ислам трансформировался благодаря влиянию светскости и секуляризации. В среде мусульманских интеллектуалов появились умеренные, либералы и другие свободно мыслящие идеологи, выражающие различные направления современной мусульманской мысли. Современный ислам приобрел новые конфигурации от детерриторизации до индивидуализации» [Olivier Roy 2009: 172]. В последние годы во Франции набирает силу движение светских мусульман, исповедующих демократические и отчасти светские ценности. Это движение объединяет многие общественно-политические и женские организации. Возрастающую роль начинают играть последователи индивидуального ислама, воспринимающие его практически идентично общепринятому отношению к религии в европейском сообществе. Индивидуальный ислам, исповедуемый как правило мусульманскими интеллектуалами и частью молодежи, становится социальным явлением во французской мусульманской диаспоре и, соответственно, во французском обществе. Данные направления исламской идентификации успешно интегрируются в светское общество и вполне коррелируются с его демократическими ценностями. С другой стороны, среди французских мусульман наблюдается определенное усиление влияния неоперсоналистских тенденций, некоторые представители которых отражают социальный протест. Для части (достаточно немногочисленной)

мусульман характерно неприятие европейских ценностей, отказ от интеграции. Их лидеры проповедуют коммунотеризм, то есть замкнутое существование мусульманской общины по законам ислама. В известной степени определенный рост исламистских настроений является своеобразным ответом на имеющие иногда место проявления расизма и исламофобии. В свою очередь такие внешние факторы как перманентное обострение палестино-израильского противостояния, иракский и афганский кризисы, воспринимаемые частью мусульманского сообщества как война против ислама, вызывают негативную реакцию мусульман и играют на руку исламистским идеологам. Вместе с тем необходимо констатировать, что для достаточно значительной части французской арабо-мусульманской диаспоры мусульманская идентификация является не столько религиозной, сколько культурной, что способствует полноценной интеграции этой категории мусульман во французское общество.

Список литературы

1. Abdelwahab Meddeb. La maladie de l'islam. P., 2002.
2. Brigitte Marechal. Les freres musulmans en Europe. P., 2009.
3. Nicolas Sarkozy. La Republique, les religions, l'esperance. P., 2004.
4. Tarik Ramadan. Face a nos peurs. P., 2008
5. Olivier Roy. La laicite face a l'islam. P., 2009.
6. Аль-Маахад аль-ислами ли-месджид барис (Исламский институт Парижской мечети. Париж., 2008).
7. <http://www.portail-religion.com/FR/dossier/islam/pratique> 17.12.09
8. <http://www.uejf.org/tohubohu/archives/numero6/dossier/jeu.html> 17.12.09
9. <http://www.lexpress.fr/actualite/societe/religion/musulmans-mais-laiques> 17.12.09
10. <http://www.p-m-f/crbst33.html> 08.01.10
11. <http://www.lexisnexis.com/fr/buisness/delivery/> 26.01.10
12. <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2009/08/15/0/01/-20090807.01.10>
13. <http://www.lacroix.com/article/> 23.12.09

ДЛЯ ЗАМЕТОК

IslamRF.Ru

**ИСЛАМ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Ежеквартальный альманах

Выпуск № 1–2 (29–30) 2013

Ответственный за выпуск — **С. Бородай**

Верстка — **А.А. Панышин**

Корректор — **Т.М. Мастюгина**

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ ФС77-35773 от 25 марта 2009 г.

Тираж 3 000 экз.

Издательский дом «Медина»
129090, Москва, Выползов пер., д. 7
Тел./факс (495) 681-73-72 доб 106, 128
+7 926-527-47-81 — Ильдар Анварович Нуриманов
E-mail: info@idmedina.ru

Представитель ИД «Медина» в Нижнем Новгороде:
+7 920-297-97-99 — Ренат Вафович Ислямов
E-mail: islamnnov@gmail.com

Представитель ИД «Медина» в Казани:
+7 917-876-81-71 — Айдар Юрьевич Хабутдинов
E-mail: aihabutdinov@mail.ru

Представитель ИД «Медина» в Уфе:
+7 937-304-48-85 — Ринат Талгатович Сагитов
E-mail: sagitov_rt@mail.ru

www.islamsng.com
www.idmedina.ru
www.islamrf.ru
www.dumrf.ru
www.miu.su